vk.com/kurotranslations

САРА ДААТОН

ДРАКОНЬЯ БУРЯ

КНИГА ВТОРАЯ

Annotation

Оборотни-драконы вернулись в мир. Жестокий король на троне. Ужасная чума охватывает королевство. В Эстале Рева Авалон в бегах от Сестер, путешествует от деревни к деревне, пока чума сеет хаос и раздор среди населения. Но за ней следует неизвестная опасность. Одна из Сестер? Или кто-то, кто может раскрыть тайны ее прошлого?

А в Зантосе лагерь мятежников принца Луки разорван после атаки его брата. Но его отец мертв, и Лука боится за стабильность у него дома, в Эстале. Хоть они ослаблены, Лука должен найти путь укрепить мятежников, даже если нужно заключить сделку с теми, кому он не доверяет.

Перевод: Kuromiya Ren

1

СТЕФАН

Просвещенный Бог смотрел на Стефана большими черными глазами. Взгляд Просвещенного Бога одобрял его, решил Стефан. Все-таки Стефан был выбран Его младшим братом, принцем Аниосом. Он был перерожденным Аниосом, несмотря на его изъяны. Несмотря на его силы менти. Он должен был сосредоточиться на этом на его священной позиции.

Да, Стефан был выбран Просвещенной Верой, и Просвещенный Бог смотрел на него с потолка крепости Несры с одобрением. Фреска занимала почти половину длинного потолка тронного зала и представляла собой монохромную аномалию среди красочных изображений старого короля Митрина, побеждающего последнего короля драконов. Просвещенный Бог был одет в белые одежды, его глаза и волосы были черными, а на поясе сверкали голубые молнии. Стефан не сводил глаз с Просвещенного Бога, а не с ярко-желтой, оранжевой и малиновой фрески короля Митрина и последнего короля драконов. Стефан хотел, чтобы ему напомнили, зачем он здесь.

Но после битвы со своим братом, принцем Лукой, он выглядел чудовищно. Стефан был драконом, а его брат владел огнем и оставил ему шрамы от головы до шеи. Ожоги не были такими красными или покрытыми волдырями, как раньше, но они оставили на его коже месиво шрамов, ямочки и раздражения, кожа напоминала растянутое тесто для хлеба.

Он посмотрел влево, где сидела его жена Мария, женщина, которая не могла терпеть его вида. Она была робкой, сжималась на троне. Корона неуклюже лежала на ее голове, чуть накренилась. Каждый раз, когда Мария двигалась, корона сползала влево. Стефан стиснул зубы, чтобы игнорировать это. Он был привязан к своей робкой жене, но были времена, когда ее явное равнодушие к окружению смущало его. Но, по крайней мере, она прекрасно выглядела в бело-фиолетовом платье. Стефан был одет в соответствующий камзол и темно-фиолетовый плащ из тончайшего бархата, расшитый молнией Ордена Понимания.

На его голове не было короны.

Взгляд Стефана скользнул в сторону прохода между двумя рядами сидений. На этих местах сидели придворные. Дамы, лорды, генералы… принцессы. Музыка стала громче, он заметил лицо своей старшей сестры Серены. Она все еще была одета в черное, в трауре по отцу и брату. Стефан попросил ее не носить черное, надеть более подходящий наряд, чтобы отпраздновать коронацию ее брата, но Серена бросила ему вызов. Это может быть

проблемой.

Серена сидела рядом со своей матерью, королевой Марианной, второй женой его отца. Она не будет проблемой. Женщина постарела, поседела. Она не открывала рта десять лет. Аниос знает, что его отец увидел в ней. Женщина была сморщенной маленькой землеройкой. Его младший брат Альберто сидел рядом с Каролиной. Альберто в этом году исполнится семь лет. Когда он станет старше, Стефан будет беспокоиться о том, что его враги встанут на сторону мальчика. Возможно, через несколько лет Альберто получит важный пост в королевской армии вдали от двора. Принцесса Каролина могла продолжать играть со своими куклами или чем-то еще, что ей нравилось делать. Потом он найдет ей мужа. Серена была настоящей угрозой, как старшая сестра.

На другом конце зала, в первом ряду зрителей, сидела его мать, королева Кристина, первая жена его отца. Теперь она была такой, какой должна выглядеть королева, несмотря на то, что была старше Марианны. Его мать все еще носила золотую тиару поверх аккуратных каштановых локонов и царственное черное траурное платье, расшитое золотыми нитями на рукавах. Стефан кивнул ей, но его мать отвернулась. Она промокнула глаза платком. Она всегда была предана его отцу и старшему брату Матиасу. Он нахмурился и перевел взгляд обратно на Просвещенного Бога.

Стефан шмыгнул носом. Гадкий холод. Он страдал от него, вернувшись из Зантоса. Брат Миккел дал ему зелье, чтобы помочь вылечить болезнь, и букет трав, чтобы помочь ему дышать, но болезнь Стефана не утихала. Он заставил себя поднять подбородок, борясь с желанием погрузиться в сон, пока продолжалась коронация.

Он занялся тем, что выделял в толпе новые лица — сторонников отца. Их нужно было убрать из его двора. Он не потерпит недовольных. Некоторым из этих людей вскоре предстояло отправиться в далекие моря с важными дипломатическими миссиями. Возможно, он сможет найти подобное занятие для своей сестры Серены. А лучше — мужа.

Пока Стефан рассматривал толпу в поисках вероятного кандидата, двери тронного зала распахнулись, и вошел его ближайший советник, брат Миккел, член Ордена Понимания. Хор запел громче, весь зал наполнился песней. Толпа поднялась на ноги.

Сквозь толпу шел брат Миккел с опущенной головой. Он держал в руках подушку из тонкого лилового бархата, из того же материала, что и плащ Стефана. Традиционная подушка была потерта и не подходила для такого короля, как он. Стефан наклонился, заставляя себя держать голову высоко, а не опуская подбородок. Голова его отяжелела от холода, но он стиснул зубы и устремил взгляд на предмет, красиво лежащий на бархатной подушке в руках брата Миккела. Вот оно: единственное, чего он жаждал всю свою жизнь.

Корона его отца.

Золотые пики сверкали, когда солнечный свет проникал сквозь витражи большого зала. Рубины сияли, рассыпая по стенам танцующие красные точки. Живот Стефана болел, когда он смотрел, как корона приближается к нему. Это было все, чего он когда-либо хотел, все, чего он осмеливался хотеть, и теперь это будет его. Наконец-то.

Он с болью ожидал, пока брат Миккел доберется до него. Каждый шаг занимал так много времени, что губы Стефана начали шевелиться, бормоча Брату, чтобы он поторопился, хотя Стефан даже не осознавал, что делает. Рядом с ним Мария кашлянула, чтобы отвлечь Стефана. Стефан понял, что весь двор наблюдал за ним, поэтому откинулся на спинку стула и вытянул ногу, пытаясь показать беспечность. Но это был неподходящий тон для такого события, и Стефан снова заерзал на своем месте, а Мария сурово наблюдала за ним с

каменным лицом.

«Просто дай мне корону, и покончим с этим», — подумал Стефан. Он предвкушал коронацию уже несколько недель, но теперь слишком стеснялся своих действий и чувствовал, как краснеет от смущения. Серена смеялась над ним с первого ряда? Он сердито посмотрел на нее.

Наконец, брат Миккел поклонился ему в ноги. Песня стала еще громче.

Стефан наклонился и прошептал:

— Почему так долго?

Брат Миккел выпрямился и поднял подушку с короной.

— Это священная церемония, Ваше Величество. С этим не следует торопиться, — затем он повернулся и поднял корону выше. Музыка остановилась. Толпа молчала.

Стефан ждал, затаив дыхание, тишина воцарилась в комнате. Он едва мог ее терпеть. А потом тишину нарушил кашель. И еще один. Потом чихание. Стефан с трудом мог поверить, что люди могли быть такими грубыми во время этой — как назвал ее брат Миккел — священной церемонии. Он в ужасе наблюдал, как леди Зимин высморкалась. Но когда он позволил взгляду скользнуть по лицам толпы, он понял, что многие из них были либо рубиново-красными, либо ужасно бледными. Половине двора было плохо. Какой бы ни была эта болезнь, она распространялась на других.

— В присутствии Просвещенного Бога, — произнес брат Миккел, — Который показал нам путь просветления из тьмы злого колдовства, я именую Стефана Романо Саринти королем Эсталы, правителем королевства, хранителем веры, и лидером Ордена Понимания, — брат Миккел обернулся. — Для тебя, милый принц, олицетворение Аниоса.

По толпе прокатился ропот, когда брат Миккел медленно водрузил корону на его голову. Стефан сразу почувствовал, как тяжесть давит на его череп, и на мгновение запаниковал, когда ни его голова, ни корона не чувствовали себя устойчиво на шее. Сильная пульсирующая боль исходила от его лба, пробираясь к затылку. Когда толпа поприветствовала его, он вздрогнул, и не только потому, что их приветствия звучали нерешительно даже для него.

— Ты должен говорить, мой король, — подсказал брат Миккел.

Стефан почти забыл. Как только что коронованный король, он должен был встать и обратиться к своему двору. Он подготовил речь. Он провел много часов, декламируя речь у зеркала, пока слова не остались в его сознании. Но теперь эти слова вылетели из его головы. Он был пуст. Он даже не мог вспомнить начало. Аплодисменты закончились, и толпа ждала, Стефан сглотнул, отчаянно пытаясь вспомнить, что он должен был сказать. Брат Миккел повернулся и кивнул ему.

Стефан поднялся на ноги, чувствуя себя неуверенно. Он почти поднял руку, чтобы убедиться, что корона не соскользнет с его головы, но этого не произошло. Он заставил себя сохранить равновесие. Он нервно оглядывал лица, ожидающие его речи. Губы Серены были сжаты, заставляя Стефана задуматься, не решила ли она уже не любить то, что он собирался сказать.

Он кашлянул. Куда теперь делись кашель и чихание? Можно было услышать, как монетка падает, в тишине зала. Он взглянул на леди Зимин, надеясь, что она снова высморкается.

— Лорды, леди, генералы и братья, — начал он. Во рту пересохло. Как он мог говорить с таким пересохшим ртом? — С-спасибо… — Стефан сделал паузу и облизнул губы, пока

лица в толпе смотрели на него. Он изменил тактику. — Мой отец был хорошим человеком и хорошим королем. Мы все скорбим о его кончине. Но я не могу отрицать, что горжусь тем, что стою перед вами сегодня как ваш король. Мой отец был хорошим человеком, но я *великий* человек. Я — олицетворение Аниоса, правителя людей и защитника веры. Эстала пострадала от восстания менти, но больше так не будет, — Стефан сделал паузу и попытался не дать себе отшатнуться. Голова была тяжелой. Казалось, в комнате не было воздуха, несмотря на огромное открытое пространство. Но он знал, что не мог казаться слабым, не сейчас. Он проигнорировал свой мокрый нос и продолжил. — Я избавлю эту страну от менти. Во время моего правления в королевстве больше не будет магии. Колдуны менти будут преданы смерти, а Эстала будет очищена от злого колдовства.

Стефан улыбнулся про себя. Несмотря на то, что он забыл свою речь, он произнес именно то, что хотел сказать. Но он не мог понять, почему двор не аплодировал и не поддерживал его слова. В конце концов, после продолжительного молчания по тронному залу прокатилась вялая рябь аплодисментов. Стефан встретился взглядом с братом Миккелом, который одобрительно кивнул.

Все еще пытаясь скрыть недовольство из-за реакции толпы, Стефан повернулся к жене и протянул руку. На короткое мгновение она посмотрела на его ладонь с полнейшим пренебрежением, прежде чем, казалось, вспомнила, что она была замужем за ним, и поэтому была обязана взять ее.

— Ты теперь королева, моя дорогая Мария, — прошипел Стефан сквозь стиснутые зубы. — Веди себя соответственно.

— Да, Ваше Величество, — ответила она, не глядя на его покрытое шрамами лицо.

Стефан ненавидел ее привычку обращаться к нему так официально, но в то же время он чувствовал облегчение, что не женился на непослушной женщине. Она улыбнулась, когда он осторожно поднял ее и повел вниз по ступенькам с помоста туда, где перед ними стояли зрители. Лорды и дамы тихо аплодировали, пока он вел свою королеву по проходу между стульями. Он взглянул на свою мать, которая хлопала, но равнодушно смотрела на портрет отца, висевший между двумя большими арочными окнами. Стефан нахмурился и повернулся к своей сестре Серене, которая сильно хлопала и смотрела в его сторону, но на ее губах не было даже намека на улыбку.

Он продолжал идти, улыбаясь и кивая зрителям. Стефан выбросил из головы мысли о выражении лица своей матери и вместо этого подумал о короле, каким он хотел стать. Жесткий король. Безжалостный король. Кого боятся и уважают. Уважение всегда приходит со страхом, отец научил его этому. Его отец знал все о страхе, особенно когда Стефан вытолкнул его из окна и смотрел, как он разбивается.

Со слабой улыбкой на губах Стефан продолжил идти по проходу к большим деревянным дверям, которые тут же открыли охранники. Когда Стефан вышел из тронного зала, охранники поклонились ему. Он мог бы привыкнуть к этому, если бы только мог удержать корону от падения с головы. Он ощутил скованность своей походки, когда вышел из тронного зала, оставив позади огромные полосы пурпурных знамен в честь его коронации. Он шел по коридору, мягко ступая по мозаичным плиткам, его корона ненадежно балансировала на голове.

Зрители следовали за ним, пока он шел по крепости Несры. Стефан чувствовал брата Миккела недалеко позади себя, вечно верного Брата и его самого близкого наперсника. Он схватил жену за руку, хотя ладонь у него была липкая и скользкая. Идти было недалеко.

Балкон приближался. На балконе он впервые помашет своей публике. Он покажет себя их королем.

Его сердце забилось быстрее, насторожив его. Это было сердцебиение, не более того. Он должен был продолжать идти, несмотря на слабое состояние, в котором его оставила эта болезнь. Стефан не проявлял слабости как король, независимо от того, насколько плохо себя чувствовал. Коронация была важнее. Демонстрация власти была на первом месте.

Наконец, он увидел впереди балкон.

Сначала его поразил запах морского воздуха. Его разум вернулся к мыслям о моряке, которого он утопил в Море Царей. Он помнил, как давил его лицо в волны, пока мужчина боролся. Стефан закрыл глаза и снова открыл их. Нет. Он должен сосредоточиться. Он сделал первый шаг на балкон, почувствовав брата Миккела и охранников позади себя. Это было бы так просто. Достаточно одного толчка, и он исчезнет, как и его отец. Никто не посмеет толкнуть его. Да? Стефан подавил желание оглянуться и приблизился к перилам балкона.

Его сердце екнуло, когда он посмотрел на толпу внизу. Он знал, что люди опасаются его. Нелепое прозвище, а теперь еще и шрамы. Когда он наклонился, на какой-то ужасный момент ему показалось, что корона соскользнет и упадет на людей внизу, но ему удалось удержать равновесие, и его рука взлетела к голове, чтобы удержать корону. Серена поравнялась с ним, ухмыляясь его несчастью. Стефан убрал с лица хмурую гримасу, прежде чем это омрачило его первое появление перед публикой в качестве короля. Он ненавидел то, что Серена была так похожа на свою мать, с загорелой кожей и темно-каштановыми волосами. Эти янтарные глаза насмехались над ним. Но, по крайней мере, с ее внешностью найти ей мужа будет несложно.

Он заставил себя игнорировать Серену. Рядом с ним была его королева — и его мать тоже, хотя она, как всегда, была рассеяна, — и он был королем.

— Мама, большая толпа, не так ли? Больше, чем я мог надеяться, — сказал Стефан, помахав людям внизу.

— Да, — машинально ответила она. Ее серьезные глаза были опущены, и она теребила выбившуюся золотую нить на рукаве своего платья.

— И пурпурные знамена. Смотрите, у некоторых даже есть молния Ордена Понимания. Брат Миккел, смотри.

— Это правда, Ваше Величество. Ваша публика вас обожает.

Стефан улыбнулся им. Они были там, как муравьи, такие крошечные и незначительные. Он мог сокрушить каждого из них.

2

РЕВА

— Готова?

Солнце поднималось над холмами вдали, заставляя Реву щуриться от яркого света. Рассвет, и они были на юге замка Унна, недалеко от леса близко к любимому дому детства Ревы, башням Авалона. Впереди — в долине у холма, на котором они прятались — была небольшая деревушка фермеров. Рева знала фермы Фиурин с детства. Ей нравилось ходить сюда, потому что розовощекаая жена фермера угощала ее сладким медом, пока ее отец проверял ферму.

Но сейчас ее желудок сжимался, пока она смотрела на деревушку. В воздухе было напряжение. Самуэл Сантос, мужчина, который нравился ее отцу, стоял на пороге дома, скрестив руки на груди. Его жена, Анита, вытирала слезы.

— Рева, — снова сказала Карина. — Ты готова?

— Еще нет, — ответила Рева. Она взглянула на Лотти и Рохесу. Только они остались после порта Монте. Другие женщины из Садов Аниоса решили отыскать свои семьи, но Рева и три оставшиеся женщины хотели путешествовать по Эстале. Они вместе ходили по деревням, работая как группа певиц, чтобы получать деньги. Карина была с талантом, но Рева могла спеть пару нот, и она научила их песенкам, которые она узнала в Крепости Несры от дураков, которые выступали для короля. Этого хватало, чтобы развлечь многих обычных жителей, хотя порой в них бросали фруктами.

Рева, Карина и Лотти нашли Рохесу в оковах у деревни между портом Монте и замком Унна. Пока Сестры собирали еду, они украли Рохесу и сняли с нее цепи. С тех пор она оставалась с ними.

— Так должно быть? — умоляла Анита Сантос. — Мы не можем оставить ее тут? Мы можем за нее поручиться. Она — хорошая девочка.

Рева не узнавала Сестру, ответственную на поимку девочки. С ее места на холме Рева видела лишь, что ей было за сорок, она была высокой и с широкими плечами. Сестра потянула за железную цепь, прикованную к дочери фермера, проверила, что оковы держались. Рева сжала кулаки, размышляя об оковах, которые впивались в ее запястья и лодыжки.

— Твоя дочь — менти, — нетерпеливо сказала Сестра. — Глупая девка раскрыла себя половине побережья Фиурин. Если мы ее не заберем, король Стефан ее казнит. Вы этого хотите?

Анита зарыдала, ее муж обвил рукой ее плечи, чтобы утешить ее. Рева видела по поджатым челюстям мужчины, что он отчаянно хотел биться с Сестрами, но уже познал острый удар цепью и тупой удар дубинкой. На его щеке была кровь.

Рева повернулась к Карине и тихо сказала:

— Сделай это.

Карина кивнула, повернула голову к дальним холмам. Рева смотрела, как ее подруга сосредоточилась. Рева почти ощутила рябь, и чувство было таким странным, что Рева поежилась. Кожа Карины пошла мелкими волнами, ее тело дрожало. А потом за секунды Карина стала другим человеком. Она была как они, носила ту же мантию с капюшоном. Они украли наряд у последних Сестер, на которых наткнулись. Рева узнала лицо Сестры Лори, было сложно не реагировать. Она глубоко вдохнула, успокаивая тревогу, глядя на Сестру Просвещенного.

— Никогда не привыкну к такому изменению, — сказала Рева с хрипом.

— И я, — ответила Карина, улыбаясь через лицо женщины средних лет с морщинами вокруг глаз и желтыми зубами.

— Осторожно, — предупредила Лотти.

Карина кивнула и поднялась на ноги. Она стала выше: грозная в свете утреннего солнца. Рассвет превратил ее белую мантию в оранжевую, она расправила плечи. Какой бы облик ни приняла Карина, она всегда была восхитительной.

Рева затаила дыхание, Карина спустилась по склону холма к небольшой группе. Самуэл еще спорил с Сестрами, но теперь его голос стал выше в гневе, и он покраснел, хотя было сложно понять в свете утреннего солнца. Ее не удивляла его злость — любой хороший отец так реагировал бы, если бы его дочь была в цепях. Мужчина имел право отбиваться. Но он мог легко проиграть тут, и от этого Рева нервничала. Она помнила дочь фермера из своего детства. Ее звали Эмилия. Она была на три года младше Ревы, и порой они вместе собирали колокольчики, пока их отцы говорили о земле. Эмилия была милой, с рыже-каштановыми волосами и зелеными глазами. Рева смотрела на сцену внизу, поняла, что скучала по девушке и сбору колокольчиков. Но она скучала по всему в жизни на берегу Фиурин. Хотелось повернуться и посмотреть на Башни Авалон, но Карине нужно было, чтобы она сосредоточилась.

— Сестра Лори, что ты тут делаешь?

— Хвала Аниосу, — Карина чуть поклонилась.

Рева в укрытии улыбнулась. Карина хорошо умела подражать. И не только в том, что меняла облик, она перенимала и манеры людей. Это было чудесно, но и немного жутко. Рева поежилась, думая о своей силе и мощи. Она вспомнила, что сделала с Сестрой Валерией в тот день, и ее кровь похолодела. Она покачала головой и сосредоточилась на сцене внизу.

— Я тут с важным указанием от Сестер в Садах, — сказала Карина. Рева чуть скривилась, она видела, что Карине было тяжело. Никто не знал, кто был во главе после смерти Сестры Валерии.

— Кто тебя послал? — спросила Сестра.

Рева смотрела, как Карина кашлянула, а потом ответила:

— Сестра Камила.

Сестра прищурилась с подозрением. Пальцы Ревы впились в юбку, пока она смотрела. Все шло не так, она это чувствовала. Она начала думать о запасном плане. Там было пять Сестер. Может, если она сможет их напугать, ей не придется биться с ними. Что важнее, никому не придется биться с ними.

— Сады полны. Они не берут больше пленников, — сказала Карина.

«Слишком рано», — подумала Рева. Она взглянула на Лотти и нахмурилась. Сестра не

стала мягче, и многие Сестры знали, что Сады Аниоса были почти пустыми после побега Ревы с другими женщинами. Потому Сестры и ходили по Эстале, пытаясь поймать всех, кого могли найти. Они даже добрались в далекие фермы Фиурин.

Сестра рассмеялась.

— Это шутка, Сестра? Странная. Конечно, Сады не полные. Они почти пустые. Нам нужен этот ребенок.

— Она особенная, — выпалила Карина.

Сестра шагнула к Карине, и Рева придвинулась ближе к фермам. Сердце Ревы колотилось. План не работал, она знала это костями. Карина хорошо играла Сестру, но логика указания была с изъянами. Сестра могла увидеть ее насквозь. Когда она отошла к другим Сестрам, Рева поняла, что нужно действовать.

— Нам нужно вмешаться, — сказала Рева Лотти. Она стала расстегивать платье. — Я пойду первой. Если у меня будут проблемы, ты сможешь мне помочь.

Лотти кивнула.

Рева сняла одежду и оставила ее свертком с остальными их вещами на земле. Она смотрела на группу в долине, сосредоточилась на задании. Ощущение изменения все еще было странным для нее. Она ощутила, как конечности вытянулись, кожа стала твердой чешуей. Сила радовала и пьянила, она вскинула голову и взревела. Став огромным драконом с медной чешуей и желтым огнем, она раскрыла крылья и хлопнула ими, полетела в сторону ферм. Сестры подняли головы и охнули.

Сестра во главе отреагировала первой, та, у которой были подозрения насчет Карины. Она махнула ладонью, и железная цепь полетела к Реве. Но Рева смогла поднять лапы и избежать удара железным хлыстом. Она хлопала крыльями и зависла в воздухе, заглушая своим ревом крики жены фермера. Она сдерживалась от огненного дыхания, не решаясь сжечь имущество фермера.

— Мы возьмем и тебя, — закричала Сестра. — Ты — менти, нечистая, как и эта девушка. Тебе место в Садах Аниоса вместе с остальными тебе подобными, — процедила она, прежде чем снова бросить цепь.

Рева увернулась от цепи и взмахнула крыльями, поднимаясь выше в небо.

— Спроси свою сестру Валерию, пойду ли я с тобой в Сады Аниоса, — прорычала она.

Сестра отшатнулась от этих слов, ее рука упала на живот, будто ее туда ударили.

— Мой вид больше никогда не будет работать на вас. Вы не украдете нас. Вы больше не будете нас порабощать. Мы восстаем против вас. Мы восстаем против того, кто вы есть, и против всего, что вы отстаиваете. Магия вернется в Эсталу, — кровь Ревы была горячей. Она чувствовала огонь внутри своего живота, он отчаянно хотел высвободиться. Это было небезопасно. Но она должна была помочь Эмилии, которая все еще была в лапах Сестер.

Рева пролетела над головами Сестер, наклонилась и полоснула спину первой Сестры длинным острым когтем. Затем она снова пролетела над головами и атаковала. Сестра бросила свою цепь в сторону Ревы, едва не зацепив ее за коготь, но Рева вовремя убрала лапы.

Рева устремилась к Сестрам, двое из них отпустили девушку. Рева повернула голову к Эмилии, которая спряталась за отцом.

— Бегите! К Башням Авалона.

Фермер и его дочь повиновались. Семья побежала в сторону леса. Рева снова повернулась к побледневшим Сестрам. Двое из них съежились, пригнувшись к земле, будто

они собирались вообще бежать. Рева опустилась на землю, уклоняясь от очередной атаки цепью.

— Прочь отсюда, — прорычала Рева. — Прочь вместе со своими жалкими железными цепями. Оставьте фермеров в покое, и я вас не трону, — слова текли из нее, почти потрясая их яростью. Она не понимала, что все еще питала такую ненависть к Сестрам.

Но высокая Сестра с широкими плечами стояла на месте. Рева решила, что она была слишком глупой, чтобы убежать, так что придётся биться. Рева выстрелила огнем у ног Сестры, предупреждая. Трава сгорела, когда она закончила, но Рева не дала фермам загореться. Рева все еще училась выдыхать огонь, и усилия забирали ее энергию. Ее крылья трепетали, она пыталась удержаться над землей. Сестра перепрыгнула угасающий огонь и метнула цепь. В этот раз она поймала лодыжку Ревы, и она ощутила, как железо стало забирать ее магию.

Карина повернулась к Реве с паникой в глазах. Они все знали, что Рева, как дракон, была самой сильной из них, и теперь Сестры поймали ее цепями. Одна из них зацепилась за крыло Ревы, и ей вернулся облик девушки. Рева стала падать к земле, ее ноги слабели с каждым мгновением.

— Уже не такая грозная, менти, — дразнила широкоплечая женщина.

Но Рева вдохнула, чтобы успокоить колотящееся сердце, и комок шерсти пронесся по долине, сбивая Сестру с ног. Рева смогла высвободить руку, пантера впилась зубами в мантию женщины и стала ее рвать. Затем сильный поток воды брызнул другим сестрам в лицо, застигнув их врасплох. Рева вырвалась из цепей и побежала в безопасное место. Черная кошка прыгнула и зарычала на трех Сестер, обнажив острые клыки. Этого было достаточно, чтобы выиграть. Сестры поспешили вскочить на ноги и попятились. Рева ухмыльнулась, когда Сестры убежали с ферм Фиурин.

— Трусы! — воскликнула она, вставая и позволяя дракону вырваться из нее еще раз.

Черная пантера превратилась в громоздкую фигуру Рохесы.

— Мы не должны позволить им сбежать. Мы должны избавить Эсталу от них раз и навсегда.

Рева вернулась в свою человеческую форму.

— Нет. Если мы это делаем, мы такие же плохие, как и они. Они убийцы, — Рева мысленно увидела лицо сестры Валерии.

«Я тоже убийца».

Карина, вернувшаяся к своему обычному состоянию, сказала:

— Идемте. Найдем фермеров в лесу. Мы должны сказать им, что Сестры больше не будут их беспокоить.

— Нам нужно взять наши вещи, — напомнила ей Рева.

Их группа была небольшой, но мощной. Там была Карина, девушка-оборотень с волосами цвета меда и лучшая подруга Ревы. Была Рохеса, которая показала свою кошачью форму после побега от Сестер. Она напомнила Реве Уну. Обе были высокими и сильными, честными, серьезными и прямолинейными. Еще была Лотти, устроившая пожар в Садах Аниоса, маг воды и яркая молодая женщина с крохотным телом и большими серыми глазами на маленьком лице.

Когда Рева убила Сестру Валерию в океане у порта Монте, женщины приняли сложные решения. Рева и Карина хотели путешествовать по Эстале, помогая тем, кто попал в когти Сестер. Они хотели спасти как можно больше юных менти. Но не все сбежавшие хотели

нести такое бремя. Большинство хотели вернуться домой к своим семьям или найти безопасное место, чтобы спрятаться и жить нормальной жизнью. Так что группа их была небольшой, но решительной.

Рева забрала свою одежду с холма и быстро оделась. Затем она закинула на плечо свою сумку, которая была тревожно легкой. После путешествия у них осталось мало еды. По пути они останавливались, чтобы наполнить фляги речной водой, но даже эти запасы были на исходе. У Ревы было только одно рваное платье, которое она купила за копейки у зубастого мужчины с грязными ногтями, когда они сходили на Торговую дорогу. Большая часть их денег ушла на костюмы для выступлений в деревнях. То, что осталось, было спрятано в подкладке сумки Ревы, они экономили в пути.

Рева думала о Сестрах в садах Аниоса, пока пила воду. Ее будут искать, она была в этом уверена. Она раскрыла свою форму дракона и освободила двух пленников после побега из Садов, не говоря уже о том, что случилось с Валерией. Они захотят отомстить. Но они нуждались в еде и воде, и единственный способ получить это — ходить по деревням и петь для ужина. Рева знала, что Сестры скоро их найдут, но надеялась, что к тому моменту она станет достаточно сильной, чтобы сражаться за всех.

Рева последовала за остальными вниз по холму к лесу, который когда-то знала как свои пять пальцев. В животе у нее заурчало, и она сунула руку в сумку, чтобы проверить, что у нее осталось. Но прежде чем она смогла найти остатки вчерашнего ужина, ее пальцы обнаружили нечто, очень похожее на тонкую полоску пергамента. Она вытащила из рюкзака гладкий лист бумаги и осмотрела его. Когда она прочла сообщение, ее лицо побледнело. Она скомкала бумагу и сунула ее обратно в сумку, прежде чем кто-либо заметил ее реакцию. Сообщение гласило: «Мы знаем, кто ты. Мы идем за тобой».

3
ЛУКА

Лука слушал далекие звуки шахт. Вдоль Золотого побережья люди работали в пещерах, раскалывали камни в поисках неуловимого золотого самородка. Кирки гремели, мужчины кричали. Тишины тут не было даже ночью, и Лука представлял, как звуки в пещере оглушали.

Он страдал, голод терзал его живот. Они шли днями по Теневой Долине Асфаро, огибая Золотой порт, миновали Обара, пока не оказались глубоко в лесу в лиге от побережья. Лука посмотрел на восток, где по другую сторону леса находился Замок Солнца. Это было тяжелое путешествие с небольшим количеством еды и воды. Туника Луки загрубела от пота, и он ненавидел свой запах. Ему не нравилось дышать рядом с другим человеком — на самом деле он ненавидел находиться рядом с другими, в то время как ему было так стыдно за свою

грязь. Он провел руками по волосам, и они стали жирными. Никогда еще с тех пор, как он покинул Эсталу, он так сильно не хотел вернуться в свою спальню в крепости Несры.

Но он знал, что не мог вернуться.

Его брат попытался убить его. И с боя у лагеря мятежников Лука слышал шепот, что его отец был мертв, Стефан занял трон. Слухи распространились из небольших поселений в Обара. Джеральдо осмелился отправиться в некоторые из небольших деревень, чтобы обменять зелья менти на еду и питье. Там-то он и обнаружил эти рассказы и очень хотел принести их в лагерь и передать Луке.

Лука не знал, что чувствовать. Ничего из этого не должно было произойти. Матиас был бы хорошим королем. Матиасу не суждено было умереть, особенно из-за собственной глупости. Хотя Лука больше не винил себя в смерти Матиаса, он оплакивал своего брата. Он хотел, чтобы Матиас был здесь сейчас, чтобы поговорить с ним, чтобы решить, что делать.

— Король Людо, — усмехнулся Джеральдо, — разводи огонь.

Кожа Луки вспыхнула от раздражения. Поскольку Джеральдо раскрыл тайну Луки и то, что его отец предположительно мертв, Джеральдо настоял на том, чтобы назвать Луку королем, поскольку он был законным наследником. Вздохнув, Лука поднял руку и послал небольшой огненный шар в сторону костра.

— Не могли бы вы взглянуть на это, мальчики и девочки? — сказал Джеральдо. — Парню удалось сделать это, и он не сжег лагерь и не привел своего брата убить нас всех, — на лице Джеральдо была насмешка, но Лука мог видеть натянутость его черт. Джеральдо похудел, как и все они, но все его мышцы были напряжены. Джеральдо близко к сердцу принял гибель повстанцев — этого нельзя было сказать по тому, как он вел себя или по тому, что говорил.

Лука отошел от лагеря и в одиночестве съел свою миску с грибами. Ночь была холодная, и деревья над ним шумели. Трава под ним была влажной от недавнего дождя. Если бы не вопли шахтеров, Лука мог бы почти представить, что находился в лесу за пределами Реялона, охотясь с Матиасом и Каролиной, которые всегда ускользали из замка, чтобы присоединиться к ним. Он скучал по своей семье в Крепости Несры. Он скучал по своему младшему брату Альберто, который по ночам требовал рассказов Матиаса. Он скучал по своей буйной младшей сестренке Каролине и разумной старшей сестре Серене, которой, без сомнения, приходилось разбираться со всем этим беспорядком. Он задавался вопросом, каково это было для нее, лишиться престола в пользу Стефана только потому, что она родилась девочкой.

— Не обращай на него внимания, — Брат Аксил вздохнул, опустился на поваленное дерево. — Он не всерьез.

— Я не виню его, — ответил Лука. — Я привел сюда Стефана. Я в бегах.

— Нет. Я привел сюда Стефана, — исправил Брат Аксил. — Я искал лагерь мятежников и привёл нас сюда для защиты. Я виноват, не ты. Но тогда это казалось лучшим выходом, — он покачал головой. — Я сожалею о том, что произошло, но Стефан рано или поздно напал бы на лагерь повстанцев.

Лука уронил миску на грязную землю.

— Нам нужны действия, Аксил. Какой смысл нам сидеть у костра и есть грибы? Нам нужен план. Нам нужна поддержка и финансирование со стороны тех, кто симпатизирует делу менти. Почему нет совета? Или… не знаю, какой-то армии?

— Раньше были, — мягко сказал Брат Аксил. — Пока твой отец не уничтожил их во

время восстания менти.

Лука взял палку и провел ею по мокрым листьям.

— Если Стефан снова нападет, мы все умрем.

— Это неправда, — сказал Брат Аксил. — Ты могущественный менти. Ты маг огня.

— Он дракон, — ответил Лука. — И он король. И он знает, что я воюю за корону, пока я жив. Он хочет моей смерти.

Брат Аксил ничего не ответил на это; лишь нахмурился. Луке показалось, что по лицу старика пронеслась темная тень, и по его спине пробежали мурашки.

— Поспи немного, — наконец, сказал Брат Аксил. — Я буду следить. И, Лука?

— Да?

— Твой брат еще должен найти тебя. Он не нашел тебя сегодня. Скорее всего, он не найдет тебя завтра.

Лука задремал, слушая звон кирок по камню. Он проснулся от удара локтем в бок. Или это был палец? Он перевернулся и обнаружил, что это был палец ноги. Таня стояла над ним, скрестив руки на груди.

— Я не знаю, как ты можешь спать так долго. Вставай. Джеральдо хочет тебя видеть, — сказала она.

С боя с братом Лука заметил, что Таня стала холоднее с ним. Лука знал, что она винила его в атаках. Все винили, кроме Брата Аксила и, может, Нико, который никого ни в чем не винил.

— Ты знаешь, чего он хочет? — спросил Лука.

Таня пожала плечами.

— Может, он хочет тренироваться. Кто знает?

Лука пошел за худой Таней по лесу. Она была высокой, темноволосой и темнокожей, с длинными ногами и пухлыми губами. Только после того, как она начала его ненавидеть, он понял, насколько она прекрасна, хотя и с некоторым чувством вины признавался в этом самому себе. Часть Луки все еще думала, что он должен любить Реву до конца жизни. Одно время он думал, что умрет, любя только одну девушку — Реву. Он ошибся насчет смерти, так что, возможно, он ошибся и насчет остального.

Они шагали между деревьями, обходя людей, доедающих свой скудный завтрак из грибов и ягод. Многие не смотрели в глаза Луке, и он сам старался не смотреть на их повязки или синяки. Даже после долгих тяжелых недель, прошедших после битвы с армией Стефана, многие повстанцы все еще страдали от ран. Нико исцелил столько, сколько смог в течение дня, но быстро ослабел.

По дороге Лука заглянул в палатку, где работал Нико. Слегка пухлый мальчик сидел, скрестив ноги, на земле, зажав руками глубокую зараженную рану, спускавшуюся по мужскому туловищу почти до пупка. Лука не мог разглядеть, кто это, потому что лицо человека было отвернуто, но он подозревал, что это был один из волков.

— Тебе нужна помощь? — предложил Лука.

Нико поднял подбородок, чтобы встретиться взглядом с Лукой. У мальчика были темные круги вокруг глаз, и, несмотря на пухлость Нико, его лицо осунулось, будто его плоть отступала к костям.

— Нет, спасибо, — он улыбнулся, и это была самая искренняя улыбка, которую Лука видел за последние дни.

— Я принесу тебе завтрак, — сказал Лука. Он должен был кормить Нико, потому что

Нико работал во время еды и забывал поесть. Без Луки он бы полностью истощил свои силы.

Голова Тани дернулась, показывая, что им нужно поторопиться. Лука остановился у палатки Нико, чтобы помочь другу, но он должен был признать, что просто оттягивал встречу с Джеральдо. Лука большую часть времени старался держаться от Джеральдо как можно дальше.

— Вот он. Король Людо, — Джеральдо стоял над картой, лежащей на пне. Вокруг него была построена палатка Джеральдо. Пень служил письменным столом, а в углу стояли два спальных мешка, где они с Нико спали по ночам. Почти ничего больше не было. Большая часть лагеря повстанцев погибла от огня во время нападения, в том числе личные вещи мятежников. По крайней мере, это означало, что они могли путешествовать налегке. — Рад, что ты, наконец, пришел.

— Ты хотел меня видеть, — сказал Лука. Он выглянул за пределы палатки, чтобы увидеть, нет ли рядом брата Аксила. Ему не помешал бы союзник, когда имел дело с Джеральдо.

— Да. Взгляни на эту карту.

Лука посмотрел на пергамент. Это была карта Зантоса с изображением Эсталы над ней.

— Что тут?

Джеральдо хлопнул по пергаменту ладонью.

— Здесь ничего нет. Ничего такого. Посмотри на эту карту и скажи мне, куда мы можем пойти.

Лука внимательно изучил карту. К югу лежали горы и вулканы. Дальше была пустыня. На востоке находился Замок Солнца, а вдоль побережья раскинулись шахтерские города. Внутри страны было немного: несколько поселений и торговых городов. На западе находился Золотой порт и шумные рыночные городки вдоль побережья. На севере, за Морем Королей, лежала Эстала.

— Острова Насекомых? — пошутил Лука.

Джеральдо хмуро посмотрел на него.

— Если бы ты узрел видение, которое было у меня, ты бы не шутил, парень. Я видел конец света, каким мы его знаем. Битва, которая положит конец всем битвам.

Лука много раз слышал эту мантру с тех пор, как они ушли из старого лагеря. От этих слов у него по спине побежали мурашки, несмотря на то, что Лука не был уверен, действительно ли он им поверил. Судьбоносное и мрачное пророчество Джеральдо казалось Луке преувеличением. Этот человек казался Луке диким и неуравновешенным, и это беспокоило его. Повстанцы-менти больше, чем когда-либо, нуждались в сильном лидере и руководстве, но он не видел ничего подобного в Джеральдо. Он даже не видел организованности или пыла к продвижению повстанцев вперед.

— Нам нужны деньги, — выпалил Лука. — Разве у нас не появились влиятельные друзья после восстания менти? У нас полностью закончились варианты? Почему мы не можем пойти к богатой знати и попросить убежища, пока мы восстанавливаем нашу группу? Должны быть могущественные менти, которые могут помочь. Должны быть…

— Нет, — прогремел Джеральдо. — Мы не попрошайничаем, как канализационные крысы в Золотом Порту. Мы не полагаемся на богатых свиней, обитающих в глубинах городов. Именно это и произошло с менти в первую очередь. Я не позволю этому повториться. Не могу, — Джеральдо закрыл глаза и отвернулся от Луки.

Именно тогда Лука понял, насколько Джеральдо обижен. Ему было жаль этого

человека, но он осознавал, что Джеральдо не был хорошим лидером, и ему хотелось, чтобы кто-то другой мог взять на себя управление. Проблема была в том, что Джеральдо не собирался отказываться от своего лидерства спокойно. И кто возьмет верх? Никто не пойдет за Лукой или братом Аксилом после нападения, потому что все они обвиняли их в том, что армия Стефана обнаружила лагерь повстанцев.

— Тогда что мы будем делать? — спросила Таня. Она сделала шаг к Джеральдо, уперев руки в бока. — Джеральдо, тебе нужно решить. Ты наш лидер. Мы доверились тебе, чтобы ты помог нам. Нападение произошло не по твоей вине, но мы всегда знали, что это может произойти, и все же мы были недостаточно подготовлены. Почему нас так мало? Почему мы не набираем новых менти? Мы слишком долго прятались. Ты продолжаешь обвинять Луку в том, что его брат напал на нас, но разве это не было неизбежно? Мы знали, что король нас ненавидит. Мы знали, что принц Стефан из Эсталы нас ненавидит. Мы не дураки…

— Ты была ребенком во время восстания менти, — отрезал Джеральдо. — Ты не знаешь, как это было. Мы потеряли наших друзей, нашу семью. Я видел, как мать Нико погибла от рук одного из королевских солдат. Я видел разорванных людей. И даже сейчас его брат казнит менти. Ты знаешь, как он их убивает?

Таня покачала головой. Луке показалось, что ее коричневая кожа посерела.

— Их вешают, топят и закалывают. Принц… Король Стефан, говорят, делает это сам, а потом пьет их кровь. Его не просто так в Эстале зовут Стефаном Змеем, — Джеральдо вытер лицо обеими руками, вонзая ладони в глазницы. — Ты больше не хочешь прятаться, я это понимаю. Но я не хочу умирать.

— Если то, что ты пророчишь, правда, то мы уже мертвы, — настаивал Лука. — Если мы будем сидеть и ничего не делать, битва, которую ты видел, все равно произойдет, где бы мы ни прятались. Мы по-прежнему будем частью этого, потому что мы — менти и потому что мой брат будет искать нас. Ты говоришь о моем брате так, будто знаешь его, но это не так. Я знаю его, и я знаю, что он не остановится ни перед чем, чтобы убить меня. Только я могу лишить его от короны. Только я могу остановить его. Я. Он хочет моей смерти. И да, я могу уйти от вас и провести остаток жизни в бегах. Без вас у меня, наверное, было бы больше шансов. Но я не хочу этого делать. Я хочу быть частью этого восстания. Я хочу видеть, как повстанцы становятся сильнее, как их становится больше. Я хочу, чтобы мы работали вместе, чтобы найти способ остановить моего брата раз и навсегда.

— Красивые слова, — сказал Джеральдо. — Если ты их говоришь честно.

Лицо Луки пылало от негодования.

— О, я говорю честно.

Джеральдо упер руки в бока и уставился на карту.

— И ты. Принц. Король. Кем бы ты ни был. У тебя там есть сторонники? Покажи мне где они находятся, на карте, — Джеральдо кивнул на пергамент.

Лука отвернулся.

— Я был на смертном одре, прежде чем пришел сюда. Меня всегда сбрасывали со счетов, когда дело доходило до реальной ответственности в моей семье. Нет. У меня нет сторонников. Только люди в этом лагере.

Джеральдо глубоко вдохнул носом.

— А у меня есть. Мы направимся к Золотому порту и будем торговать с богатым зантийцем, который может быть достаточно сочувствующим, чтобы поддержать нашу кампанию монетой. Лучше бы это того стоило, парень.

4

СЕРЕНА

Мраморные плиты Крепости Несры были холодными под сандалиями Серены. Приятный ветерок залетал в скругленные окна, шелестя гобеленами на стене. Два стража за ней двигались шумно, их доспехи звенели об кольчугу, звук разносился эхом по просторному коридору.

Она подобрала юбки и поспешила. Она не хотела опаздывать на первую встречу совета короля. Это была первая встреча с этим королем, еще и первая встреча совета для Серены. Ее отец никогда бы не предпочел ее Матиасу в совете, несмотря на то, что она была старше Матиаса на шесть месяцев. Но отец часто пренебрегал полезностью женщин в его жизни. Несмотря на то, что маленькая Каролина показывала себя свирепой на охоте, ее отец по-прежнему отказывался позволять ей тренироваться с мечом и щитом. И сколько бы книг ни прочла Серена или сколько бы сложных предметов она ни изучила, отец Серены никогда не приходил к ней за советом. Матиас часто плохо разбирался в финансах. Когда король просил Матиаса решить вопрос, касающийся казны королевства, Матиас обычно приходил к Серене за помощью.

Так что же значило для Стефана включить ее в совет? Он понял, что она — умный и полезный член двора? Хотел ли он услышать ее совет? Или он хотел удержать ее рядом, по крайней мере, на время? Серена знала, что представляла угрозу для короля Стефана. Были те, кто предпочел бы, чтобы Стефан не был королем, и этим людям нужен был альтернативный кандидат. Серена могла быть девочкой, но она все еще была старшей в семье, и — пока Луки все еще не было — она, возможно, была лучшим соперником. Стефан знал это. Стефан, скорее всего, предпочел бы, чтобы ее вообще не существовало. Но после того как ее отец «выбросился» из окна своей комнаты, еще одна смерть в семье была бы слишком подозрительной для Стефана, чтобы избежать наказания. Во всяком случае, пока.

Серене нужно было сохранять рассудок, если она хотела сохранить голову. Она знала все о казнях Стефана. И она совсем не доверяла Брату, который был советником Стефана. Брат Миккел был такой же скользкой змеей, как и любой из них. Да, Серена, конечно, вступала в логово волка, но у нее было одно преимущество: все считали ее курицей, а на самом деле она была лисой, и она докажет им, что хитрости у нее в избытке.

Она с облегчением увидела, что не последней присоединилась к собранию. Стефан еще не прибыл, как и брат Миккел. Лорд Зимин был там, расхаживая по комнате, грызя ноготь большого пальца. Лорд Ирринтии был довольно крупным, с выступающим животом. У него был неуклюжий вид, от этого большинство людей не воспринимали старика всерьез, но Серена видела, как Зимину удалось сделать свою дочь королевой. Серена не знала, было ли так задумано, но она должна была следить за лордом Зимином. Он мог быть большим

волком, чем она думала изначально. Брат Дамоло сидел с куском пергамента и пером, готовый к началу собрания. Брат был моложе брата Миккела, с короткими светлыми волосами и небольшим количеством веснушек на переносице. Серена видела молодого человека лишь иногда, он бегал за братом Миккелом по тому или иному поручению. А еще был генерал Аренца. Он был заменой после того, как ее брат потерял много генералов во время битвы в Пепельных горах. Он был высоким, широкоплечим, вечно хмурым. Он был моложе других генералов, около двадцати пяти лет. Если бы его сила сочеталась с умом, Серена потенциально могла попасть в беду.

— Пожалуйста, садитесь, — Стефан быстро ворвался в комнату, как всегда.

Когда Серена села, по ее спине пробежала дрожь. Ожоги на лице брата шокировали ее каждый раз, когда она их видела. Она никак не могла привыкнуть к тому, что его кожа расплавилась с одной стороны, и что на части его черепа не было волос. Когда Стефан впервые вернулся с битвы, она сочувствовала ему, но не теперь. Она увидела его королем и увидела жадность в его глазах.

Она смотрела, как ее младший брат быстро огибает стол на пути к главному креслу. Он высоко держал подбородок и выпятил грудь, что совсем не походило на мальчика, которого она помнила из детства. Стефан всегда бегал, прижав голову к груди, и когда он разговаривал, то смотрел себе под ноги. Отец ругал его за то, что он не смотрит в глаза другим, говоря, что никто не доверяет человеку, который не может смотреть в глаза. К сожалению, борьба Стефана с поддержанием зрительного контакта продолжалась и в подростковом возрасте. Даже сейчас он изо всех сил пытался встретиться взглядом с человеком, глядя либо поверх их голов, либо на точку посреди лба. Это немного успокаивало людей.

Стефан кашлянул, когда брат Миккел сел рядом с ним. Его не обожженная щека покраснела, рот был плотно сжат, а челюсть напряжена, будто он сдерживал себя в руках. Серена видела натянутые связки на его шее и то, как неловко он держится. Тогда она поняла, что он пытался сдержать кашель. Он все еще был болен.

Король Стефан сделал глоток вина из кубка и шумно шмыгнул носом.

— Первое, что нужно обсудить, — это распространение чумы по Эстале. Целители сообщают о большом количестве смертей в деревнях.

— Каковы симптомы этой болезни, Ваше Величество? — спросила Серена.

Стефан повернулся к ней, в глазах сверкал гнев. Он еще раз отхлебнул вина, прежде чем осмелился ответить.

— Насморк, боль в горле, кашель, фурункулы под мышками и ужасные головные боли.

Серена улыбнулась, наблюдая за тем, как Стефан пытался контролировать желание кашлять. Она видела, что глаза короля слезились, и под румянцем гнева и шрамами его кожа имела серый оттенок.

— Это приводит к сильной лихорадке, бреду и, в конечном итоге, к смерти, — закончил брат Миккел.

— Мы знаем, что вызвало это распространение болезни? — спросил генерал Аренца.

— Конечно, знаем, — сказал брат Миккел. — Есть только одна причина. Менти. Они набирают силу, используя свою магию. Эта чума была послана Просвещенным Богом, чтобы наказать нас за то, что мы позволили этому случиться.

Серене удалось сдержаться и не закатить глаза. Чума была привезена из Зантоса. Она уже связалась с Золотым Советом, который сказал ей, что укусы змей распространили

болезнь по Золотому побережью. Они изо всех сил пытались сдержать чуму, но нашли тонизирующее средство, облегчающее симптомы, и мазь, уменьшающую размер фурункулов. Лекарства еще не было, но целители усердно работали над идеями. Серена уже разослала тоник и мазь целителям в Реялоне и за его пределами. Ее брат, явно страдающий чумой, ничего не сделал. Это она давала указания придворному целителю, как помочь ее брату, но была уверена, что брат Миккел вмешался со своими «методами».

— Вот почему нам нужно найти всех менти в Эстале и казнить их, — сказал Стефан, сумев придать своему голосу немного силы. — Это то, чего потребует Аниос.

Хотя Серене очень хотелось высказать свое несогласие, она знала, когда следует промолчать. Остальные члены совета выразили свое согласие, горячо кивая. Серене удалось лишь слегка дернуть подбородком. Она знала, что Стефан наблюдал за ней, и ей это не нравилось.

— Это подводит меня ко второму вопросу, — сказал Стефан. Он сделал глоток вина и тихонько кашлянул, прикрывая рот кулаком. — Строительство новых храмов для Ордена Понимания.

Серена прикусила губу. Что это? Неужели это все, что они собирались сказать о самой страшной чуме, поразившей жителей Эсталы за последние пятьдесят лет? Она отвернулась от Стефана, чтобы он не увидел недовольства на ее лице, вместо этого уставившись на королевских стражников и слуг, выстроившихся в другом конце комнаты. Многие стояли и ждали на случай, если Его Величеству потребуется еще выпить. Она думала о них, когда они возвращались к своим семьям. Она думала обо всех обычных людях в Эстале, которые заслуживали надлежащего лечения, а не нового храма.

— Нам придется поднять налоги, чтобы заплатить за храмы, — сказал Стефан, — но я думаю, мы все согласимся, что это необходимо, — он посмотрел на людей в комнате, его свирепое выражение лица, казалось, призывало их не согласиться. Серена неловко поерзала на стуле.

— Люди, несомненно, будут благодарны, — сказал Брат Дамола. — Храмы будут большим преимуществом для Эсталы.

— Зантийцы позеленеют от зависти, — сказал лорд Зимин.

Серена содрогнулась от вопиющего подхалимства, распространяющегося по комнате. Было ясно, что Стефан окружил себя теми, кто, как он думал, согласится с ним. Только Серена — лишь женщина — была голосом несогласия в комнате, и даже ей не хотелось поднимать этот голос против брата. Она взглянула на остальных за столом, гадая, все ли они думают об одном. Не брат Дамола. Не брат Миккел. Но, может, лорд Зимин. Может, генерал Аренца.

— Храмы — хорошая идея, — сказала Серена, осторожно подбирая слова. — Но могу я озвучить дополнительную идею?

Стефан сжал пальцы и склонился.

— Продолжай.

— Случаи этой чумы были далеко на севере, в Баните. Это быстро не пройдет. Есть шанс, что эта болезнь заберет часть населения. Конечно, мы должны советовать молитвы, но нам нужны и лекарства. Направить часть денег с налогов для выделения целителей в каждый город и деревню. В Зантосе изобрели тоник…

Стефан фыркнул.

— Зантийцы… что они знают? Золотой Совет полон старых идиотов, — он шмыгнул

носом и скрестил руки на груди.

— Золотой Совет уважаем, Ваше Величество. Думаю, в этом случае было бы разумно работать с ними.

Стефан отмахнулся.

— Я не буду работать с ними. И точка. Теперь я хочу перейти к последнему вопросу. Я хочу обсудить назначение нескольких придворных. Я считаю, что мы могли бы найти для них лучшие позиции в королевстве.

Серена сидела в потрясенном молчании, пока Стефан перечислял доверенных советников ее отца. Все они были назначены на новые должности по всему королевству и подальше от Реялона. Стефан был полон решимости управлять королевством без помощи некоторых из самых важных людей Эсталы. Ее лицо пылало от гнева, а глаза покалывало, когда она размышляла об отце и о том, что он подумал бы обо всем этом.

И то, как Стефан говорил об Ордене Понимания, сильно ее беспокоило. Серена когда-то подумывала о том, чтобы стать Сестрой. Орден должен был следовать знаниям, а не препятствовать тому, чтобы больных лечили подходящие практикующие. Желудок Серены скрутило, пока она сидела и ждала окончания встречи. Ее мутило, потому что она поняла, что ее брат не достоин править, и это означало, что она должна что-то с этим делать.

5

СТЕФАН

Только в своей спальне Стефан позволил себе отклониться на спинку кресла. Он ощущал себя ужасно. Голова кружилась. Тело пылало так, что он расстегнул воротник камзола. Его ладони дрожали, горло зудело от желания кашлять. Когда он позволил себе кашлять, сколько нужно было, зеленый сгусток вылетел из его рта на столик с вином и виноградом.

— Кто-нибудь, уберите это, — буркнул он, выбрался из кресла, едва осознавая, пошли ли стражи за ним в комнату.

— Ваше Величество, позвольте помочь.

Брат Миккел схватил Стефана за руку и отвел его к стулу у балкона с видом на Море Королей. Стефан занял комнату отца после похорон. Было приятно смотреть на место, где он вытолкнул бесполезного короля из окна.

— Все прошло хорошо, да? — Стефан посмотрел на Миккела ради подтверждения.

— Да, Ваше Величество. Вы показали силу.

Это и нужно было Стефану: показать силу. Он знал, что жители Реялона говорят о его болезни. Все они подозревали, что у него чума, а это было опасным положением. Если они думали, что он слаб, его свергнут в мгновение ока.

— Выведи всех, — сказал Стефан, проведя рукой по комнате и чуть не падая вперед от усилия. Он слишком хорошо знал о болезненных шишках под мышкой.

Брат Миккел встал и приказал охранникам и слугам выйти из комнаты. Затем он закрыл двери в комнату и двери на балкон.

— Ваши шрамы хорошо заживают, Ваше Величество.

Стефан вздрогнул, когда брат Миккел намазал еще больше своей специальной пасты на его чувствительные ожоги.

— Недостаточно хорошо. Лорды и дамы шепчутся за моей спиной. Они обзывают меня. Говорят, что Змей Стефан нашел свою чешую, — если бы они только знали, подумал он.

В комнате на мгновение воцарилась тишина, прежде чем Брат спросил:

— Что случилось, Ваше Величество?

— Моя дорогая сестра, — прошипел Стефан. — И ее настойчивость в работе с Золотым Советом. Что думаешь обо всем этом? Я бы предпочел не просить милостыню у этих напыщенных дураков, тем более что я все еще должен им за то, что они позволили нам пройти в Зантос во время той ужасной битвы. Но что, если она права насчет чумы? Что, если людям понадобится тот особый тоник?

Брат Миккел покачал головой.

— Бред. Что людям нужно, так это сильное чувство веры. Чума — это несчастье для простых людей, но это возможность для нас. Слушайте внимательно, мой король. Мы можем заставить людей изменить религию раз и навсегда. Слишком многие до сих пор шепчут истории о королях-драконах. Слишком многие поклоняются старым богам Огня, Воды и Воздуха. Слишком многие верят, что менти восстановят силы и магия расцветет по всей Эстале. Это наша возможность изменить образ жизни не только для людей сейчас, но и для будущих поколений, — старый Брат протянул руку и взял Стефана за ладонь. — Это для их же пользы, мой король. Это для большего блага. В этом мире слишком много язычников, и нам нужно это исправить.

— Что ты предлагаешь? — спросил Стефан. — Позволить массам людей умереть?

— Это Божья воля, — сказал брат Миккел.

Стефан позволил словам Брата впитаться. Он мог допустить такое? Он был королем, Брату Миккелу потребуется его приказ. Но он видел логику Брата. Да, в тяжелые времена люди сильнее обращались к религии. Это был идеальный шанс убедиться, что люди повернулись к Просвещенному богу или его младшему брату Аниосу, а не к Старым богам и драконам-королям.

А потом он вспомнил, кем он был, и его сердце сжалось.

— Как я могу позволить такое, когда я сам — король-дракон? Я менти. Я — то, чему говорю им не поклоняться. Брат Миккел, я не уверен насчет этого.

— Это лучший путь, Ваше Величество. Забудьте о том, кем вы себя считаете, и верьте в то, чем вы являетесь на самом деле, а это воплощение Аниоса. И как воплощение Аниоса, вы будете распространять послание его веры, и вы подниметесь и укрепитесь в силе, и вы победите своего брата в бою. Вы — последний дракон.

Стефан почти поверил ему. Если бы не болезнь, сделавшая его таким слабым, он бы наслаждался словами советника.

— Вы готовы принять лекарство? — спросил брат Миккел.

Стефан кивнул и поднялся на ноги, медленно расстегивая камзол.

— А Мария? Я знаю, что ты лечил ее.

Когда брат Миккел помог Стефану дойти до кровати, он тихо сказал:

— Болезнь сильно ударила по ней. Она лежит в постели с лихорадкой. Боюсь, она становится все слабее.

— Как ты думаешь, она выживет? — спросил Стефан.

— Позвольте мне помочь вам забраться, — сказал Миккел, усаживая Стефана на его большую кровать с балдахином. — Я верю, что ее жизнь в руках Аниоса. Вы должны молиться за нее. А теперь поднимите руку, чтобы я мог осмотреть вас.

Стефан сделал, как ему сказали, кривясь, когда брат Миккел прижал большой палец к подмышке. Вытекла желто-зеленая жидкость, пачкая простыни.

— Их нужно проколоть. Я принесу лекарство от лихорадки. Вы будете заперты в своих покоях до конца дня. Сон пойдет на пользу, как и вода и отдых.

— А если она умрет? — сказал Стефан. — Что я тогда буду делать? Я даже не успел родить с ней наследника, — он вспомнил их брачную ночь. Мария едва взглянула на него во время церемонии, и он не мог вынести мысли о том, чтобы делить постель с противным субъектом. В ту ночь он сохранил свою невинность, прокрался в свою постель в темноте ночи.

— Вы найдете другую жену, — ответил брат Миккел, нагревая длинную тонкую иглу в пламени свечи. — В Эстале их предостаточно.

— Но эта мне нравится, — Стефан с трепетом смотрел на иглу. Его почти тошнило вином, которое он выпил на первом совете.

— Понравится и следующая, — сказал Брат Миккел и вонзил иглу в нарыв. Стефан извивался под ним, но Брат продолжал. — Вы юный, а юноши любят всяких жен. Вы даже можете завести любовницу, если хотите. Ваш отец был аномалией. Ему нравилось жениться на своих любовницах, чтобы не было слишком много бастардов, но вы можете стать отцом бастарда, если хотите.

«Кому я понадоблюсь, когда я выгляжу как монстр?» — гадал он.

Игла глубоко погрузилась в круглый фурункул, выпустив кровь и гной. Брат Миккел слил жидкость в миску и перешел к следующему. Брат работал методично, но без мягкости. Стефан страдал, пока Брат давал ему все лекарства. Король был рад остаться в одиночестве, где он мог отдохнуть в постели. Его глаза закрылись, и он погрузился в беспокойный, лихорадочный сон.

Во сне огромные крылья хлопали на фоне заходящего солнца, вырвалась струя пламени. Он почувствовал, как из живота поднимается жар, грозящий выйти на поверхность. Это был его огонь, он чувствовал его. Он вспомнил ощущение полной свободы, когда стрелял в брата. Он помнил, как огонь его брата обжег его, расплавив его плоть, прежде чем он смог превратиться в дракона с закаленной чешуей и защититься от нападения. Как дракон, он был в доспехах. Как дракон, он был защищен, но он также был могущественным.

Но затем во сне он понял кое-что еще. Он ворочался, и хлопанье крыльев продолжалось. Это были не его крылья. Они принадлежали другому дракону. Во сне Стефан ощутил резкое обострение своих чувств. Он повернулся к дракону, чтобы лучше рассмотреть его. Красивые мерцающие медно-коричневые чешуйки. Глаза дракона были темно-зелеными, как два совершенных изумруда в короне. Каким-то образом Стефан знал, что этот дракон был женщиной, хотя и не понимал, откуда. Возможно, это был какой-то драконий инстинкт.

Он отреагировал на эту информацию с животной похотью, бросившись на медного великана. Но когда он приблизился к величественному существу, из нее вырвалась струя

пламени. Стефан моргнул и отпрянул от жара пламени. Воздух наполнился запахом огня, похожим на чистый дым и сгоревшее дерево. Он взмахнул крыльями и отлетел, борясь с порывами ветра.

— Кто ты? — сказал он.

Но медный дракон не успел ему ответить. Он проснулся, вздрогнув, сел во влажной тунике, его грудь быстро вздымалась и опускалась.

Был еще один дракон.

Несмотря на то, что сон Стефана был всего лишь сном, он был уверен, что это было на самом деле. Был еще один дракон, а это означало, что он был вовсе не последним драконом.

Стефан покачал головой. Это было глупо. У него не было доказательств того, что в мире есть еще один дракон. Но Стефан не хотел, чтобы это было правдой, потому что если это было так, ему было чего опасаться. Ему было кого бояться больше, чем остальных придворных, его старшую сестру и Луку.

Он сбросил простыню и поставил ноги на холодные каменные плиты своих покоев. Он потянулся за халатом и вышел на балкон, распахнув двери и шторы, чтобы впустить прохладный морской воздух в свою комнату. Порыв воздуха приятно ощущался на его разгоряченной коже. Лекарства, которые прописал брат Миккел, принесли ему некоторое облегчение. Он был голоден и чувствовал себя сильнее, чем за последние несколько дней.

Но он не хотел еды. Он жаждал того же ощущения свободы, что и во сне. Ему хотелось расправить крылья и выпустить огонь в ночи. Пока он стоял, глядя на луну, ему хотелось сделать именно это, но он обуздал искушение, сделав шаг назад. Куда он мог пойти, чтобы высвободить свою внутреннюю — свою истинную — природу?

Было только одно место.

Стефан подошел к дверям своей комнаты и открыл их. Стражи выпрямились и уставились на него с открытыми ртами от удивления.

— Что-нибудь случилось, Ваше Величество? — спросил один из них. Стефан не знал его имени. Антонио?

— Ничего не случилось. Не проводишь меня в подземелье? У меня там дела.

Страж открыл и закрыл рот.

— Я… мы могли бы послать слугу, если хотите, чтобы мы что-нибудь принесли…

— В этом нет необходимости, — сказал Стефан. — Я хочу пройтись сам.

Страж бросился в королевские покои за свечой, прежде чем отправиться в подземелье.

Когда Стефан был мальчиком, он исследовал множество коридоров Крепости Несры. Пока Матиас усердно практиковал навыки фехтования во дворе, а Лука лежал в постели с недугом, который у него был в то время, а Серена училась по книгам в своих комнатах, пытаясь доказать, что она не хуже мальчиков… Стефан исследовал каждый затененный угол, каждый изгиб и поворот, каждый скрытый проход и каждую лестницу. Страж со свечой вел их по каменным ступеням, спускаясь в подземелье. Страж рядом со Стефаном поежился, когда они спустились в холодный заплесневелый воздух. Страж взял лампу и зажег ее свечой, чтобы мерцающее пламя не погасло на сквозняке, носящемся по ступеням замка.

Стефан следил за его шагами по наклонным камням. От стонов заключенных у него по спине побежали мурашки, но он продолжал идти. Стражи в подземелье поклонились, когда он прошел мимо них. Слухи о его полуночном исследовании Крепости Несры наверняка распространятся среди слуг и шпионов в замке. Пусть говорят. Пусть удивляются. Пусть поверят, что он был чем-то большим, чем больной король со шрамами.

Вонь подземелья вынудила Стефана прикрыть нос рукавом халата, но он шагал глубже в недра замка. Затем он прошел в пустую комнату, примыкающую к тюремным камерам. Он не был в этой части замка с детства. Он вспомнил, как однажды один из советников его отца привел сюда молодую служанку. Мысль об этом вызвала у него желчь.

— Подождите снаружи, — приказал он страже.

Они повиновались, встали на страже у дверей. Стефан закрыл дверь и прошел вглубь пустой комнаты. Когда-то она использовалась для хранения, а до этого была дополнительной камерой. Теперь она была пустой, не использовалась. Но было одно скрытое применение, о котором Стефан был уверен, мало кто знал. Его отец мог знать. Возможно, его дедушка тоже знал.

Стефан потянул свободный камень и бросил его на землю. Он сунул руку в отверстие и нажал рычаг. Появился дверной проем, открывающий секретный проход. Прежде чем пройти в коридор, Стефан оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что стражи не наблюдают за ним. Дверь была плотно закрыта.

Он проскользнул в узкое пространство и протиснулся в коридор. Ему пришлось повернуться боком, чтобы он не застрял между двумя каменными стенами, обе были мокрыми от влаги. Выйдя из проема, он смахнул паутину с волос и одежды. Затем он поднял лампу и огляделся.

Да, это место оставалось таким же заброшенным, как и прежде. Идеально.

Стефан был в той части замка, которая должна быть рвом. Вместо этого над его головой лежал ров, на землю капало. Он шагнул вперед, раскинул руки и позволил воде брызгать ему в лицо. Здесь он мог быть кем угодно, кроме короля. Он мог быть мальчиком. Он мог быть Стефаном. Он мог быть самим собой.

Внезапно он позволил своему внутреннему существу высвободиться. Он позволил чувству чистой свободы выйти на поверхность. Но была проблема. Наплыв удовольствия длился всего доли секунды. Он закрыл глаза, чтобы принять форму дракона. Потом открыл их и посмотрел на свои руки. Человеческие руки.

Почему он не смог измениться?

Стефан попытался снова, собрав как можно больше своего огня. Он почувствовал бурление в животе, такое же, какое он чувствовал во сне, когда собирался выпустить струю пламени. Он был так близок к тому, чтобы выпустить свою истинную природу, но не мог измениться. Он смотрел в потолок с отвращением и стыдом. Драконья часть была единственной силой, которая у него осталась.

И она исчезла.

6

РЕВА

Рева посмотрела на свой костюм и вздохнула. Не такой наряд она носила как леди, но она уже и не была леди. Она вспомнила, как бегала по Крепости Несры, желая, чтобы она не была дворянкой, чтобы она могла одеваться, как хочет, и распускать волосы. Нужно быть осторожнее с желаниями.

Карина стояла рядом с ней, ожидая возможности выбежать в открытый круг в центре толпы нетерпеливых зевак. Девушка повернулась и подмигнула Реве, и Рева не могла не улыбнуться. Но с другой стороны нервная Эмилия совсем не улыбалась.

Они догнали Эмилию в лесу за пределами башен. Девочка была с родителями, тряслась и боялась. Но семья фермеров сразу узнала в Реве девушку, которая приходила с отцом собирать колокольчики.

Рохеса считала глупостью то, что Рева открылась фермерам, но Рева доверяла им. Она доверяла им, потому что ее отец всегда считал их хорошими людьми, а ей нужно было верить, что хорошие люди все еще существуют в Эстале.

Анита заплакала, увидев Реву, и схватила ее, прижав лицо Ревы к своей груди. Она плакала от радости, но и от печали, потому что все знали, что лучше для Эмилии. Было бы лучше, если бы Эмилия рассталась с родителями и ушла с Ревой и ее подругами. Да, их жизнь не была легкой. Они не жили в роскоши и безопасности, но родители Эмилии были слишком стары, чтобы убегать от Сестер. Им нужно было вернуться на свою ферму. По крайней мере, так у Эмилии будут дракон, оборотень, пантера и маг воды, чтобы защитить ее.

И теперь, когда Рева смотрела, как Рохеса и Лотти разыгрывают пародию, где они сражаются в роли старых королей-драконов Дреака и Эсто, она не могла думать ни о чем, кроме слез на глазах Аниты. Но, по крайней мере, это отвлекло внимание от записки, которую она нашла среди своих вещей. Ей было не по себе, и она оглянулась, чтобы убедиться, что никто не наблюдал за ней. Каждый раз, когда она думала об этом, по коже пробегал холодок.

Толпа взревела от смеха, когда Рохеса изобразила травму и рухнула на пол.

— Удар! Попало! Огонь сжег мои ресницы. Стойте, у драконов есть ресницы? — она схватилась за лицо, глядела в толпу и ждала смех.

Лотти уперла руку в бок, нарисованная чешуя мерцала в теплом вечернем солнце.

— У них чешуя, дурочка. Вставай и сражайся. Ты дракон или мышь?

— Думаю, я уже хочу быть мышью.

Рева хихикала. Рохеса, полная сюрпризов, оказалась отличным комиком. Она строила толпе лица, и жители сгибались от хохота.

Когда пародия закончилась, Рохеса и Лотти поклонились толпе, а Эмилия прошла со шляпой, принимая пожертвования от желающих. Им удалось выпросить у толпы несколько медяков. Затем Рева и Карина должны были выступить в роли короля Митрина и Стефана Змея. Это было одно из их самых хорошо принимаемых выступлений. Стефан Змей плакал над трупом своего отца, и призрак его отца качал головой из-за того, что Стефан был королем. Карина блестяще сыграла Стефана как хнычущего, сопливого мальчугана, а Рева низким голосом подражала королю Митрину, отчаянно ворча о состоянии Эсталы в руках

Стефана. Это было представление, которое они не могли делать в больших деревнях, так как оно привлекало слишком много внимания, но оно всегда приносило хорошие деньги, поэтому они продолжали давать его в маленьких деревнях.

В конце, они спели старинную народную песню о магии Эсталы, как передышку от более шумных сценок. Рева смотрела в толпу, когда пела. Они не осмеливались выступать слишком близко к Башням Авалона, но все еще находилась в пределах побережья Фиурин, где когда-то правила ее семья. Ее глаза скользили по лицам в толпе, отчасти из-за страстного желания увидеть кого-то, кого она знала, отчасти из-за страха. Что, если они сообщат Сестрам о ее местонахождении? Что, если они сообщат королю?

Ее спина напряглась, и она чуть не пропустила ноту, когда увидела суровое лицо, пристально смотрящее на нее из толпы. Ее взгляд вернулся к этому лицу, но оно изменилось. Ее тело расслабилось. Это была не Сестра Валерия. Сестра Валерия умерла. Рева закрыла глаза, женщины вместе спели последний куплет. В каждом сне ночью было лицо сестры Валерии. Она снова и снова наблюдала, как Сестра умирает.

Когда она открыла глаза, в них были слезы.

Рева не оплакивала кончину врага. Она оплакивала девушку, которой была до того, как своими руками убила сестру Валерию. Она стала убийцей. Она никогда не сможет убрать это.

Эмилия пронесла шляпу через толпу людей, и туда бросили несколько медяков. Рева знала, что сегодня они не получат много. Она видела лохмотья здешних людей. Это были бедняки. Она видела, как многие из них сопели, кашляли и чихали. По королевству ходили болезни, и люди говорили о чуме. Это было не самое подходящее время для путешествия по деревням, но куда еще им было идти?

— Это все, что я смогла достать, — сказала Эмилия, показывая Реве монеты в шляпе.

— Пойдем, купим ночлег. Мы заслужили ночь в таверне после прошлой недели, — сказала Рева. Уже больше недели никто из них не спал в постели. Слишком долго задерживаться на одном месте было опасно, но Рева видела, что их утомило постоянное движение, и им нужна была одна ночь, чтобы принять ванну и поспать больше, чем несколько часов.

Это была ветхая таверна, но у смотрителя была для них комната. Было тесно, но, по крайней мере, был общий матрас. Они похудели из-за путешествий, поэтому могли плотно уместиться на матрасе в комнате. Рева запросила для всех горячий обед, который оказался сытным рагу из баранины с сочными абрикосами и изюмом и кувшином сладкого вина.

Карина облизнула губы, вытирая остатки тушеного мяса пяткой хлеба.

— Это рай.

Так и было, по сравнению с их жизнью до этого момента. Когда Рева опустила голову на неровную подушку на кровати, она поняла, как устала.

В ту ночь ей снился Лука. Он был объят пламенем, дико размахивал руками. Сердце Ревы сжалось, когда она увидела его во сне с огнем вокруг него, касающимся его, но не причиняющим ему вреда. Был ли это ее огонь? Она не знала, но проснулась, чувствуя облегчение, увидев его лицо, и беспокоясь о том, где он и в безопасности ли он. Был ли он вообще жив? Она не знала. Она знала только, что не переставала видеть его лицо в своих снах с тех пор, как много лет назад покинула Крепость Несры.

На следующее утро они завтракали теплой сливочной кашей, согревшей желудок Ревы. Она сидела в таверне за столом напротив Эмилии, которая тихонько мешала кашу ложкой,

вместо того, чтобы зачерпывать ее, как Лотти и Рохеса.

— Ты не голодна? — спросила Рева.

Эмилия скромно улыбнулась.

— Думаю, нет.

— Ты скучаешь по родителям?

Она кивнула.

— А ты по своим?

— Да, — призналась Рева.

— Станет лучше?

— Я думаю о них каждый день, — сказала Рева. — Но это другое, Эмилия. Ты можешь увидеть родителей снова. Они не мертвы. Однажды, когда мы будем свободны, ты увидишь их снова.

Она улыбнулась.

— Надеюсь, ты права.

— Если бы ты спросила моего мужа, он сказал бы, что я никогда не была права. Что я ошибалась, если бы сказала ему, что солнце восходит на востоке. Но я знаю правду. Он всегда был неправ, а я — права, — сказала Рева с улыбкой.

Эмилия тихо рассмеялась и съела ложку каши.

— Вкусно.

— Люди тут добрые, но бедные, — сказала Рева. — Они бедные, болеют, а король Стефан ничего с этим не делает. Каждая деревня, куда мы приходим, выглядит хуже прошлой.

— И на дорогах тела, — сказала Рохеса. — Чума убивает людей.

Глаза Эмилии расширились.

— Я не знала.

Лотти нахмурилась.

— Мы много слышим, когда ходим из деревни в деревню. Не хватает целителей, чтобы справиться с болезнью. Люди слишком бедны, чтобы платить за лекарства, да и лекарства пока не придумали.

— Это ужасно, — сказала Эмилия, качая головой. — Что собирается делать король?

Рева подумала о Стефане как о короле и поежилась.

— Говорят, король болен.

Глаза Эмилии расширились.

— У короля чума?

Карина кивнула.

— Так они говорят. Он недолго будет королем, если у него чума.

Рева выскребла остатки каши из миски и стала размышлять о том, кто станет королем после Стефана, если он умрет. Лука претендовал на трон, но примут ли его люди после того, как поверили, что он убил своего брата Матиаса? Рева по-прежнему не верила, что Лука убил Матиаса, но ее интересовали слухи о том, что он был менти. В конце концов, она тоже была менти.

Если Лука так и не вернулся в Эсталу, остались сестры Луки. Серена была самой старшей, но Рева мало что помнила о Серене. Девушка была тихой, держалась в стороне. Она часто оставалась в своих покоях одна и читала. Девушка была умна и прилежна, это единственное, что знала о ней Рева, но была ли она королевой? Что еще более важно, была

ли она королевой, которую люди примут? Это было опасное время для Эсталы: король был мертв, его печально известный жестокий сын стал королем Эсталы, а еще чума и неопределенность. Столько неуверенности, что каша стала грузом в желудке Ревы.

— Нам пора идти, — сказал Рева.

— Куда мы направляемся дальше? — спросил Рохеса. — Все еще на юг?

Настоящего плана пока не было, но Рева гадала, смогут ли они отправиться в Зантос. По крайней мере, тогда они будут вдали от Сестер. Ходя по деревням, они часто слышали о том, что менти убегали в Зантос, чтобы присоединиться к какому-то повстанческому альянсу. Но было сказано, что король Стефан убил всех мятежников, включая своего брата. Некоторые думали, что Лука еще был жив, и что Стефан не убил всех менти. В каждой деревне были противоречивые истории.

Сердце Ревы болело, она не хотела оставлять в Эстале так много менти. Часть нее хотела продолжать путешествовать из деревни в деревню, спасая молодых женщин из когтей Сестер, но это была не настоящая жизнь. Когда Рева впервые приняла форму дракона, она была уверена, что это означало, что у нее было какое-то предназначение. Но теперь, после недель бесцельных скитаний по Эстале, она уже не знала, была ли вообще судьба.

— Да, на юг, — сказала Рева.

Карина сжала руки Ревы.

— Убери это обеспокоенное выражение со своего лица. Мы по-прежнему все вместе. Мы все еще семья, да?

Рева вывела остальных из таверны в деревню. Возле таверны собрался небольшой рынок. Когда они вышли, несколько местных жителей хлопали и кланялись им, прося песни и представления. Рева улыбнулась и вежливо отказалась, тревога все время грызла ее желудок. Они становились слишком известными. Они привлекали слишком много внимания. Из-за потребности в деньгах они устроили спектакль, который был слишком красочным и занимательным. Если они хотели остаться неизвестными, им нужно было изменить выступление в следующей деревне. Возможно, они могли бы просто петь песни, а Карина могла бы превратиться в мальчика.

Они купили вяленое мясо, хлеб, сухофрукты, вино, эль и одежду. Упаковав сумки, они пошли дальше из деревни, помахав детям. Рохеса скорчила им глупые рожицы, что отвлекло их от кашля на достаточно долгое время, чтобы рассмеяться.

— Это то, что им нужно, — сказала Карин. — Им нужно отвлечься. Мы и есть это отвлечение.

— Да, и у нас это слишком хорошо получается, — ответила Рева.

— Между деревнями будут сплетни. Как скоро Сестры услышат о нас? — сказала Рохеса.

— Мы можем разобраться с Сестрами, — ответила Карин.

— В прошлый раз мы были близки к провалу, — сказала Рева. — Мы не можем допустить, чтобы это повторилось.

Рохеса и Карина продолжили разговор, выходя из деревни на узкую дорогу, ведущую на юг. Но Реве показалось, что воздух стал неподвижным, а волосы у нее на шее встали дыбом. Она повернулась к деревне, ожидая увидеть в толпе лицо сестры Валерии. На этот раз сестры Валерии нигде не было видно, но в деревне стоял подросток лет шестнадцати, с темной кожей и черными волосами. Его одежда отличалась от других. Она была сделана из кожи, как легкие доспехи, которые носили принцы во время тренировок в Крепости Несры.

Он улыбнулся ей и помахал. Рева покачала головой и пошла прочь от деревни, но не могла отделаться от мысли, что что-то не так. Она снова повернулась, но мальчика уже не было.

7

ЛУКА

Лука не был в Золотом порту с тех пор, как путешествовал с братом Аксилом после смерти его брата. То время он провел в тумане вины, считал себя убийцей, не мог принять смерть Матиаса. В то время он пропустил краски и запахи порта. Соль, рыба и пряности. Кричали матросы, смеялись женщины и вопили рыночные торговцы. Прошло много времени с тех пор, как Лука видел столько жизни. Фактически, единственный раз, когда он мог вспомнить такие цвета и шум, был день официального окончания восстания менти, когда он стоял со своей семьей на ступенях Крепости Несры, и толпа ликовала. Он вспомнил, как Рева взяла его за руку. Эта девушка, которая всего несколько недель назад потеряла своих родителей, придавала ему сил, когда он боялся.

Цвет этого места заставлял его скучать по ней. Она всегда была цветом его жизни. Она всегда была жизнью. Пока он был болен и слаб в постели, его подруга Рева ворвалась в его покои, запрыгнула на его кровать и рассказала ему, как она обманула кухарку и украла с кухни сладкие булочки. Так же, как его сердце болело от звука голоса Матиаса, оно болело и от голоса Ревы. А потом его почти полностью поглотила тоска по дому. Что Каролина или Серена делали в данный момент? Серена читала, Каролина, наверное, тренировалась с луком. Маленький Альберто гонялся за кошками во дворе.

И Стефан. Он был королем. Изменит ли это его? Заставит ли это его вырасти и стать тем, кем он должен быть? Почему-то Лука не думал, что новый король-дракон будет

соответствовать тому человеку, которым он должен быть. Стефан уже был потерян, и Лука знал это глубоко в своем сердце.

Но все это сейчас не имело значения. Ему нужно было обдумать другие проблемы.

Джеральдо собрал небольшую группу, чтобы посетить таинственного потенциального благодетеля. Брат Аксил остался с остальной группой, а Лука, Таня и Нико присоединились к Джеральдо в путешествии к Золотому порту. Чтобы добраться до берега, потребовалось пять часов, и они очень нуждались в ванне и еде. Но вместо этого они медленно пошли вверх по крутому холму к большому белому зданию.

— Отец, ты уверен? — Нико тяжело дышал, глядя на дом. Лука подозревал, что Нико ощущал то же, что и он — что им нет тут места. Не в их рваной одежде, от которой пахло затхлостью и потом. Не тогда, когда у них под ногтями была грязь. Как он должен был убедить этого лорда в том, что они достойны помощи?

— Лорд Киро примет нас, — уверенно сказал Джеральдо.

Лука не чувствовал себя так уверенно, как Джеральдо.

Они с трудом поднялись по крутому склону. Лука не осознавал, насколько слабым сделало его путешествие. Мышцы болели от напряжения. Но он продолжал. Он должен был верить, что они могут восстановиться. Он должен был верить, что повстанцы смогут остановить Стефана. Он хотел вернуться домой, в крепкий дом, где менти могли жить свободно.

— Будем надеяться, что он нас и накормит, — сказала Таня. — И ванна была бы кстати. Это похоже на дом со слугами. Я надеюсь, что это так. Я хочу горячей воды и мыла.

— Я понятия не имел, что ты такая требовательная, Таня, — пошутил Лука. — Ты была дамой до того, как присоединилась к повстанцам?

Таня так сильно толкнула его в плечо, что Лука чуть не упал.

— Я никогда не была леди. Не так, как вы, принц. Я уверена, что сильно отличаюсь от принцесс, которых вы знаете.

— Ты несколько отличаешься от моих сестер, — сказал Лука. — Во-первых, ты не крадешь мои мечи или книги. Во-вторых, ты не сбиваешь меня с ног, когда я иду по коридорам замка.

— У Луки, которого я знаю, нечего красть и нет замка, где можно споткнуться, — сказала Таня. Ее голос снова стал серьезным, и улыбка исчезла с лица Луки.

Дорога была тихой, за исключением случайных прохожих, несущих ведра с водой или мешки с зерном. Один мужчина держал в одной руке мешок, наполненный ярко-красной пряностью, а другой рукой тащил сопротивляющуюся козу. Другой прошел мимо них, поедая грушу, и сок стекал по его подбородку. Луке потребовалась вся сила воли, чтобы не подраться с мужчиной и не вырвать грушу из его рук.

Когда они приблизились к вершине холма, Лука увидел впереди внешнюю стену владений. Величественные белые стены мерцали на солнце, и он почувствовал облегчение от того, что наконец-то приблизился к месту назначения. Он глубоко вдохнул, и его плечи опустились. До этого момента он не осознавал, насколько напряженным его оставило путешествие.

Но Джеральдо остановился.

— Где стража?

Лука повернулся к Нико и пожал плечами. Разве не было бы хорошо, если бы не было охраны?

— Какая стража?

— У каждого богатого лорда Золотого порта есть охрана, — объяснил Джеральдо. — Лорд Киро не исключение. Я посещал его дом во время восстания менти. Тогда у него было много стражников.

— Это было во время восстания, — сказала Таня. — Возможно, ему нужна была защита.

— Это неправильно, — пробормотал Джеральдо, проводя руками по седеющим волосам. Ладони блестели от пота.

Лука услышал стрелу раньше, чем увидел ее. Раздался свист воздуха, стрела поранила его бицепс, разорвав тунику и разбрызгав кровь в воздухе.

— Это засада! — воскликнула Таня. Она сформировала в руках шар из воды, ее взгляд блуждал по окрестностям в поисках нападавших.

Лука сформировал огонь и встал рядом с ней.

— Нико, за меня, — сказал Джеральдо, доставая кинжал из ножен.

Но хоть они и повернулись, разглядывая дорогу в поисках нападавших, они ничего не увидели. Среди деревьев послышался легкий шорох. Лука собирался сделать шаг вперед, чтобы разобраться, но Джеральдо жестом приказал ему остановиться. Тишина была осязаемой. Пропали прохожие, несущие свои товары. Они были одни на дороге, а неизвестный нападавший поджидал их в кронах деревьев.

Джеральдо направился к деревьям, поднимая кинжал. Но когда Джеральдо пошел вперед, Лука услышал движение позади себя. Он развернулся, подняв руку, чтобы бросить огненный шар, но маленькое, быстро движущееся пятно человека врезалось в него, заставив его упасть на пол, выбив из него дух. Злоумышленник прижал его к земле и надел на запястье железные наручники. Человечек поставил Луку на ноги. Таня боролась с нападавшим, уклоняясь от летящих кулаков и брызгая ему в лицо водой. Но мужчина был быстр. Он завел руку Тани за ее спину и надел наручник на ее запястье. Затем он схватил другую руку и надел наручники на другое запястье, полностью сковав ее руки. Джеральдо повалили на землю и надели наручники и на его запястья.

Железо.

Оно забирало их силы, оставляя их слабыми и уязвимыми. Одно время Лука полагался на железные наручники, не решаясь снять их на случай, если он кого-нибудь поранит. Теперь он ненавидел их. Он чувствовал себя оскорбленным ими, вынужденным быть тем, кем он не был.

Из-за деревьев вышел мужчина и подошел к ним. Он был одет в прекрасные шелковые одежды красного и золотого цветов. У него были ярко-голубые глаза, которые напомнили Луке о брате Аксиле, и кожа такая же темная, как горные склоны Зеана. У него было круглое лицо, тонкие губы и черные кудри, собранные на затылке. Кудри были с проседью, но на вид ему было не больше сорока.

— Добро пожаловать в Золотой порт, леди и джентльмен.

— Кто ты? — прорычал Джеральдо.

— Это я объясню через минуту. Но сначала нам нужно найти для вас транспорт.

Человек махнул рукой в мантии, и две лошади взбежали по холму. За лошадьми была деревянная ловушка со встроенной в нее клеткой. Это напомнило Луке о доставке заключенных в Крепость Несры. Он помнил, как их голодные глаза смотрели с грязной кожи, и как их грязные пальцы сжимали прутья.

— Вы нас арестовываете? — спросил Джеральдо.

Мужчина рассмеялся. Это был низкий смех с оттенком враждебности.

— Арестовываю? Нет. Но вы будете моими гостями некоторое время.

— Кто ты? — повторил Джеральдо.

Но мужчина не ответил. Вместо этого его охранники или головорезы — или кто бы они ни были — направили их в большую клетку, а затем клетку заперли.

8

СЕРЕНА

«О Реялоне гудят», — подумала Серена, наблюдая за городской суетой из окна своей комнаты. Она села на подоконник с книгой на коленях, а окно распахнулось настежь. Ветер колыхал гобелены, висевшие у нее на стене. Серена приютила гобелены, которые были нежелательны в остальной части Крепости Несры. Это были не красивые птички, которых любила ее мать, и не изображения сражений, которые нравились Каролине, и даже не лошади, которых Лука вешал на стены. Серене нравились звезды. Ее гобелены были длинными и черными, усыпанными яркими сияющими звездами. Когда они трепетали, было похоже на мерцание звезд в ночном небе.

Но Серена не смотрела на мерцание звезд на своей стене. Она была очарована сценами внизу, в Реялоне. Она не улыбалась; вместо этого она сильно хмурилась. Она не могла поверить в то, что видела. Всего через несколько недель правления Стефана Реялон уже страдал.

Улицы были забиты нищими, и хотя она не могла быть уверена с такой высоты, она подозревала, что некоторые тела, лежащие рядом с дорогами и переулками, на самом деле были трупами. Это не удивило бы ее. Последствия чумы уже начали калечить крупные города, и больше всего пострадал Реялон. Гробовщики города не успевали. Многие из нежелательных жителей города, умершие от болезни, оказались на массовом погребальном костре за пределами городских стен.

И вот длинная процессия шла по улицам, извиваясь на узких базарных улочках. Она наблюдала за большой группой людей, медленно движущейся по городу, очарованная их медленным движением. Казалось, они двигали руками, но Серена не могла понять, почему. Они размахивали руками? Что они делали?

Дверь комнаты открылась, и вошла Априла, ее служанка.

— Лорд Зимин прибыл увидеться с вами.

— Спасибо, впустите его.

Неуклюжий мужчина вошел в комнату, и она сразу показалась меньше. Серена вспомнила, как ее отец делал то же самое, только с ее отцом это было из-за его грозной натуры. Лорд Зимин был просто толстым.

Серена встала, чтобы поприветствовать его, сделала небольшой реверанс, когда он поцеловал ее руку.

— Спасибо, что пришли, милорд. Не хотите посидеть со мной у окна?

— Конечно, принцесса. Это будет честью для меня.

В его улыбке было больше, чем намёк на похотливость, но Серена предпочла это проигнорировать.

— Видите, процессия движется через Реялон?

— Ах, да. Это Орден Понимания, — он переместил свой вес, устроившись на стуле у окна рядом с Сереной. Он тяжело дышал, когда двигался, и Серена ощутила сладость его дыхания, как яблочные пирожные, которые повар подавал за завтраком. — Многие простые люди называют себя членами и ходят по улицам, наказывая себя кнутами и цепями.

Рот Серены раскрылся.

— Но зачем им это делать?

— Они верят, что Просвещенный Бог избавит их от чумы, если они сами себя

накажут, — лорд Зимин приподнял брови, показывая, что и он этого не понимал.

Серена вздохнула. Это было делом рук брата Миккела и короля Стефана. Их сообщения сеяли страх по всей Эстале, побуждая обычных людей к экстраординарным действиям из-за отчаяния. Она могла понять это, но холодные, неопровержимые факты от этого не становились легче проглатывать. Люди, причиняющие себе вред, не могли остановить распространение чумы. Только медицина могла облегчить страдания больных. И снова Стефан препятствовал продвижению знаний, что шло вразрез с тем, за что выступал Просвещенный Бог. Он превращал религию Эсталы в отвратительный культ с продажным руководством.

Но она не могла говорить об этом, потому что не знала, что на самом деле думал лорд Зимин о ее брате. Был ли он верен короне? Или он замышлял заговор против них всех? Она посмотрела в эти налитые кровью глаза и попыталась понять, о чем он мог думать. Она не знала. Она не могла понять его — по крайней мере, пока.

— Наш король будет доволен этим ревностным проявлением веры, — сказала Серена.

Лорд Зимин кивнул.

— Это доставит ему удовольствие.

Серена встала и подошла к своему столу, заваленному книгами и бумагами. Но она позаботилась о том, чтобы Априла поставила туда кувшин с вином и две чашки, чтобы развлечь гостя.

— Изволите вина, милорд?

— Да, это было бы приемлемо, — он с трудом поднялся на ноги, пыхтя.

Серена налила вино и протянула ему, пока он шаркал к столу.

— Вы очень начитаны, ваше высочество, — лорд Зимин отхлебнул вина. — Хм, вкусно.

— Это из Зантоса, — сказала она. — Не говорите моему брату, — она подмигнула и приложила палец к губам.

Смех лорда Зимина напоминал гром.

— Да, ваш брат действительно испытывает отвращение к Зантосу. Я думаю, что его неудачный опыт мог повлиять на его суждение.

«Интересно», — подумала Серена.

— Битва против принца Луки, — Серена кивнула. — Стефан определенно вернулся домой другим после того боя, — она подумала о шрамах Стефана и вздрогнула.

— Возможно, сильнее, — ответил лорд Зимин.

Серена пожала плечами.

— Возможно. Но он довольно упрям во всем, что касается Зантоса. Даже если это может принести пользу Эстале.

Серена на мгновение позволила заявлению повиснуть в воздухе, пока пила вино. Критиковать короля в присутствии одного из членов совета Стефана было смелостью, но Серена хотела проверить лорда Зимина, а такое умеренное заявление можно было бы легко исправить, если бы Стефан узнал.

— Значит, и вы так думаете, — сказал лорд. — Должен признать, что рад слышать, что кто-то еще говорит то, что я думал.

— Если вы в это верите, то почему не высказали свое мнение на заседании совета? Королю нужны люди, которые откроют ему правду, когда он попросит об этом.

— Вы верите, что ваш брат просил правду на той встрече?

Серена улыбнулась. Лорд Зимин был полон сюрпризов.

— Нет.

— Ваше Высочество, не будет ли дерзостью с моей стороны высказать свое мнение?

— Именно поэтому я пригласила вас сегодня сюда.

— Я подумал, что то, что вы сказали о лекарстве из Зантоса, было отличной идеей.

Серена чувствовала, что это было не все.

— Продолжайте.

— Орден Понимания беспокоит меня. Я верующий, как вы знаете. Я большой сторонник каждой части Просвещенного, но меня беспокоит Орден. С каждым днем они крепнут. У короля Стефана есть члены Ордена во всех важных фракциях Эсталы. Многие молодые люди присоединяются к Ордену, чтобы помогать полиции в городах. Некоторые собирают неуплаченные налоги по деревням.

Это была новая информация, и это обеспокоило ее. Серена, конечно, наняла информаторов для разведки новостей со всей Эсталы — она никогда не доверяла словам своей семьи, кроме Матиаса, — но, похоже, этого было недостаточно. Очевидно, у лорда Зимина было острое ухо, крепко прикованное к земле. Казалось, он с легкостью ощущал невзгоды их царства.

— Признаюсь, я не знала об этом развитии событий, — сказала Серена. — Это беспокоит.

— Орден становится сильнее, — сказал лорд Зимин. — Но…

— Но? — сказала Серена.

Лорд Зимин вздохнул.

— Я уже много сказал.

— Вы тут среди друзей, милорд.

Он опустил кубок и коснулся ее ладони.

— Мне пора уходить. Думаю, мы вскоре встретимся снова, — он поцеловал ее в щеку и вышел за дверь.

Серена посмотрела на свою ладонь и увидела в руке клочок пергамента. Было ясно, что уголок был оторван от большого документа. Серена подняла грубую бумагу, чтобы прочитать сообщение: *Приходите к Всевидящей башне на закате*.

Она сунула кусок пергамента в карман юбки, когда вошла Априла, чтобы убрать пустые кубки. Серена вернулась к окну, чтобы посмотреть, как процессия движется через Реялон, но не могла успокоиться. Вино бурлило в животе, и во рту появился кисловатый привкус. Казалось, запахи города поднимались в ее комнату, и она могла поклясться, что чувствовала запах крови. Когда Априла ушла, она подошла к своему столу и начала писать письма. Первым делом в Зантос, чтобы узнать, как идут поиски лекарства от чумы. Затем она составила записки многим советникам своего отца, которые были изгнаны со двора. В каждом письме Серене приходилось быть осторожной. Она не доверяла курьерам, которые доставляли письма. Даже если бы она отправила их птицей, на другом конце был получатель. Она запечатала каждое воском и позвала Априлу, чтобы она доставила письма должным образом.

Остаток дня она старалась не думать о записке, которую получила от лорда Зимина, но, наблюдая, как солнце опускается, она не могла думать ни о чем другом. Было ясно, что у лорда были опасения по поводу ее брата, но насколько они были глубоки? Ее обманывали? Был шанс, что лорд работал агентом короля, заманивая ее, чтобы она оступилась и раскрыла себя. Серена ходила по комнате и пыталась решить, что ей делать. О, она отправится в

башню, в этом не было никаких сомнений. Конечно, она пойдет, как иначе? Она была человеком. Ей было любопытно.

Но это было опасно. Конечно, было опасно покидать покои и ходить по замку одной. Отец часто говорил, что принцесса никогда не ходит без стражи, хотя у него не было повода напоминать ей. Каролина не слушалась совета. Она была смелой, отказавшейся от сопровождения. Серена глядела на свой гобелен из звезд. Что она делала? Почему она делала это одна, а не вовлекала семью? Она потянула за нитку на рукаве платья и попыталась обдумать этот вопрос. Каролина не интересовалась политикой. Альберто был слишком молод. Ее мать не была собой после смерти отца. Большую часть времени ее мать оставалась в постели, плача и бессвязно бормоча. Ни один из друзей ее отца не остался при дворе, а это означало, что никого из ее друзей не было при дворе. Остались только мать Стефана и Матиаса, которой она не могла доверять по понятным причинам. Если бы только Лука был здесь… Говорили, он могущественный менти. Серена не была фанаткой менти после того, что произошло во время восстания, но в данный момент она поддержала бы идею силы.

Она повернулась к открытому окну. Солнце садилось. Это было ее время и возможность. Она покинула свои покои.

Когда ее страж пошел за ней, Серена сказала:

— Я хочу побыть одна, Като. Я собираюсь навестить отца.

— Но я мог бы сопровождать вас хотя бы часть пути, ваше высочество, — предложил Като. Это был молодой человек двадцати лет, столько же было бы и Матиасу, если бы он выжил.

Серена тепло улыбнулась ему.

— Хорошо, Като. Я хотела бы побыть наедине со своими мыслями.

Страж неохотно кивнул, и Серена ушла, оставив его там. Она дрожала, пока шла по холодным коридорам замка, кутаясь в плащ, чтобы сохранить тепло. Она подняла капюшон и надеялась, что это действие не покажется подозрительным, а было просто действием молодой женщины, пытающейся согреться. Коридоры иногда освещались жаровнями, но между ними было много теней, что давало Серене достаточно поводов представлять всевозможных неприятных существ, подстерегающих ее. Но она подавила тревоги и поспешила дальше.

«Это ловушка, — подумала она про себя. — Это Стефан. Я должна вернуться!».

Но она не вернулась. Она начала подниматься по ступеням башни, чувствуя, как свинцовая тяжесть страха сдавила ее плечи.

9

ЛУКА

Лука вспотел в своей тунике, телега сделала еще один извилистый поворот. Жаркое солнце палило на них в клетке, заставляя грязный пот стекать по его вискам. Луке показалось, что они ехали уже несколько часов, но по такой жаре он не мог сказать точно. Каждое мгновение было веком, не было ни воды, ни тени, чтобы спрятаться от жары.

— Боги, вы видите это? — прошептал Нико.

Зрелище не помогло Луке остыть. От этого ему стало еще жарче. То, как солнечный свет играл на золотых стенах, заставило Луку подумать об огне, особенно о пламени, которое он видел во сне, когда лежал на кровати в Замке Несры. Это был Золотой дворец, и здание соответствовало своему названию. Золотые стены уходили в облака, высокие и гладкие, словно с неба лился расплавленный металл. В Зантосе не было короля, но это был дворец для короля. Это был дворец для Бога.

— Он сделан из золота? — спросил Лука.

— Нет, — ответила Таня. — Это каменный замок, как и любой другой. Камни были погружены в золотую краску, прежде чем они построили его. Не обманывайтесь, принц. Он

не более особенный, чем ваш замок, — в ее голосе была нотка презрения, которая заставила Луку задуматься о том, были ли простые люди Зантоса такого же плохого мнения о своих лидерах, как и в Эстале.

Но все же он не мог не согласиться. Золотой Дворец был подвигом чистой роскоши, которого он никогда раньше не видел. Крепость Несры напоминала лачугу.

— Почему мы направляемся во Дворец? — спросил Лука. Он видел, что их везли именно к стенам замка. Он подумал о подземельях под Крепостью Несры и вздрогнул. — Мы будем брошены в клетки.

Лука оглянулся на остальную часть их компании. В их повозке находились трое стражей с суровыми лицами, охранявшие их всех в клетке, но остальные следовали за ними. Лорд в мантии, арестовавший их, ехал в карете, а охранники ехали верхом по обе стороны. Стражи были одеты в темную свободную одежду с кинжалами, пристегнутыми к поясу, и луками на спине. Они были меньше, чем стражи в Эстале, но Лука уже испытал на себе их силу и свирепость. Они двигались гораздо быстрее, чем люди в доспехах, охранявшие Крепость Несры. Эти люди были легкими и двигались, как большие кошки, набрасывающиеся на добычу. Он никогда не сталкивался с подобными боями, по крайней мере, среди тех, у кого не было способностей менти.

— Зачем им утруждать себя и везти нас в камеры в замке, когда камеры есть в ближайших деревнях? — спокойно сказал Джеральдо, прислоняясь к прутьям клетки. — Тут что-то еще.

— Как они узнали, что мы будем там? — сказал Лука, размышляя вслух. — Джеральдо, ты прислал известие?

Он пожал плечами.

— Как? Ты видел почтовых голубей, спрятанных в моих штанах? Где был курьер, когда мы прятались в лесах за пределами Золотого порта? Я не видел ни одного, — мужчина хмуро посмотрел на свои наручники.

Лука попытался сосредоточиться, подумать о том, что происходит. Возможно, кто-то узнал их, когда они шли к дому связного Джеральдо? В грязной одежде они были заметны. Но у Золотого Порта была своя доля бедняков. По шумному порту бродило множество нищих и других нежелательных лиц. Почему они должны были выделяться? Был только холм, где они были хорошо видны, но там не было никого, кто выглядел бы как страж или видный член совета. Кто еще узнал бы его? Даже его люди в Эстале не видели его часто до того, как он сбежал из города. В детстве он проводил много времени, восстанавливаясь после болезни, в отличие от Матиаса, который всегда был рядом с королем, когда появлялся на публике.

Все это было очень странно. Ему казалось, что его планы и надежды разбиты и разрушены. Возможно, Стефан приложил ко всему этому руку. Шпионы брата могли лазать по Зантосу. Это было единственное логичное объяснение, хотя он чувствовал, что, по крайней мере, один из них заметил бы шпиона, следующего за ними. Если только это не кто-то из их собственного лагеря…

Конечно, нет. Повстанцы-менти были семьей. Разве не так?

Повозка остановилась у ворот, и Лука впервые увидел вблизи Золотой дворец. С этого расстояния все выглядело так же внушительно, как и на расстоянии. Теперь он увидел округлые башенки, уходящие в облака, и разноцветные флаги, развевающиеся над крышей замка. Многие стражники, стоявшие у стены замка, были в одинаковых темных одеяниях с

кинжалами по бокам.

Сама стена казалась золотой по пути, но теперь Лука видел, что на самом деле она была окрашена в ярко-желтый оттенок, который отражал солнце, и на стену было почти невозможно смотреть. Замысловатые ворота, ведущие во двор замка, были в два раза выше ворот, ведущих в Реялон. Они нависали над ними, пока стражи разговаривали. Лука поднял голову над головой Нико, чтобы лучше рассмотреть резьбу. Поперек ворот, в центре, где они расходились, лежали две скрещенные кирки. Вокруг кирок был круговой узор со знаками, которые, похоже, были словами на языке, которого Лука не знал. Зантийский, предположил он. Ворота разошлись, и была поднята решетка, чтобы позволить повозке въехать в большой двор у подножия Золотого дворца.

— Что означают слова вокруг дверей? — спросил Лука, адресовав вопрос Тане.

— Силой и мудростью мы побеждаем всех. Со страхом и слабостью мы стоим на месте, — сказала она. — На зантийском языке звучит намного лучше.

Луке понравились слова. В свое время Эстала жила по похожему кодексу. Он не верил, что его брат Стефан будет править Эсталой с чем-то, кроме страха и слабости, и именно поэтому Эстала погибнет, если Стефана не сместят с трона.

Группа прошла через ворота в большой двор Золотого Дворца. Он был размером с деревню, с меньшими постройками на окраинах, у стены. Зеленые лианы тянулись по домам, обвивая рощицы и навесы. Красочные цветы в больших контейнерах стояли вокруг длинных зданий. Во дворе царила симметрия, единообразие, это было совсем не похоже на Эсталу.

И сам дворец. Вблизи он видел, что стены были окрашены, а не построены из чистого золота. Издалека казалось, что замок вылеплен из металла, но здесь он мог разглядеть отдельные камни. Даже с видимыми камнями замок представлял собой прекрасное зрелище, от которого у Луки перехватило дыхание.

Цоканье копыт лошадей казалось слишком назойливым в безмолвном дворе. Лука видел, как слуги и охранники прекратили свои дела и смотрели, как мимо них проезжают телега и карета. Теперь он был заключенным, человеком, которого нужно бояться. Он был одет в грязную одежду, и на его лице была грязь. Если он когда-либо хотел избавиться от своей королевской власти, то, наконец, ему это удалось.

Группа переместилась под вторую решетку ближе к самой крепости. Наконец, лошадей остановили, а стражи столпились вокруг клетки с поднятыми луками и кинжалами и поставили ноги одна перед другой, готовые к прыжку. Лука встал, насколько мог, в клетке, готовый покинуть узкий контейнер. Все это время его сердце колотилось о ребра. Он так сосредоточился на богатстве своего окружения, что забыл бояться того, что может произойти дальше. Лишение свободы? Казнь? За что их арестовали? Им никто не сказал. Было ли это просто потому, что они были вне закона, по мнению его брата, короля? Или это было связано с Зантосом по какой-то другой причине? Лука знал, что у Зантоса и Эсталы были напряженные, но мирные отношения, и он был уверен, что король Стефан будет соблюдать любое дипломатическое соглашение, к которому они пришли в отношении его жизни, но Лука понятия не имел, к чему это может привести.

Его могли вести на казнь.

Лорд, который заковал их в кандалы, подошел к клетке и жестом приказал одному из стражей открыть дверь клетки. Лука мельком взглянул на Джеральдо. Стоило ли сбивать охрану? Нет, конечно, нет, там был еще с десяток с луками и стрелами. Лука сделал шаг назад и позволил охраннику открыть дверь без вреда. Джеральдо вышел из клетки первым,

затем Таня, затем Нико и, наконец, Лука. Его ноги слегка дрожали после тесноты клетки. Он вытянул спину и пошевелил пальцами, чтобы прогнать дискомфорт, прежде чем дождаться, пока лорд поговорит с Джеральдо и скажет им, что произойдет дальше.

Но, к его удивлению, лорд подошел к Луке.

— Ваше Величество, я хотел бы официально приветствовать вас в Зантосе от имени Золотого Совета. Я ужасно сожалею о том, как вас сюда привели, но, боюсь, время имело первостепенное значение, и было беспокойство по поводу вашей возможной враждебности по отношению к Золотому Совету, — взгляд лорда метнулся к Джеральдо. — Пожалуйста, позвольте мне представиться, прежде чем мы пойдем дальше. Меня зовут лорд Тиниан, и я первый советник, — лорд Тиниан повернулся и жестом указал на охранника.

Спина Луки напряглась, когда страж шагнул вперед, но он только отстегнул цепь между железными наручниками Луки, прежде чем перейти к остальным. Запястья Луки теперь были отделены друг от друга, но железо по-прежнему мешало ему использовать свои силы.

— Мы ваши гости, лорд Тиниан? — спросил Лука.

— Конечно, ваше величество, — ответил лорд.

— Тогда могу я спросить, почему мы до сих пор в этих железных наручниках?

— Ах, — лорд развел руки в стороны и слишком драматично пожал плечами. — Это вопрос доверия. Вы и ваши друзья пока останетесь в Золотом дворце, поэтому мы должны быть уверены, что вы будете… вести себя прилично.

— Если мы гости, почему бы нам не вести себя хорошо? — спросил Джеральдо, показывая зубы.

Лорд смотрел на него с некоторым трепетом.

— Давайте пройдем во дворец, хорошо? Вы слишком долго путешествовали в таких стесненных условиях, и я уверен, что вы были бы рады ванне, еде и напиткам.

Луку мутило. Он должен был признать, что все три варианта звучали превосходно. Но когда они последовали за лордом Тинианом вверх по ступеням к огромным дверям дворца, ему пришлось напомнить себе, что он не мог доверять ни этому человеку, ни кому-либо еще, кроме мятежников. На его запястьях все еще было железо. За его спиной все еще стояли стражи. Он не был гостем, сколько бы лорд Тиниан ни повторял это слово. Он все еще был заключенным.

Стражи распахнули огромную дверь, чтобы пропустить группу, во главе с лордом Тинианом, Джеральдо шагал следом. Подойдя к входу, Лука заметил, что на двери выгравированы такие же узоры, как и на воротах во двор. Те же слова очерчивали дверь.

Его глаза разглядывали интерьер дворца, пока они следовали за лордом Тинианом. Он жаждал богатства. Он так давно не был в роскоши, что только в этот момент понял, как сильно по этому скучал, и от этого ему стало очень стыдно за то, что он наслаждался таким величием. Особенно, когда они прошли мимо нищих на улицах Золотого Порта, чтобы добраться сюда, и засыпали под звуки неустанно работающих шахтеров. И все же золотая плитка под его ногами, мозаика, тянущаяся к невероятно высоким потолкам, купол над большим залом, заливающим дворец солнечным светом, и гобелены всех цветов с золотыми нитями… это было захватывающее зрелище, и он жаждал большего. Он хотел исследовать каждую комнату во дворце, просто чтобы посмотреть, что еще здесь есть.

Стражи отвели их в покои. Комната Луки была длинной, почти такой же большой, как его покои в Крепости Несры, с кроватью, заправленной пурпурным и зеленым шелком, бархатными подушками и роскошными шкурами. Служанка в синих одеждах принесла ему

тарелку с копченой рыбой, дольками апельсина, хлебом и медом. Он жадно съел всю тарелку и запил ее сладким финиковым вином. Пока он ел, другие слуги наполнили медную ванну горячей водой, прежде чем почтительно отступить, чтобы позволить ему уединиться. Оказавшись в одиночестве, Лука взглянул на двери своей комнаты, где, без сомнения, стояли охранники. Он подошел к окну и посмотрел на двор внизу. Слишком высоко, чтобы прыгать. И что тогда? Его схватят охранники у ворот через несколько мгновений. Делать было нечего, поэтому он разделся и погрузился в горячую воду.

Через час его отвели в комнату со столом, уставленным еще большим количеством еды. У Луки потекли слюнки, когда он увидел жареное мясо и свежие фрукты. Нико уже набросился на еду. Таня сидела за столом, хмурясь, в длинном красном платье, которое ей идеально подходило, но в то же время делало ее смешной. Возможно, дело было в угрожающем взгляде, которым она окинула комнату. Джеральдо наблюдал за лордом Тинианом и другими лордами, присоединившимися к нему. Стражи стояли в каждом углу комнаты. Лука, теперь уже в прекрасной мантии, которая снова вызвала у него кризис своего «я» — он только что избавился от своей персоны принца, — присоединился к столу, внимательно наблюдая за лордом Тинианом.

— Спасибо, что присоединились к нам, мой принц, — сказал лорд, не сводя глаз с Луки. — Как видите, с вашими друзьями хорошо обращались, — лорд Тиниан взглянул на одного из охранников. Трое выступили вперед, опустили руки на Таню, Нико и Джеральдо и заставили их встать.

Лука начал вставать.

— Что вы делаете?

Таня попыталась вырвать руку.

— Отстань от меня!

— Принц Лука, пожалуйста, — сказал лорд Тиниан, повысив голос. — Я только хочу поговорить с вами наедине.

Но Лука не хотел садиться.

— Отпустите их! Я не буду говорить с вами, пока вы не отпустите моих друзей и не скажете мне, зачем привели меня сюда. Почему я ваш пленник? Скажите сейчас! Я требую этого.

— Очень хорошо, — ответил лорд Тиниан. Он жестом приказал стражам отпустить Таню, Луку и Джеральдо. — Вас привели сюда по одной простой причине. Вы заменишь своего брата, короля Луку. Вы законный король, и мы хотим обеспечить ваше восхождение на трон Эсталы.

10

РЕВА

Рева учуяла процессию раньше, чем увидела. Гадкий запах крови ударил по ее горлу, ее чуть не стошнило. Она повернулась на узкой дороге и смотрела, как много мужчин и женщин приближались к ее группе. Она давно не видела так много людей, шагающих вместе. В последний раз, когда она была прикована к группе из дюжины женщин, ее украли, и она попала в рабство.

Рохеса вытащила кинжал и стояла, готовая действовать.

— Погоди, — Карина опустила ладонь на запястье Рохесы. — Вряд ли они за нами.

Карина была права. Люди, шагающие к ним, не смотрели на них. Они будто ни на что не смотрели. Они спотыкались, шатались все вместе, шаркали по грубой земле босыми ногами. Рева скривилась, увидев кровь на пальцах ног, разорванные пятки. Она скривилась сильнее, увидев хлысты, которыми люди били себя по спинам.

— Что происходит? — прошептала Рева.

Процессия приблизилась, тихо говоря. Гул голосов был едва слышным, но она различила слово «Аниос». Ее кровь похолодела.

— Нужно уходить, — Рева повела других от дороги и вдоль берега к ближайшему ручью. Она не хотела снова видеть лица тех людей. Она уже знала, что их глаза будут в ее снах еще долго.

— Кто это был? — прошептала Эмилия.

— Похоже, я поняла, — ответила Лотти. — Поклонники Аниоса.

— А хлысты и цепи? — Карина покачала головой. — Зачем кому-то делать это с собой?

— Может, они хотят наказания, — ответила Лотти. — В моей старой деревне Брат говорил, что, если мы плохо себя вели, Просвещенный Бог накажет нас. Может, они наказывают себя, чтобы Богу не нужно было.

— Это чума, — сказала Рева. — Она заставляет людей творить глупости.

— Люди в отчаянии, — сказала Рохеса. — А отчаяние — опасная штука.

Они молчали, выпили немного воды из ручья и пошли дальше. С побега из прошлой деревни они не видели Сестер. Они, казалось, оторвались от них, но Рева сомневалась, что Сестры так просто сдадутся.

Ночью ей снилось, каким мог быть Зантос. Она знала, что там было жарче, чем в Эстале, что там были горы в пепле и большой вулкан, Зин, который было видно во всей стране. Но она знала лишь это. Она надеялась, что Лука был там, но она не знала, как его найти. Днем они шли вдоль ручья, игнорируя дорогу. Они выходили на Торговую дорогу, когда поля или леса не позволяли пройти по ним. Порой они проходили болота, которые могли утянуть их в глубины земли, или леса с волками, воющими в ночи. Дорога была не безопаснее, с бандитами и угрозой Сестер. Они ели вяленое мясо, пили из ручья, находили

грибы и ягоды. Лотти и Эмилия знали, какие ягоды можно есть. Реве нравилось изучать их названия. Золотые ягоды. Эльфийские ягоды. Красные ягоды. Сладкие и спелые, вкусные, но не сытные.

Ее желудок урчал, пока они шли. Припасы из последней деревни кончились, и им нужно было придумать, как заработать денег, чтобы купить больше припасов. Но они теперь были знамениты. Сестры будут ждать их в следующем поселении между этим местом и Южным побережьем. Рева подумала о старом доме своих родителей. Башни Авалона теперь принадлежали одному из новых генералов короля Стефана. Иногда она задавалась вопросом, сможет ли она пройти туда и найти друга, который поможет ей, но это было слишком рискованно.

Наконец, они очутились на Торговой дороге, шли к следующей деревне. Рева не знала ее названия. Она была слишком далеко на юге, чтобы быть в старых владениях ее отца. Ей было все равно. Группа была изможденной и уставшей. Они бы спели за объедки, если придется. Они впадали в отчаяние.

Но они не были в таком отчаянии, как некоторые люди, которых они встретили на дороге.

Когда деревни были захвачены больными чумой, люди пытались нести своих больных в Реялон за помощью. Но, судя по трупам, скопившимся у обочины дороги, не многие из них выжили. В воздухе было полно мух, и запах почти отбил у Ревы аппетит. Она заставила себя смотреть на дорогу, в то время как ее глаза наполнились слезами из-за того, что бедные души остались позади. Она хотела остановиться и закопать их, но голод вынуждал ее, а слабость все равно помешала бы ей выполнить задание.

Наступили сумерки, и свет сменился с розового на серый, оставив множество теней, в которых могли спрятаться воры. Они были в плачевном состоянии и в своей безнадежности были легкой добычей хищников на Торговой дороге. Рева первая поняла, что что-то не так. Она почувствовала, что за ними наблюдают, когда волосы на руках встали дыбом. Она покрутила головой, пытаясь найти человека, наблюдающего за ними, но со всех сторон никого не было.

Карина посмотрела на нее.

— Что такое?

— Я подумала…

Рева не закончила, группа мужчин выпрыгнула из теней ближайшей рощи. Рева потянулась к кинжалу. Рохеса зарычала, намек на кошку срывался с ее изогнутых губ. Карина вытащила из-за пояса кинжал, Лотти подняла руки, готовая биться водой. Рева переживала за Эмилию, не привыкшую к жизни в дороге. Эмилия подошла ближе к Реве, согнувшись, будто пытаясь стать меньше.

— Ну-ну, дамы, — к ним подошел самый высокий из воров. Свет был тусклым, но все же достаточно ярким, чтобы Рева могла видеть желтизну его зубов и налитые кровью глаза. Он шатался, его тело кренилось влево, и Рева подумала, не был ли он слегка пьян.

Пьяные мужчины были опасны и непредсказуемы. Они не всегда знали, чего хотят. Это могло быть золото, драка, а то и хуже.

— Никто не обязан страдать, — продолжил вор. — Отдайте свои сумки, и можете идти.

Рева повернулась к подругам. Она ни на мгновение не поверила вору, но не хотела драться, если Карина и другие не хотели драться вместе с ней. Она посмотрела на мужчину перед ней, и ярость вскипела в ее крови. Они усердно работали за те небольшие деньги,

которые собрали, и мысль о том, что они потеряют все, что им удалось собрать в своих путешествиях, была отвратительна. У них все еще не было достаточно средств, чтобы добраться до Зантоса, но это было лучше, чем ничего, и она не хотела это терять.

— Оставь нас в покое, — сказала Рева. — Уходи сейчас же и оставь нас в покое.

Вор начал смеяться. Его голова двигалась вверх и вниз, оценивая ее тело, взвешивая. Она была мясом, костями и сухожилиями, созданными для удовольствия, а не мозгом, личностью или даже человеком. Она сжала свободную руку в кулак и попыталась успокоиться. Сможет ли она превратиться в дракона? Она чувствовала себя такой слабой и вялой. Как она могла так драться?

— О, маленькая девочка. Мы не уйдем отсюда с пустыми руками. А вы выглядите такими маленькими и милыми.

— Закрой рот, — сказала Рохеса.

— Подойди к нам, и ты подхватишь чуму, — сказала Карина. Она стала кашлять в кулак. — Вот так. Мы идем в Реялон, чтобы лечиться. Мы больны.

Это заставило вора задуматься.

— Вы блефуете, — его голос прозвучал торопливо. Сдавленно. Он был напуган.

Лотти закашляла.

— Мы не врем. Мы подцепили ее. Мы умираем. Я покажу тебе фурункулы, чтобы доказать.

Один из воров стал смеяться, но высокий повернулся и зашипел на него.

— Вы не больны. Иначе вы не шли бы. А теперь отдайте нам то, чего мы хотим.

Рохеса изменилась первой. Рева с трепетом наблюдала, как она превратилась в черную пантеру и бросилась на самого высокого вора. Ее переход был медленным, но она его сделала, и это вселило в Реву надежду. Она искала в себе чешую, но прежде чем она успела измениться, чья-то рука зажала ей рот, другая рука схватила ее за талию, и ее потянули прочь. Она брыкалась, пыталась кричать сквозь пальцы нападавшего. Перед ней Лотти и Рохеса сражались с ворами, Лотти посылала струи воды в неряшливых мужчин, а Рохеса била их мощными лапами. Затем Эмилия превратилась в гигантскую черную ворону, взлетела в воздух и начала атаковать воров клювом и когтями. Только Карина стояла в центре в своем облике, с кинжалом в руке. Она ударила кинжалом в сторону невысокого толстого вора, пытавшегося схватить ее за запястье. Рева оттаскивала мощная сила, она направила свой взгляд на Карину, желая, чтобы ее подруга повернулась. Она молила Карину обернуться и увидеть, что ее там нет.

Но было слишком много хаоса. Женщины были слишком вовлечены в борьбу с ворами. Ее женщины. Ее подруги. Рева сосредоточилась на попытке превратиться в дракона, но когда она почувствовала, как чешуя появляется с дрожью на ее руках, ее швырнуло в камень, и мир погрузился во тьму.

11

КАРИНА

Карина не была ни драконом, ни пантерой, и она не могла управлять огромными струями воды, способными сбить человека с ног, поэтому, когда воры напали, Карина замерла. Да, она могла превратиться почти в любого человека в мире, но как это ей помогло бы? Как это сделало ее сильнее и быстрее? Под иллюзией она все еще была самой собой: Кариной — невысокой, легкой, как пучок сена, и далеко не мастером владения оружием.

Рохеса сражалась с главарем воров, Лотти билась с невысоким толстяком, а Эмилия, теперь уже большая ворона с ужасающими когтями, царапала и клевала вора, который казался самым молодым. Именно тогда двое мужчин поняли, что Карина стоит посреди битвы и ничего не делает, и пошли к ней. Карина повернулась туда, где должна была находиться Рева, чтобы крикнуть ей, чтобы она превратилась в дракона. Но Ревы там не было. Карина снова замерла. Где была Рева? Им нужен был дракон. Две сильные руки обвились вокруг нее, и мысли Карины заметались. Рева не оставила бы их посреди боя. Возможно, она убежала в лес, чтобы измениться, чтобы вернуться и отпугнуть воров, сохраняя при этом свою анонимность.

Карина боролась с вором, глядя в лес, надеясь и молясь, чтобы дракон вылетел оттуда, ее живот пылал. Вор поднял ее над землей и потащил назад. Карина закричала и попыталась использовать свой кинжал, хотя ее руки были прижаты к бокам. Но другой вор увидел ее и быстро выхватил кинжал из ее руки. Пантера Рохеса набросилась на мужчину с ее кинжалом, сбила его на землю. Пантера зарычала и ударила его когтями по лицу. Затем пантера повернулась к ней, и Карина увидела, как кошка оскалилась и зарычала.

Но по-прежнему вор крепко держал Карину. Рохеса шагнула к ним, мужчина потянул Карину назад, ее черная шерсть блестела в свете заката. Карина начала потеть, наблюдая за мощными мышцами пантеры под гладкой шерстью. Несмотря на то, что Рохеса была ее подругой, она не была уверена, чего бояться больше: Рохесы или вора, держащего ее в заложниках. Если Рохеса набросится на вора, могла она промахнуться и убить ее? Она покачала головой, пытаясь сказать Рохесе, чтобы она не прыгала, но кошка, похоже, не слушала.

Когда Рохеса перенесла вес на задние лапы, готовясь к прыжку, Карина беспомощно наблюдала, как невысокий толстый вор, с которым сражалась Лотти, вышел из тени и взмахнул ножом. Пантера успела заметить вора вовремя, откатившись, так что нож едва зацепил ее сильную заднюю лапу. Но мужчине, державшему Карину, этого было достаточно, чтобы оттащить ее подальше от остальных, взять за плечи и развернуть лицом к себе.

— Давай посмотрим на тебя, — сказал он медленным и невнятным голосом.

Карина съежилась от его прогорклого дыхания, когда он притянул ее ближе к себе, впился в нее взглядом. Она отвернулась, стыдясь слез, которые потекли по ее щекам. Она была трусихой. Все остальные были сильными, а она была трусихой.

Нет.

Голос был тихим, но шел изнутри.

Ты вырвалась из Садов Аниоса. Ты помогла спасти многих молодых девушек от Сестер.

Но это было с Ревой.

Рева тоже нуждалась в твоей помощи.

Карина подняла голову и посмотрела на мужчину перед ней. Он был не так высок; быть может, на ладонь выше нее. Он был ненамного старше ее, возможно, чуть за двадцать. Он был пьян, поэтому его рефлексы не были такими быстрыми. Он не ел в последнее время. Она увидела его впалые скулы и темные круги вокруг глаз.

Он совсем не пугал.

Она запомнила каждую черту, каждый изъян и лопнувший сосуд, а потом воссоздала его вплоть до желтеющих зубов и торчащих бровей.

— Нравится то, что ты видишь? — спросила Карина.

Мужчина отпрыгнул от нее, указывая на нее дрожащим пальцем.

— Ты… демон.

— Это ты видишь в зеркале? — спросила Карина, рыча. — Не нравится? Не хочешь уже рассмотреть? — она шагнула к мужчине, все еще с его лицом, говоря его голосом.

— Прочь! — завопил мужчина. — Ланден, Дарро, уходим.

Карина подняла кулак и оскалилась.

— Эти женщины — демоны!

Другой мужчина вторил:

— Это того не стоит. Они того не стоят.

Карина смотрела, как воры побежали от них, некоторые держались за раненые руки, кровь текла между их пальцев. Она была взволнована. Она не была сильной, не могла превратиться в сильного зверя, но у нее было оружие. Она рассмеялась, согнулась и подняла кинжал с земли.

— Пожалуйста, измени облик, — попросила Лотти. — Это лицо жуткое.

Карина стала собой и тряхнула длинными волосами.

— Так лучше, — она оглядела их группу, и восторг сменился тревогой. — Где Рева?

Рохеса в облике человека прошла к краю дороги и обратно.

— Куда она ушла?

— Кто-нибудь видел, чтобы один из воров ее забрал? — спросила Лотти.

Карина покачала головой.

— Думаю, все они убежали, но я не уверена. Кто-нибудь успел сосчитать, сколько их было?

— Пять, — сказала Рохеса.

— Я думала: шесть, — сказала Лотти.

— Я думала: пять, — сказала Эмилия.

— Тогда мы не знаем точно. Я не считала их, пока они убегали. Рева пропала во время боя. Она не оставила бы нас так, — сказала Карина.

— Точно, — согласилась Рохеса.

Эмилия поспешила к кому на дороге.

— Ее сумка. Когда ее забрали, сумка осталась. Может, заглянем?

— Как это поможет, если ее забрал один из воров? — сказала Лотти.

— Может, это не были воры, — ответила Эмилия. — Разве Рева не вела себя странно в последнее время? Она все оглядывалась, рассматривала толпу, словно ожидала, что ее могли преследовать.

Карина нахмурилась и переглянулась с Лотти.

— Ты это заметила?

— Да, — призналась Эмилия. — Но только из-за того, что я думала, как Рева изменилась с моего детства. Она стала осторожнее. А потом в деревне она казалась… — Эмилия пожала плечами. — Напуганной.

— Почему я не заметила? — буркнула Карина. — Открой ее сумку.

— Погодите, — Лотти подняла руку, мешая Эмилии открыть сумку. — Мы в опасности на Торговой дороге. Мы уставшие, голодные и в синяках от боя. Мы должны сначала найти укрытие.

— Но Рева может быть близко, — возразила Карина. — Нужно следовать за ней, иначе мы потеряем ее след за ночь.

— Да, пожалуй, ты права, — призналась Лотти. — Давайте быстро это обдумаем. Помните, мы шли на юг. Воры смотрели на север.

— Верно, — сказала Карина.

— Значит, мы бы заметили Реву, если бы ее схватили и потащили на юг, ты так не думаешь? На севере есть лес, недалеко от дороги. Бьюсь об заклад, она ее забрали туда. Рохеса, ты можешь по запаху выследить ее, как пантера?

— Да, я охочусь, как и любая другая кошка, — ответила Рохеса. — Но мое тело слабое. Я не думаю, что смогу снова изменить облик сегодня.

— Мы пойдем в лес, — сказала Лотти. — До ночи осталось немного света. Найдем

ягоды, дрова для костра и ручей. Потом проверим сумку Ревы.

Карина согласилась, радуясь, что у Лотти была голова на плечах. Карина уже начала так сильно паниковать, что не могла ясно мыслить. Пока они шли в лес в свете заходящего солнца, Карина не могла перестать думать о том, что сказала Эмилия. Неужели Рева действительно была настороженной и испуганной? Если она боялась, что кто-то преследует ее, почему она не рассказала Карине о своих опасениях? Карина не могла не чувствовать себя обиженной. Рева была ей как сестра, и она отвечала тем же. И все же она хранила тайну — большую тайну.

Лес был редким, холодным и неприветливым, но женщинам удалось насобирать достаточно сухих веток, чтобы разжечь огонь. Рохеса даже поймала белку, которую они зажарили на костре и поделили между собой. Карине все время не терпелось открыть сумку Ревы и узнать, нет ли еще каких-нибудь секретов. Они искали следы в лесу, но свет уже тускнел, и разглядеть было нечего. Рохесе нужно было отдохнуть, прежде чем она сможет выследить Реву по запаху. Хотя Карине это не нравилось, для них имело смысл сесть, поесть, а затем продолжить поиски, и ее урчащий желудок согласился.

Слизнув жир из пальцев, Карина потянулась к сумке Ревы и расстегнула ремешки. Она рылась в одежде, не зная, что ищет. Большую часть сумки заняли костюмы для выступлений в деревне, а также краски для лица и тела. Оставалось немного вяленого мяса, немного орехов и мешочек с монетами, которые Рева собирала для пути на лодке до Зантоса.

— Что-нибудь есть? — с нетерпением спросила Эмилия.

Карина вздохнула.

— Ничего.

— Ты проверила карман спереди? — сказала Эмилия.

Карина подняла сумку. В скудном лунном свете она не увидела маленький карман на передней части сумки. Ее решимость возродилась, она полезла в карман и поймала небольшой кусочек пергамента. Она вытащила записку и поспешила ближе к огню, чтобы лучше видеть.

— Что в ней? — спросила Лотти.

Карина открыла и закрыла рот, пытаясь понять, что она видела. А потом ответила:

— Там говорится: «Мы знаем, кто ты. Мы идем за тобой».

12

СЕРЕНА

Долгий подъем по ступенькам Всевидящей башни. Отец Серены был для нее загадочной фигурой, человеком, сыгравшим огромную роль в ее жизни, но никогда не подходившим на роль любящего отца. Он был для нее в большей степени королем, и она мало знала о нем. Но был один секрет, который она всегда знала. Она знала, что он регулярно посещал эту башню в течение многих лет.

Это была чистая случайность, что она обнаружила своего отца, подкрадывающегося к башне только с одним стражем. Ей было десять лет, худенькая девчушка бегала по замку с Матиасом. Они играли в прятки. Их стражи должны были наблюдать за ними, но Матиас знал о секретном проходе, которого не знали стражи ее отца. Они исчезли в дверном проеме и оказались у подножия ступенек, ведущих к Всевидящей башне. Вместе они взглянули на ступеньки и услышали голос отца.

Матиас хотел последовать пройти в башню, но Серена знала, что если они это сделают, пути назад уже не будет. Их поймают и накажут. Брат Аксил, несомненно, заставит их запоминать больше карт, и им больше никогда не позволят бродить по Крепости Несры.

Но Серена возвращалась к этому месту снова и снова. Много раз она слышала голос отца или видела его стражу у подножия лестницы. Она так и не узнала, зачем он ходил сюда, но, по крайней мере, почувствовала связь с его памятью, когда крутые ступени напрягли мышцы ее ног.

Серена была слишком осторожна, чтобы подняться на башню с Матиасом. Что он подумал бы о ней сейчас? Он, конечно, назвал бы ее дурой. Насколько она знала, она могла подниматься навстречу собственной смерти. С ней не было стража, который мог бы ее защитить. Она была одна. И она встречалась с мужчиной, который мог быть врагом, а мог и не быть. Это не было похоже на ту практичную и логичную Серену, которую знал и на которую жаловался ее брат; это была легкомысленная Серена, пытающаяся играть в политическую игру и, возможно, не сумевшая продержаться самостоятельно.

О, она была не в себе, она знала это. Она пыталась убедить себя в обратном, но знала это. О чем она думала, приходя сюда? Почему она не выбросила записку лорда Зимина и не вернулась к роли послушной сестры? Ее сердце начало быстро биться, когда она приблизилась к последнему лестничному пролету. Боги! Как ее отец ходил тут, особенно когда стал старше? Он приходил сюда перед смертью? Была ли причина, по которой он бросился с балкона? Серене не нравилось думать о смерти отца. Он всегда был слишком силен, чтобы сделать что-то подобное. Она не могла думать об этой слабости своего отца. Это был не он. Этого не могло быть.

Когда Серена подошла к двери в комнату на самом верху башни, она глубоко вдохнула. Это был момент истины. Это был риск. Сейчас или никогда.

«Я поднялась по ступенькам, Матиас. Это то, что вы бы сделали».

Она открыла дверь.

— Вы пришли. Я волновался, что вы этого не сделаете, — лорд Зимин улыбнулся ей, но в темной комнате она не могла видеть его глаз. Рядом с ним стоял высокий мужчина.

— Я пришла, — сказала Серена. — И я верю, что я в безопасности, учитывая, что я проявила доверие.

— Конечно, — сказал лорд Зимин. — Я не поэтому приглашаю вас сюда, моя дорогая

девочка.

Серена не могла расслабиться. Казалось, он говорил серьезно, но доверять человеку в Крепости Несры было так же глупо, как встретиться с ним наедине в темной комнате.

— Кто это с вами? — она указала подбородком на тень рядом с лордом Зимином.

Мужчина шагнул вперед, и лунный свет осветил его черты. Генерал Аренца, начальник городской стражи. Заместитель Стефана после брата Миккела.

— Я не узнала вас, генерал, — заметила Серена.

Аренца указал на свою мантию.

— Я решил, что моя броня может быть слишком заметной для такой встречи. Я благодарен, что вы решили встретиться с нами. Я понимаю, что это было не легким решением.

— Верно, — сказала Серена. — Я до сих пор не уверена, было ли это правильным решением. Я не знаю, кому вы верны.

— Вам, дорогая принцесса, — ответил господин Зимин.

— Против кого? — Серене нужно было услышать слова.

— Вашего брата, конечно, — сказал Зимин.

Серена молчала. Ее взгляд скользил по стенам комнаты, проверяя каждую тень и каждый уголок в поисках любопытных глаз и ушей.

— Никто нас тут не услышит, — сказал генерал Аренца. — Возможно, вы не знаете, но ваш отец много лет держал ведьму в этой комнате. Вы все еще можете увидеть ее следы на стенах.

Серена поискала в темноте и обнаружила кости и ветки на камнях. В этом месте стоял сырой запах, смешанный с оттенком смерти, словно застоявшаяся кровь просочилась в камни, и ее невозможно было смыть. Она боролась с приступом тошноты, пытаясь сосредоточиться на том, что происходило перед ней.

— Почему вы пригласили меня сюда? — сказала она.

— Мне нужно перейти к делу, Ваше Высочество. Пожалуйста, поверьте мне, когда я говорю, что рискую так же, как и вы. Мне опасно признаваться в этом вам, но это нужно сказать. Принцесса Серена, я предлагаю вам стать законной наследницей Эсталы. Вы достойны управлять королевством, а не ваш брат. Он болен и не слушает совета. Он слишком вовлечен в Орден Понимания, и мы обеспокоены его расходами, — лорд Зимин скрестил руки на выступающем животе.

— Но вы сидели на той встрече и соглашались со всем, что он сказал, — сказала Серена.

— Да, но только по необходимости, — ответил генерал Аренца. — Ваш брат уже убрал многих советников вашего отца из Крепости. Мы понимаем, что если мы выскажем свое несогласие, ваш брат прогонит нас и заменит людьми, которые действительно с ним согласятся.

— Скорее всего, еще Братьев, — сказала Серена. — Кажется, у Стефана бесконечный запас фанатиков из Ордена Понимания.

— Орден становится сильнее, — признал лорд Зимин. — Брат Миккел продолжает превращать хороших и чистых религиозных людей в жестоких головорезов. Это распространяется по всему городу и даже дальше, в сельские районы. Чума не помогает. Страх заставляет обычного человека вести себя необычным образом, особенно когда речь идет о религии. Ваш прапрапрадедушка обнаружил это, когда поклонники водной стихии

топили тысячи маленьких детей в жертву своему Богу.

— Я читала об этом, — сказала Серена. — Это назвали Морской Трагедией. Двести девушек из бедных деревень были собраны и сброшены в Море Королей. Это было во время худшей засухи в Эстале. Люди желали воды.

— Да, а теперь они хотят отпущения грехов. Они наказывают себя именем Аниоса в надежде, что не заболеют чумой. Но то, что вы сказали на заседании совета, верно. Этим людям нужно лекарство, а не двадцать ударов плетью, — лицо лорда Зимина вспыхнуло от страсти. — Я знаю больше, чем кто-либо в этой комнате. Моя дочь Мария умирает.

— Мои глубочайшие соболезнования вам, милорд. Я не знала, что она так больна, — Серена не очень хорошо знала жену своего брата, но была опечалена, услышав о ее состоянии. Она знала, что королева больна, но понятия не имела, как болезнь усилилась.

— Ваш брат тоже должен умереть, но Миккел, кажется, каким-то образом сохраняет ему жизнь, — сказал лорд Зимин.

— У него чума, — согласилась Серена. — Конечно, это означает, что нам нужно только выждать. Он не продержится дольше нескольких недель, — желание смерти ее брата казалось ей неправильным в глубине души, но лорд Зимин был прав насчет правления Стефана Эсталой. Пока Миккел был рядом, со Стефаном не выйдет спорить. Стефан никогда не был частью семьи; он всегда был отделен от других. Она не была уверена, как это произошло, но так было, и теперь она знала, что Стефан никогда не будет доверять ей и не будет слушать ее.

— Ах, с этим планом есть проблема, — сказал генерал Аренца. — Король Стефан поставил брата Миккела во главе королевской армии. У меня под контролем городская стража, что дает нам две тысячи человек. У брата Миккела больше десяти тысяч.

— Но, конечно, как наследница Стефана, я бы имела право на королевскую армию, — ответила Серена.

— Да, — сказал генерал Аренца. — Но мы не можем исключать верность Брату. Эти десять тысяч — сложное число. Более тысячи человек из армии умерли от чумы с момента ее вспышки, а потом еще более двух тысяч человек. Мы теряем людей из-за чумы, но они присоединяются толпами. А среди новобранцев много молодых людей. Теперь этих молодых людей кормят ложью о том, что менти вызвали эту болезнь, отвергнув Просвещенного Бога. Их превращают в верных поклонников Ордена.

— А Орден — это Брат Миккел. Он — главное лицо. Он набирает власть, — сказала Серена. — Он — наш истинный враг.

— Если мы убьем его, мы сделаем его мучеником. Если мы оставим его в живых, он будет контролировать столько людей, сколько пожелает.

Серена хотела сесть, но в комнате не было ничего, кроме грязного каменного пола. Вместо этого она отвернулась от двух мужчин и принялась расхаживать, пытаясь думать. Какие были варианты? Только один.

— Вы хотите воевать, — сказала Серена.

— Если мы сможем найти вашего брата и остальных повстанцев-менти, у нас появится шанс, — сказал генерал Аренца. — Мы не знаем, жив ли он и может ли он править, но мы знаем, что вы живы. Вы здесь и можете заручиться поддержкой лордов королевства. У каждого из них есть люди, которые могут бороться за дело. Затем, если мы найдем Луку, мы сможем собрать его людей, чтобы они присоединились к нам.

— Но мой отец воевал против менти. Что подумают простые жители Эсталы? — Серена

с трудом могла понять идею сражения вместе с менти. Ей это было странно. Они были врагом. Они всегда были врагами.

— Простым людям нужен справедливый король или королева. С этим может помочь только возвращение менти в Эсталу, — сказал лорд Зимин. — И нам понадобится помощь от Зантоса.

— Людям это не понравится, — со смехом сказала Серена. — Они думают о Зантосе с пренебрежением. Зантос — наш богатый сосед, бедняки легко превращают его во врага. Эстала уже много лет ненавидит Зантос.

— Да, — сказал генерал Аренца. — Но это может быть наш лучший способ помочь людям.

Серена провела пальцами по волосам.

— Я не могу… не могу позволить этому случиться. Война во время чумы? Слишком многие умрут. Я не могу этого допустить. У нас нет другого выбора, кроме как позволить Стефану умереть, а потом разобраться с последствиями. Если начнется война, так тому и быть.

— Принцесса, я думаю, вы ошибаетесь. Несомненно, будет много смертей, но, по крайней мере, так вы обеспечиваете жизнь и свободу многим грядущим поколениям. Брат Миккел хочет только власти. Его правление принесет жителям Эсталы сплошное страдание.

— Мы знаем это наверняка? — Серена снова начала ходить. — Можем ли мы сделать это, потому что мы выступим против религии, которая распространяется по земле так же быстро, как чума? Можем ли мы это оправдать?

— Людей порабощают, принцесса! Людей казнят! Люди сами себя наказывают, — взорвался господин Зимин. — Мы обязаны вмешаться.

— Мне нужно подумать об этом, — сказала Серена. — Я… я должна уйти и обдумать все это. Мы должны быть осторожны. Эта встреча и так была изменой, но начать получать поддержку от лордов Королевства — это точно измена.

— Я не остановлюсь, — сказал лорд Зимин. — Я продолжу ходить к лордам в Ирринтии, потому что считаю, что это правильно. Послушайте меня, принцесса. Моя дочь — королева. Зачем мне говорить эти вещи, если я не верю в них? Дело не в политике. Не во власти. Я мало что выиграю от всего этого. Дело в правильном и неправильном. На какой стороне вы хотите быть, принцесса? Верной? Или неправильной?

— Принцесса Серена, если позволите, я хотел бы задать еще один вопрос, — сказал генерал Аренца. — Как умер ваш отец? Он покончил с собой, и если да, то зачем? Или его вытолкнули из балконного окна? И если да, то кто больше всего выиграл от смерти вашего отца?

13

СТЕФАН

Никто не говорил ему, что быть королем так скучно. Были дни, когда он на самом деле получал больше удовольствия от вскрытия своих фурункулов, чем от подписания документов и выслушивания жалоб придворных. И все хотели денег. Одна только Гильдия Целителей потребовала пятьдесят тысяч софий. Вместо этого он послал многих Братьев на помощь Целителям, когда они боролись с всепоглощающей чумой. Несмотря на предупреждения и многочисленные жалобы, Стефан не ожидал, что чума распространится так быстро. Он не ожидал, что уже погибло столько людей.

Он ненавидел эту заразу. Он ненавидел, что все еще был болен и что, сколько бы раз брат Миккел ни втыкал горячую иглу в его фурункулы, и сколько бы он ни пил кровь казненных менти, он все равно ложился в постель, кашляя, дрожа и с температурой. Лихорадка мешала его разуму. Ночью ему снились драконы, летающие по Эстале и выпускающие огонь в облака. Это было нелепо. Он был единственным драконом. Он был королем — он заслужил быть драконом. Любой другой был бы самозванцем, он был в этом уверен.

Но эти лихорадочные сны говорили о другом. Он больше не чувствовал себя одиноким. И он не чувствовал себя уникальным и могущественным. Болезнь мешала ему превратиться в дракона, оставив его простым человеком. Простой человек, который был королем и не мог

расслабиться ни на одну секунду.

Стервятники кружили, это он знал. Они думали, что он умирает. Стефан не мог отдыхать ни мгновения. Фактически, он должен был присутствовать во всем, чтобы его доверенные «советники» не поверили, что его легко свергнуть. Он ходил на все собрания совета. Он собирал двор. Он появился на балконе Крепости Несры, чтобы произнести важную речь о том, как корона справляется с текущим кризисом. Он сделал все это при поддержке брата Миккела и его многочисленных настоек. Ночью зрение Стефана было затуманено, и он потел в своих простынях, но утром он вставал и заставлял себя бодрствовать и быть способным выполнять свои королевские обязанности.

Он должен был.

Когда Стефан получил корону, он принял несколько очень важных решений. Одним из таких решений было позволить брату Миккелу нанять нескольких братьев, чтобы они внимательно следили за каждым из его совета. Эти братья сообщили ему, что его старшая сестра Серена и его тесть, лорд Зимин, недавно встретились. Он не знал, сколько раз, но одного раза было достаточно, чтобы возникли подозрения.

Они составляли заговор против него, он знал это. Все они. Они увидели слабого короля и намеревались свергнуть его ради кого-то другого. Серена была наиболее вероятным кандидатом. Каролина была слишком молода; ни одна из жен Давэда не хотела бы такой задачи. Единственной другой альтернативой был бы его брат Лука, которого никто не видел после битвы. Кто угодно, только не Лука. Он мог драться с Сереной. Она была ему не ровня. Но Лука… В таком состоянии Лука мог убить его в одно мгновение. Лука с его отвратительными способностями менти. Он коснулся шрамов на лице, и они пылали.

Стефан раздевался перед сном, когда один из мальчиков-слуг ворвался в его комнату. Стефан хотел отругать его за дерзость, но выражение лица мальчика заставило его задуматься. Он был бледен, пот блестел на верхней губе.

— Что такое? — спросил Стефан.

— Леди Мария, — ответил мальчик. — Вам лучше поскорее пойти.

— Приведи брата Миккела, — сообщил мальчику Стефан.

Леди Зимин спала в своих покоях с тех пор, как слегла, когда чума обострилась. Тоники брата Миккела не действовали на нее. Стефан не знал почему, но предположил, что она была хрупкой женщиной, а не королем-драконом.

Его жена казалась меньше, когда он вошел в комнату. Она тонула в центре большой кровати с балдахином, а шкуры были нагромождены поверх ее крошечного тела. Несмотря на то, что жаровня горела, и в комнате было почти неприятно тепло, Мария дрожала так сильно, что у нее стучали зубы. На ее нижней губе была кровь. Стефан обошел ее, чтобы вытереть кровь рукавом, игнорируя то, как она отпрянула от него.

— Моя любовь, — сказал он. — Моя бедная, милая жена. Ты сильно страдаешь.

— Т-ты сделал это со мной, — сказала она.

Стефан нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Т-ты вызвал у меня эту б-болезнь. Т-ты был первым. Это все и-из-за тебя.

Выражение лица Стефана стало жестче. Он не мог поверить, что она говорила ему такие вещи.

— Менти начали эту чуму. Я знаю, лихорадка сводит тебя с ума, но все же.

— Н-нет. Ты принес эту чуму из Зантоса. Т-ты был п-первым. Т-ты должен у-у-умирать,

а не я, — Мария отвернулась от него.

Брат Миккел вошел в комнату, а Стефан стоял, пошатываясь от слов жены. Как она могла быть такой жестокой? Что он сделал, чтобы она так его ненавидела? Он сжимал и разжимал кулаки, обдумывая то, что она сказала. Он не вернулся в Эсталу с чумой; он заразился чумой от какого-то придурка-придворного. Он вернулся всего лишь с простудой, какой-то аллергической реакцией на проклятую змею, укусившую его за большой палец. Он почти потерял большой палец. Он посмотрел на него сейчас, все еще опухший, все еще красный, под перчаткой, которую он всегда носил. Его жена, к сожалению, говорила чушь из-за лихорадки.

Он отошел, когда Миккел начал давать лекарство. Бедняжка Мария стала игольницей для большой иглы Миккела. Затем ей дали еще тоника и подложили подушки. Ее голова склонилась набок, а дыхание стало хриплым.

Брат Миккел нахмурился, и Стефан начал волноваться. Его старейший советник не собирался допустить, чтобы его жена умерла, верно?

Дыхание Марии с хрипом вырывалось из ее полой груди, воздух царапал ее изнутри. Стефан зажал уши руками, чтобы не слышать звук. Он не мог этого вынести. Он даже задержался у подушки, его пальцы жаждали положить конец ее страданиям. Вместо этого он отпустил уши и взял ее за руку. Она уже покинула свое тело. Ее глаза были закрыты, и, несмотря на то, что она еще дышала, Стефан знал, что от женщины, на которой он женился, мало что осталось.

Она сделала последний вздох через несколько мгновений после того, как лорд Зимин ворвался в комнату. Стефан даже не поднял головы, чтобы поприветствовать мужчину. Он уставился на безжизненную руку в своей собственной, а затем уронил мертвую руку на кровать.

— О, моя милая дочка.

Стефан отвернулся, когда лорд Зимин начал плакать над телом своего ребенка. Это был неприятный, интимный момент слабости, которого Стефан не хотел видеть. Он прошел в другой конец комнаты и сел у туалетного столика Марии. Его пальцы прошлись по заостренным краям ее гребня и по ленточкам, привязанным к декоративной подставке для драгоценностей в форме дерева. Они развевались, как флаги на ветру.

— Нам нужно будет найти вам новую жену, Ваше Величество, — сказал брат Миккел.

— Тебе нет дела ни до меня, ни до Марии, — сказал Стефан. — Все, что тебя волнует, — это наследник. Это безопаснее, да? Если у меня будет сын? Таким образом, моей сестре будет труднее претендовать на трон, когда я умру. Тебе все еще нужно беспокоиться о Луке, брат. Не забывай его.

— Вы не умрете, мой король. Я позабочусь об этом.

— Как позаботился о том, чтобы моя жена не умерла? — Стефан рассмеялся так же хрипло, как дышала в конце Мария. — Получилось плохо.

Стефан устал, ему было плохо. Голова, казалось, была сделана из свинца, давила на шею, он хотел рухнуть на землю и больше не вставать. Он вздохнул, не желая ничего, кроме как лечь в постель и очень долго спать.

— Вы король, — сказал брат Миккел, приподняв брови. — Вы не умрете.

Стефан взглянул на лорда Зимина, который все еще склонялся над телом дочери и плакал. Стефан сначала полагал, что лорд Зимин будет ему верен. По правде говоря, Стефан считал этого человека слишком глупым, чтобы не быть ему верным, тем более что король

Давэд устроил брак между Стефаном и Марией. Конечно, его отец не устроил бы женитьбу, если бы думал, что лорд отвернется от его сына? Но, возможно, отец Стефана не осознавал, что так скоро умрет. Возможно, он думал, что успеет обеспечить верность Зимина.

Какой бы ни была причина, Стефан знал, что должен быть осторожен. Зимин, его сестра Серена и Аниос знает, кто еще, кружили, как стервятники, из-за его болезни. Стефан не зря столкнул отца с балконного окна. Он боролся за корону и намеревался сохранить ее.

— Найди мне жену, — сказал Стефан. — Но сначала найди двух мужей, по одному на каждую из моих сестер.

Брат Миккел улыбнулся.

14
РЕВА

Ветки кустов царапали кожу Ревы, пока ее тащили через лес так быстро, что ее ноги ехали по земле, пока отчаянно пыталась не отставать от напавшего. Она кричала, но ее вопли потонули в шуме боя на Торговой дороге, и вскоре они уже были слишком далеко от дороги, чтобы ее подруги могли ее услышать.

Рева испугалась. Она боялась больше, чем когда-либо раньше. Что этот человек собирался с ней сделать? Все ее тело похолодело от страха; он даже проник в ее кости и легкие. Каждая часть ее тела была холодной, кроме талии, где руки мужчины обвили ее, придавив ее руки. Будут синяки, она была в этом уверена.

Ее ноги спотыкались об землю, она решила прекратить попытки бороться с ним и позволила себе свободно повиснуть в его руках. Было ясно, что она не в состоянии вырваться из его хватки, и, по крайней мере, теперь она могла сохранить энергию для удобного момента, чтобы сбежать.

И тут она почувствовала губы у своего уха.

— Не волнуйся. Я не собираюсь причинять тебе боль.

Голос оказался мягче и моложе, чем она ожидала. Может, ее похитителем был мальчик? Рева знала, что она была легкой как перышко после нескольких недель выживания на скудном питании. Она знала, что без сил дракона она была слаба, как ребенок. Некоторые парни из деревень были высокими и широкоплечими из-за труда на фермах. Они могли бы поднять ее и бросить, если бы хотели. Она не могла с ними сравниться.

Но она не видела мальчика среди воров. Значит, этот мальчик был кем-то совсем другим? Или он стоял позади нее, ожидая возможности украсть ее, чтобы потом присоединиться к остальным?

— Кто ты? — выдохнула она.

Ответа не было, но его темп замедлился. Либо он устал, либо был близок к намеченной цели.

— Я сожалею, что мне пришлось это сделать, — сказал он, избегая ее вопроса.

Он остановился, и Рева вскинула голову, озираясь. Они все еще были в лесу, укрывшись в густой рощице. Она знала, что они ушли довольно далеко от дороги, потому что почти не было света от заходящего солнца, проникающего сквозь деревья. Похититель толкнул ее на лесную подстилку — не силой, но решительно. Наконец, она посмотрела на нападавшего и резко вдохнула.

Это был мальчик из деревни, тот самый, который смотрел на нее, когда они уходили. Он был высоким и широким, как она и подозревала, но в его карих глазах была юность, а лицо было слегка округлое. Он был ее возраста, она видела это, ему было не больше семнадцати лет.

— Чего ты хочешь от меня? — Рева смотрела на мальчика, стоявшего над ней.

— Я хочу накормить тебя для начала, — сказал он. Уголки его губ изогнулись в усмешке, но Рева не думала, что в этом есть что-то смешное. Она была похищена.

Он полез в свою кожаную сумку и вытащил яблоко, которое затем протянул Реве в качестве подношения. В животе у нее заурчало, рот наполнился слюной, но она отвернулась. Мальчик пожал плечами и откусил яблоко, сок потек по его подбородку. Увидев это, Рева протянула руку и вырвала яблоко из его рук, прежде чем съесть за пять укусов. Усмешка мальчика стала шире, и она ненавидела его каждой частью своей души.

Когда она закончила, она вытерла рот тыльной стороной ладони и угрюмо села на

землю, думая о том, как бы сбежать. Ей нужно было время, чтобы взять себя в руки, прежде чем она найдет силы, чтобы уйти от мальчика. Он был больше, сильнее и, возможно, быстрее. Но в ее распоряжении было одно оружие, и она должна быть уверена, что сможет им воспользоваться. Прямо сейчас она сомневалась, что ее тело выдержит превращение в дракона. Ей просто нужно было мгновение.

— У тебя есть еще? — спросила она.

Мальчик бросил ей второе яблоко, а потом бурдюк. Она жадно пила из фляги, прежде чем протянуть руку за добавкой.

Мальчик только улыбнулся.

— Боюсь, это все.

— Тогда тебе придется ответить на мои вопросы, — сказал Рева. — Кто ты и почему забрал меня у моих подруг?

— Кто-то может сказать, что я спас тебя от бандитов на дороге.

Рева нахмурилась.

— Мы собирались драться. Ты лишил моих подруг… — она остановилась, понимая, что была близка к тому, чтобы выболтать свой секрет.

— Чего? — спросил он, его карие глаза мерцали.

— Ничего.

Она заметила, что поверх туники он носил кожаную куртку, а его ботинки, хотя и поношенные, были хорошо сшиты. Кем бы ни был этот мальчик, он не был беден.

— Это ты оставил мне записку? — спросила она.

Это заставило мальчика задуматься. Он опустился на землю, сел рядом с ней и положил руку на приподнятое колено.

— Это ты, — сказала Рева. — Ты следил за мной, да? Как долго ты следишь за мной и чего хочешь от меня? — она подошла ближе к нему, встав на колени с поднятыми руками. — Скажи мне!

Он оттолкнул ее от себя, заставив сесть на место.

— Я пока не могу тебе сказать. Мне нужно отвести тебя куда-то, но ты не можешь биться со мной всю дорогу. Пожалуйста, просто делай то, что я говорю, и тебе не будет больно. Меня зовут Сэм. Вот. Теперь ты знаешь мое имя. Я ответил на один из твоих вопросов.

— Я спросила, кто ты, а не как тебя зовут, — сказал Рева. — Мне плевать на твое имя, но я хотела бы знать, почему ты утаскиваешь девушек в лес. Ты вор? Насильник?

— Я не насильник! — сказал он, широко раскрыв рот.

Рева действовала быстро, пока он был удивлен. Она вскочила и побежала по лесу, не обращая внимания на то, куда она направляется. Она пробивалась сквозь деревья, ища открытое пространство. Ей нужно было место, если она собиралась превратиться в дракона.

Наконец, деревья расступились, и ее руки больше не били низкие ветки и кусты. Она открылась и почувствовала, как рвется ее одежда. Позади нее раздался крик, но она не обратила внимания, она сосредоточилась на ощущении, как чешуя тянется по ее рукам, она сосредоточилась на огне, разгорающемся в ее животе. И она почувствовала, как крылья отрывают ее ноги от земли. К тому времени, как она оказалась в воздухе, она превратилась полностью в дракона с когтями и зубами, парящего в темнеющем небе, над которым мерцала луна. Она была свободна.

По крайней мере, так было до тех пор, пока она не услышала рев позади себя. Рева

заставила себя оглянуться, хотя и была уверена, что звук ей почудился. Но когда она оглянулась, то чуть не упала с неба от шока. Более крупный, яркий, грозный дракон с легкостью летел по небу, пикировал под ней, а затем поднялся перед ней и заставил ее отпрянуть. У него была зеленая кожа с чешуей, которая сияла синим, когда на нее падал свет заходящего солнца. Он был красив, но хотя она благоговела перед ним, он пытался похитить ее, и ей нужно было бежать.

— Не делай этого, — крикнул дракон. Хотя он говорил на языке, которого она никогда раньше не слышала, она поняла его. — Я сильнее тебя. Ты не уйдешь от меня и не победишь меня в битве.

Рева попыталась нырнуть влево и улететь, но дракон Сэм оказался быстрее и подрезал ее. Рева поднялась над ним, но ее крылья были не такими сильными, и он с легкостью последовал за ней. Она ударила его когтями, но он оттолкнул ее когтистые лапы от себя, не теряя равновесия. Наконец, она выпустила в его сторону мощную струю пламени, но Сэм с легкостью уклонился от пламени.

Пока Сэм уклонялся, Рева изо всех сил захлопала крыльями и как можно быстрее полетела прочь от него. Вскоре Сэм оказался за ней. Она почувствовала рывок сзади и взревела, зубы Сэма вцепились ей в хвост. Она боролась с ним, но он был силен и тянул ее назад. Рева попыталась вырваться из хватки дракона, не обращая внимания на боль, пока его зубы впивались все глубже и глубже. В конце концов, Сэм отпустил ее, и она бросилась прочь.

Он взлетел рядом с ней.

— Прекрати это! Я не хочу причинить тебе вред. Позволь мне поговорить с тобой.

— Ты не говорил мне, что ты дракон, — крикнула она в ответ. — Ты похититель и дракон. Отстань от меня!

— Пожалуйста, Рева, — умолял он.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросила она.

— Я слышал, как одна из твоих подруг звала тебя по имени, — сказал он.

Рева покачала головой и захлопала крыльями так быстро, как только могла. На этот раз, когда Сэм попытался схватить ее зубами, она махнула хвостом и ударила его по носу. Сэм в гневе выпустил струю оранжевого пламени, прежде чем догнал ее. Рева полетела вправо, врезавшись в него. Столкновение стоило ей столько же, сколько и ему. Она взревела от боли и попыталась восстановить равновесие, но повредила крыло. Она запаниковала, когда поняла, что у нее больше нет энергии, чтобы держаться в небе. Вскоре она понеслась к земле, пытаясь ухватиться за воздух. Ее крылья бесполезно хлопали, далеко не так быстро, как ей нужно было. У Ревы кончилась энергия, и ее тело начало меняться. Она почувствовала, как чешуя отступает, а крылья сжимаются.

«НЕТ», — подумала она, пытаясь заставить себя остаться в форме дракона. По крайней мере, твердая чешуя смягчит падение лучше, чем ее мягкая человеческая плоть.

Сэм яростно устремился за ней. Когда Рева увидела темные очертания деревьев с раскинувшейся перед ней темно-синей травой, Сэм снова поймал ее за хвост. Она чувствовала, как он пытается поднять ее обратно в небо, но ее тело билось в конвульсиях, пытаясь снова превратиться в девушку. Челюсти Сэма разжались, и она полетела к земле. Ему удалось только смягчить ее падение, когда она врезалась в поле, полудракон-полудевушка, все ее тело болело. Она попыталась заговорить, но не могла, она могла только попытаться вдохнуть, когда Сэм приземлился на землю рядом с ней, все еще в форме

дракона, глядя на нее, когда она превратилась в простую девушку.

— Ты… лжец, — прошептала она.

Дракон начал превращаться в мальчика, а затем мир померк для Ревы Авалон.

15

ЛУКА

Крылья дракона раскинулись за головой лысого человека, с костяными когтями на сгибах крыльев. Это зрелище заставило Луку содрогнуться, но он знал, что это было не настоящим. Это была красочная мозаика, выложенная плиткой на стене зала Золотого Совета, с двумя яркими сапфирами вместо глаз дракона. Эти глаза смотрели на Луку почти с вызовом, мешая сосредоточиться на совете и словах, которые они произносили.

— Принц Лука, вы уже встречались со мной, — сказал лорд Тиниан. — Но позвольте мне представить вас остальным членам Золотого Совета. Лорд Ризик, второй советник Зантоса и лорд финансов.

— Рад познакомиться с вами, ваше величество, — лорд Ризик был лысым мужчиной под драконом. Он был невысоким мужчиной с кожей такой же коричневой, как и его глаза, и гибким телосложением. Лука видел форму его бицепсов под розовой мантией.

— И я, лорд Ризик, — сказал Лука с искренней, как он надеялся, улыбкой.

— Лорд Озда, лорд Золотого Берега и третий советник Зантоса, — лорд Тиниан указал на высокого мужчину, глаза которого занимали почти все его узкое лицо.

— Ваше Величество, — сказал лорд Озда, слегка склонив голову.

— Рад познакомиться с вами, лорд Озда, — сказал Лука, слегка поклонившись в ответ.

— Лорд Нирро, четвертый советник Зантоса и лорд сельской земли.

— Ваше Величество, — лорд Нирро был таким же широким, как и Озда, с потными темными волосами, спускавшимися до шеи. Он часто ерзал на месте, и каждый раз стул стонал, будто вот-вот мог сломаться.

— Лорд Нирро, с удовольствием, — сказал Лука, сомневаясь, что запомнит хотя бы одно из этих имен.

— И, наконец, лорд Рамсиран, пятый советник Зантоса и лорд путешествий и торговли.

Последний мужчина был ниже остальных на ширину ладони, был лысым, как Лорд Ризик, и у него были сухие потрескавшиеся губы, отчего Луке захотелось выпить чашку воды.

— Приятно познакомиться с вами, ваше величество. Недавно я встретил вашего брата принца Стефана. Боюсь, это было в плохих обстоятельствах.

— О? — Лука заинтересовался. — Как так?

— Ваш брат весьма усердно искал вас, Ваше Величество. Я одобрил его просьбу, хотя мне стыдно признаться в этом.

Вот как Стефану удалось найти безопасный проход через Зантос. Он пошел в Золотой Совет, или, возможно, его отец. Это был тревожный поворот событий. Лука взглянул на кандалы на запястьях. Будто они не были достаточным напоминанием о том, что он не может доверять Золотому Совету, теперь он услышал от них, что они уже работали с его братом.

— Что мой брат предложил взамен? — спросил Лука. Отношения между Зантосом и Эсталой были напряженными, каждое десятилетие или около того они были на грани войны. Лука не был экспертом в дипломатических отношениях, но он знал, что принцу Эсталы придется предложить сделку, чтобы получить полную свободу действий в стране.

— Мы заключили сделку, которая принесет Зантосу большую пользу в торговле между нашими двумя странами. Но становится ясно, что ваш брат не собирается выполнять свою часть сделки. Многих наших торговцев возвращают в Королевский порт и говорят, что они не могут продавать свои товары. Некоторых арестовали и отправили в Крепость Несры. На наших кораблях ищут менти и сжигают со всем товаром. Ваше Величество, это военные действия, — лорд Рамсиран умоляюще протянул руки.

— Чума, — напомнил Лука лорду. — Возможно, сейчас не время продвигать путешествия и торговлю между Зантосом и Эсталой.

Лорд откинулся на спинку стула.

— Значит, вы согласны со Стефаном Змеем? Тиниан, ты сказал мне, что этот был другим.

— Я не согласен с моим братом, — сказал Лука. — Но вы должны понимать, что это безумие — развивать торговлю между двумя странами посреди эпидемии чумы. Сейчас не время торговать специями в Реялоне.

— Мы не продаем специи! — взорвался лорд. — Мы посылаем лекарства *от чумы*. Хотя нам еще предстоит найти лекарство, нам удалось создать различные тонизирующие средства, которые контролируют симптомы и облегчают страдания. А ваш брат посылает нам эти корабли в огне.

— Вы посылаете лекарства? — Лука был ошеломлен. Конечно, даже его брат не был настолько идиотом, чтобы сжигать лекарства, которые могли бы помочь его народу.

— Боюсь, что да, Ваше Величество, — ответил лорд Тиниан.

— Зачем Стефану это делать? В ущерб собственному народу? — Лука покачал головой.

— Наши источники говорят, что король Стефан вкладывает деньги в новые храмы для Ордена Понимания, — объявил лорд Тиниан.

— Что? — желудок Луки рухнул. Его брат был не в себе сильнее, чем он думал. Брат Миккел явно повлиял на Стефана в этом решении, но любой взрослый мужчина мог понять, что глупо отказываться от проверенных лекарств в пользу дорогих храмов. Брат Аксил был бы в ярости из-за такой перемены в образе Просвещенных. — Боюсь, мой брат находится под злым влиянием члена Ордена. Стефан слаб, и его легко вести. Это хуже, чем я мог себе представить, — Лука покачал головой. — Ничего из этого не должно было произойти. Мой отец должен быть жив. Матиас должен быть наследником. Если бы я никогда… — Лука

резко поднял взгляд, поняв, что позволил себе открыть больше.

— Все в порядке, ваше величество, — сказал лорд Тиниан. — До нас дошли слухи о вашем старшем брате Матиасе. Мы благосклонно относились к нему. Он всегда был готов работать с нами и всегда выполнял обещания. Была ли причина, по которой вы убили его?

— Это было случайно, — сказал Лука. — Я внезапно обрел свои силы менти, и он встал у меня на пути.

— У меня был двоюродный брат-менти, — сказал лорд Тиниан. — Маг воды. Он утопил свою мать, когда силы открылись, — лорд Тиниан наклонился к Луке. — Есть причина, по которой объявление менти вне закона было ошибкой в Эстале и Зантосе. Те, кого этому не учат родители, бабушки и дедушки, плохо переносят открытие. Я всегда так думал, хотя мое мнение не пользовалось особой популярностью.

Лорд Нирро хмыкнул, его стул скрипнул. Лорд Тиниан закатил глаза.

— Кроме этого, — сказал Лука. — Я не понимаю, что вы хотите, чтобы я сделал с моим братом. Я в Зантосе, в надетых тобой кандалах. Мой брат — король Эсталы, и у него есть армия. Он не откажется от престола легко.

— Вам нужно знать еще кое-что, — сказал лорд Тиниан. — Наши источники сообщают нам, что король Стефан болен. У него проявляются симптомы чумы с тех пор, как он вернулся в ваше королевство. На самом деле, он даже чихал во время своей коронации.

— Вы уверены? — спросил Лука.

— Это говорят наши источники.

— Но чума неизлечима, — Лука на мгновение замолчал. На сердце у него было тяжело из-за судьбы брата, но было и облегчение. — Тогда нам нужно подождать, пока он не умрет.

— Нет, если только мы не хотим, чтобы Орден Понимания захватил трон. Брат Миккел — самый влиятельный человек в Эстале. Но мы не без сил. В Зантосе много хороших бойцов. Вы видели их в действии. Я хочу предложить вам этих людей, чтобы избавить Эсталу от правления вашего брата и одновременно уничтожить Орден Понимания, — лорд Тиниан резко замолчал и взглянул на лорда Озду.

Что-то он не говорил, в этом Лука был уверен. Что Золотой Совет скрывал от него? Он сузил глаза и осмотрел каждого из лордов. Он не мог доверять им, насколько он знал, но они предлагали ему все, что он хотел для повстанцев-менти. Он хотел денег и хотел больше бойцов. Если бы он решил работать с ними, у него было бы все это.

— Где Джеральдо и остальные? — спросил Лука.

— Они устроились удобно и в безопасности, — ответил лорд Тиниан. — Мы позаботились о том, чтобы их накормили, напоили и одели. Вы можете быть уверены, что мы хорошо о них позаботимся.

Лука посмотрел на дракона.

— Странно, что у вас на стене дворца изображен дракон. Насколько мне известно, короли-драконы когда-либо правили только в Эстале.

— Вы правы, Ваш Величество, они тут не правили. Но это не значит, что у нас в Зантосе никогда не было драконов. Короли-драконы были не единственными менти, которые могли становиться драконами, — сказал лорд Тиниан.

— Это так? — спросил Лука.

— Да.

— Вы проверяли воздействие чумы на менти? — спросил Лука. — Например, как справляются менти со способностью превращаться в больших зверей?

— Мы не тестировали чуму на больных менти. Но я знаю, что менти, как правило, сильнее и устойчивее к болезням. У них не будет иммунитета, но есть большая вероятность, что они будут жить с симптомами в течение более длительного периода времени, — ответил лорд Тиниан.

— Если менти обладают более сильным сопротивлением чуме и могут жить дольше, значит ли это, что у них больше шансов на излечение, чем у обычного человека? — спросил Лука.

— Да, я бы так сказал, — лорд Тиниан переглянулся с другими членами Золотого Совета. — Почему вы задаете эти вопросы, ваше величество?

— Мозаика дракона позади вас. Я видел такого своими глазами. Он не был на стене или плитке пола дворца, это был настоящий дракон, вздымающийся на пепельном фоне Долины Теней. Когда мой брат атаковал со своими людьми, мы долго и упорно сражались с хорошими солдатами. Мы использовали все силы, которые у нас были, и это истощило нас. И затем, в самом конце, я столкнулся со своим братом, чтобы положить конец битве. Именно тогда он превратился в свое истинное «я».

Лорд Тиниан наклонился вперед.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что мой брат — последний из королей драконов. Он дракон, менти-оборотень, и он король Эсталы. Этот бой не будет легким. Потери будут с обеих сторон. Мой брат может страдать от чумы, но мы не можем игнорировать тот факт, что он дракон. Если есть что-то, что вы мне не говорите, сейчас самое время открыть это.

Лорд Тиниан еще раз взглянул на свой совет. Он пожал плечами и, наконец, ответил.

— Ваша старшая сестра Серена немного общалась с советом.

— Что это значит? — спросил Лука.

— Это значит, что она друг совета.

Лука издал тихий смешок.

— Итак, у вас моя сестра и я. Если один потерпит неудачу, возможно, вы сможете посадить на трон другого. В любом случае вы выиграете — у вас есть король или королева Эсталы, которые будут выполнять ваши приказы. Что ж, это очень умно.

— У нас есть казна и люди для этой битвы, — холодно ответил лорд Тиниан. — Мы заслужили право на дружеские отношения с правителем Эсталы.

Лука потер подбородок и обдумал предложение Золотого Совета. Затем он поднял запястья.

— Я хочу, чтобы с моих запястий сняли эти кандалы. Я хочу, чтобы у моих друзей не было кандалов, и они могли бродить по замку и уходить, если захотят. Тогда я буду работать с вами, чтобы свергнуть моего брата и освободить Эсталу из тисков Ордена Понимания.

16

СЕРЕНА

В дни, последовавшие за встречей с лордом Зиминым и генералом Аренцой, Серена

большую часть времени проводила в своих покоях, обдумывая их разговор. Сколько бы она ни думала о словах лорда Зимина, она все равно возвращалась к той же проблеме — если она согласится помочь свергнуть Стефана и Орден Понимания, многие люди в Эстале погибнут. Все солдаты, отчаянно идущие в армию, чтобы заработать деньги для своих больных членов семьи, окажутся в опасности. Многих зарежут, как свиней на ферме. Сможет ли она жить с грузом их смертей на своих плечах? Но сколько бы книг по истории она ни читала, она не могла найти альтернативного решения войне. Все всегда, казалось, вело к войне.

Ни один король не был свергнут со времен королей-драконов. Были войны, но они всегда были против менти. Теперь она подумывала объединить силы с менти и даже предоставить им привилегии, если они будут сражаться с ней. Она была сумасшедшей? Она смотрела на свой гобелен и вспоминала времена, когда она подумывала о том, чтобы войти в Сестринство, чтобы стать одной из Просвещенных. Могла ли она отвернуться от своей религии? Или менти могли жить рядом с ними в мире? Скольким она могла бы пожертвовать и при этом спокойно спать по ночам?

Ее отец ненавидел колдовство менти, и в детстве Серена думала, что его слово правдивее, чем чье-либо. Она ловила каждое из этих слов, веря, что ее отец был величайшим человеком, который когда-либо жил. Величайший король. Но, повзрослев, она поняла, что это не так. Для нее, как и для всех, было поразительным осознание того, что ее родители не знают всех ответов и могут ошибаться.

И теперь она всем сердцем верила, что ее брат убил ее отца. Стефан был убийцей, совершившим отцеубийство и цареубийство в одном гнусном преступлении. Конечно, он вытолкнул их отца из балконного окна. Почему она не поняла этого раньше? Как ему это сошло с рук? Страх. Вокруг Стефана был Орден Понимания, словно защитный огненный плащ, который обжигает любого, кто приближается.

«Отец, прости меня», — подумала она. Она не могла вынести того, что считала его таким слабым. Он не был великим человеком, но он был ее отцом и до самого конца заслуживал ее доверия.

Дверь ее комнаты распахнулась, и вошла Априла с длинным бумажным пакетом.

— Что это такое? — спросила Серена, вставая из-за стола.

Априла переместилась за ширму, которая разделяла комнаты Серены на ее спальню и комнату для чтения. Она положила сверток на край кровати и потянула за веревку, чтобы открыть его.

— Это подарок короля Стефана, ваше высочество, — сказала она. — Я не знаю, что это может быть, но это похоже на одежду.

Серена подошла ближе, когда сверток открылся, и внутри оказалось тёмно-бордовое платье. Оно было сделано из тонкого шелка, скорее всего, привезенного из Зантоса, с вышивкой золотыми нитями и жемчугом вдоль корсажа и юбки. Серена приподняла платье, чтобы лучше рассмотреть.

— О, это прекрасно, Ваше Высочество. Они похожи на звезды, не так ли?

Серена провела пальцем по выпуклостям жемчужин. Они действительно были похожи на звезды, точно так же, как ее гобелен со звездами. Цвет был бы идеальным на фоне ее загорелой кожи и каштановых волос. Это было действительно красивое платье, но что оно означало?

Пока Серена любовалась платьем, она услышала, как распахнулась ее дверь, и обошла ширму, чтобы встретиться лицом к лицу с незваным гостем. В нее полетел сверток зеленого

шелка.

— Что это? — спросил тихий, но яростный голос. — Неужели он хочет щеголять мной, как чистокровной кобылкой? Тебе тоже принесли?

— Каролина, ты можешь успокоиться на минутку? Дай мне подумать, — Серена подняла с пола зеленое шелковое платье и осмотрела его. Платье было короче и тоньше в талии, идеально подошло Каролине, и было вышито оленями и волками, двумя животными, на которых Каролина любила охотиться.

Но ее тринадцатилетняя сестра вовсе не была в восторге от платья. Она ходила по покоям Серены, и с каждым шагом ее щеки становились все более красными.

— Ты читала записку? — спросила Каролина.

Априла поспешила вперед со сложенным пергаментом. Серена открыла его и прочла записку. Она должна была надеть платье и присоединиться к Стефану за ужином. Он хотел провести время со своими сестрами и думал, что этот подарок поможет восстановить мосты, которые они сожгли в прошлом.

Она положила письмо на стол и нахмурилась. Это было не похоже на Стефана. Он не дарил подарков и не угощал сестер ужинами. Большую часть времени он избегал их.

— Понимаешь теперь? — спросила Каролина. — Ты знаешь, что он делает?

— Да, кажется, знаю, — сказала Серена.

— И что мы будем с этим делать? — спросила Каролина.

Серена взяла со стола лист пергамента, окунула перо в баночку с чернилами и начала писать письмо. Это было не первое ее письмо с тех пор, как она познакомилась с лордом Зимином. Хотя она не приняла еще решений относительно Стефана и Ордена Понимания, она начала связываться с некоторыми лордами, проверяя их верность ее отцу и королю Стефану, надеясь, что кто-то проявит верность ей и ее отцу, а не ее брату. Но это письмо было другим. Это было для кого-то другого, и, возможно, это было ее последнее средство.

Но когда Серена услышала восклицание своего стража снаружи комнаты и услышала тяжелый стук в дверь, она поняла, что у нее нет времени. Она сунула письмо в ящик стола и отошла. Дверь открылась, и ее страж вошел первым.

— Человек короля Стефана, брат Дамоло, — объявил Като.

— Добро пожаловать, брат, — сказала Серена. — Что я могу сделать для вас в этот прекрасный день?

— Ваше Высочество, вы сегодня сияете. И, принцесса Каролина, вы тоже сияете.

— Заткнись, — ответила Каролина.

Брат отпрянул на шаг, явно потрясенный оскорблением Каролины. Его рот был открыт, напоминая Серене рыб в пруду на территории замка.

— Мы можем вам чем-нибудь помочь, брат? — спросила Серена, пытаясь сдержать смех в своем голосе.

— Король Стефан хотел бы, чтобы вы были с ним за ужином сегодня. Он попросил меня привести вас из любезности. Он подумал, что вы оценили бы компанию в пути.

— Он прислал охрану из любезности? — сказала Серена. — Это не очень похоже на вежливость, а у меня уже есть собственная охрана.

— Я не страж, ваше высочество, — ответил брат Дамоло.

— Хорошо, мы пойдем с вами, — Серена шагнула к двери, но брат Дамоло преградил ей путь. Като потянулся к рукояти меча. Серена подняла руку, чтобы он встал спокойно.

— Ах, король Стефан очень хотел бы видеть вас обеих в платьях, которые сшили по его

приказу. Они из очень хорошей ткани и стоят много денег, — сказал Брат.

— Я не буду носить это нелепое платье. Я надену свою тунику и бриджи, — Каролина уставилась на брата Дамоло с такой ненавистью, что кровь застыла бы в жилах, будь она крупнее.

— Боюсь, я должен настоять, — Брату Дамоло удалось сделать голос сильным, но он сделал шаг в сторону от Каролины.

Серена положила ладонь на плечо Каролины.

— Мы будем в платьях. Вы позволите нам переодеться?

Брат Дамоло не отошел от двери.

— Вы слышали принцессу, — прорычал Като. — Немедленно покиньте ее покои.

Брат Дамоло побледнел и сглотнул, но стоял на своем.

— Боюсь, мне приказано оставаться в покоях, пока две принцессы не будут готовы к особому ужину.

Серене пришлось сдерживать Каролину, пока брат Дамоло дрожал в своем одеянии.

— Всё в порядке. Сейчас мы переоденемся, — Серена потащила Каролину за ширму к кровати.

— Что ты делаешь? — спросила Каролина.

— Убеждаюсь, чтобы мы и наша охрана — наши друзья — останемся живы. А теперь надень это дурацкое платье.

Каролина надулась, снимая брюки и камзол ради зеленого шелкового платья с длинными рукавами. Серена расплела волосы Каролины из косичек и позволила им упасть ей на плечи. Ее младшая сестра выглядела довольно мило, хотя было несколько абсурдно видеть ее в юбках, а не в грязных брюках.

— Он хочет, чтобы мы вышли замуж, — сказала Каролина, произнеся слова, которые наполнили Серену ужасом. — Он хочет, чтобы мы вышли замуж и уехали отсюда. Я не буду этого делать, сестра. Нет. Если я выйду замуж, мне придется рожать, а я не хочу.

Серена смахнула слезы со щек сестры.

— Это всего лишь один ужин. Он не может выдать нас сегодня без предупреждения и без разрешения двора. Сегодня с нами ничего не случится. Мы пойдем на ужин, улыбнемся и обменяемся любезностями, а потом придумаем, как выпутаться из этой неразберихи.

— Обещаешь, Серена? — спросила Каролина.

— Обещаю, — ответила Серена. А потом она сделала то, чего не делала уже очень давно. Она притянула сестру к себе и крепко обняла.

Но пока их вели по прохладным коридорам Крепости Несры, Серена не была уверена, что ее решимость так сильна, как ей хотелось бы. Больше всего ее беспокоила младшая сестра. При всей свирепости Каролины она все еще была тринадцатилетней девочкой, и Серена не считала ее готовой к замужеству. В Эстале был обычай, женщина считалась готовой к браку с тринадцати лет, но это был обычай, с которым Серена никогда не соглашалась. Конечно, ее отец хотел, чтобы она вышла замуж довольно быстро после ее тринадцатого дня рождения. Он даже выбрал несколько кандидатов, и именно поэтому Серена так стремилась присоединиться к Сестринству. Но после продолжительного разговора с отцом было решено, что Серена подождет, пока ей будет удобно жениться. Ее отец согласился не использовать ее в качестве дипломатической пешки, как использовались большинство принцесс.

И сегодня это могло измениться.

Возможно, она сможет убедить Стефана выдать ее замуж за какого-нибудь глупого северного лорда, в то время как Каролина сможет остаться в Крепости Несры и продолжать пробираться на охоту с луком и стрелами.

Или, возможно, пришло время согласиться с планом лорда Зимина.

Они вошли в покои Стефана, где длинный стол был накрыт лучшей скатертью. На столе были груды фруктов в изящных тарелках, баранья нога, кувшины со сладким вином и жареные овощи. Как они и подозревали, на ужине были дополнительные гости, а также стражи, выстроившиеся вдоль стен.

— Ах, мои милые сестрички, — Стефан встал и раскрыл руки, чтобы поприветствовать их. Серена отметила, что его кожа была восковой и бледной. Его глаза были тусклыми, что выдавало его болезнь. Стефан мог сколько угодно притворяться здоровым, но все знали, что он умирал от чумы. Ее мутило от одного его присутствия. Она была удивлена, что кто-то вообще согласился ужинать с ним. Кандидаты должны были отчаянно нуждаться в женах. — Платья идеальны, как я и думал. Вы обе прекрасно выглядите сегодня.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказала Серена. Она бросила взгляд на Каролину.

— Спасибо, Ваше Величество, — процедила Каролина сквозь зубы.

Когда Стефан жестом пригласил их сесть, Серена позволила себе осмотреть других мужчин за столом. Тот, что был рядом с Сереной, был старше, хотя и не настолько стар, как ее разум выдумал в страхе. У него была седина на висках и в бороде, несколько морщин вокруг глаз, но его голубые глаза все еще блестели. По оценкам Серены, ему было за сорок.

— Я хотел бы познакомить вас с лордом Луэзом, одним из моих лучших генералов, а в настоящее время — лордом Башен Авалона на Фиуринском побережье. Красивое место, не так ли, Луэз? — сказал Стефан.

— Пляжи теплые и уединенные, — сказал Луэз. — С лазурным морем и дельфинами у берегов.

— Звучит прекрасно, — признала Серена. Она улыбнулась мужчине, но обнаружила, что не могла встретиться с ним взглядом.

— И Каролина, познакомься с Антоном Сильвором, сыном лорда Сильвора из Баниты Антон из длинной династии лордов, которые всегда были верны трону. Ваш двоюродный дедушка служил в королевской гвардии, не так ли?

— Да, много лет, — сказал Антон. — Приятно познакомиться с вами, принцесса.

Серена увидела — с некоторым облегчением, — что мальчик, которого Стефан выбрал для Каролины, был молод — не старше двадцати — и очень нервничал. Он был тощим, с длинными пальцами и приятными зелеными глазами. По крайней мере, он не был громадным великим генералом. Серена, по крайней мере, была рада, что Стефан не был чрезвычайно жесток к ним обеим в выборе мужей. Но они оба были из семей, предположительно верных Стефану. Луэз был генералом в армии Стефана, и Серена знала о нем достаточно, чтобы знать, что он работал с Орденом Понимания. О Сильворах она знала меньше. Возможно, предложение им Каролины было способом завоевать их доверие. В любом случае, Стефан снова обеспечил себе поддержку при дворе с двумя могущественными лордами, у которых были люди на службе. Кроме того, если бы Серена была замужем, ее притязания на трон были бы ослаблены мужем рядом с ней.

Она заставила себя съесть восхитительную баранину, заметила, что ее руки дрожат, пока она держит столовые приборы. Ей нужно было сосредоточиться и не забывать о себе. Что бы ни говорил Стефан, его интересовал не только ужин, особенно с этими двумя

мужчинами, за которых он явно собирался выдать их замуж.

Вечер продолжался, было сказано много любезностей, но царила атмосфера беспокойства. Серена видела, что сначала Каролина пыталась улыбаться и вежливо отвечать на вопросы, но она видела и хмурые взгляды сестры на Стефана и то, как она время от времени щурилась, наклоняясь, чтобы съесть своего ягненка. Это был первый раз, когда Серена видела, что ее сестра была близка к слезам, и это одновременно беспокоило ее и вызывалось злость на брата за то, что он навязал им эту ситуацию. Ее отец никогда бы так с ней не поступил, и королевство знало, что он не был героем.

— Могу я сказать, что у вас очень красивое платье, — сказал Антон Сильвор Каролине. Он нервно потягивал вино и, наконец, перестал запинаться. — Цвет подходит к вашему изысканному цвету лица.

Это было безобидное замечание, но Серена видела, что Каролину это раздражает. Ее младшая сестра ненавидела, когда ей напоминали, что она девочка, не говоря уже о красоте. Сделайте ей комплимент за умение обращаться с луком или свирепый характер, и она загорится, но упомяните о ее внешности, и она будет дуться целыми днями.

— Очень мило с вашей стороны, — сказала Серена, заполняя неловкое молчание, затянувшееся на слишком много мгновений. — Не так ли, Каролина?

Девушка положила жареную картошку на тарелку и пожала плечами.

— Думаю, моя сестра устала. Возможно, нам следует уйти на ночь и…

— Я не устала, — отрезала Каролина.

— Да, устала, — настаивала Серена.

— Мои милые сестры, вы даже не закончили есть. Десерт еще не принесли. Оставайтесь и наслаждайтесь едой, — сказал Стефан, широко улыбаясь.

— Хватит указывать мне, что делать, — сказала Каролина скорее звериным, чем человеческим голосом. Ее вилка заскребла по тарелке, она продолжила сердито бороться с картошкой.

— Я твой король, — сказал Стефан. — Я прикажу тебе делать то, что мне заблагорассудится.

Антон Сильвор встал.

— При всем уважении к вам, Ваше Величество, но, полагаю, добрая принцесса Серена может быть права. Я уже задержался…

— Сядьте!

Раздался ужасающий крик, высокий, как флейта, и в три раза громче. Антон Сильвор взвизгнул, когда Каролина вонзила вилку ему в тыльную сторону ладони. Бедный мальчик в ужасе поднял руку, и красная кровь закапала на стол. Серена быстро обошла стол и обернула руку салфеткой, чтобы остановить кровь.

— Приведите целителя, — приказала она ближайшему слуге.

— Приведи брата Миккела, — поправил Стефан.

Каролина отошла от стола, слезы потекли быстрыми каплями.

— Я не… я не хотела этого делать.

— Идиотка, — Стефан сделал шаг вперед и ударил Каролину по лицу тыльной стороной ладони.

Серена отпустила Антона и поспешила к сестре. На этот раз Каролина не сопротивлялась, что, как знала Серена, было благословением. Вместо этого она уткнулась головой в платье сестры и зарыдала так сильно, что Серена чувствовала, как вздымается и

опускается ее грудь.

— Вы сейчас счастливы? — Серена почувствовала, как ее лицо покраснело, когда она отчитывала брата. — Это то, чего вы хотели от нас, ваше величество? Мы станем хорошими женами, да? Две принцессы будут проданы тому, кто больше заплатит.

— Думаю, ваша сестра, возможно, напряжена событиями… — начал лорд Луэз.

— Нет, милорд, — возразила Серена. — Я не напряжена. Я в гневе, и меня предал мой брат-король, который не сказал нам, что мы встретимся с нашими будущими мужьями, и не посоветовался с нами по поводу брака.

— Это правда, Ваше Величество? — лорд Луэз посмотрел на короля темными глазами, щурясь.

— Моя сестра ошибается, — сказал Стефан холодным голосом, от которого у Серены пробежали мурашки по спине. Ему нужно было только кивнуть стражам вокруг комнаты, чтобы они подошли к Серене и ее сестре. — Я думаю, волнение этого вечера действительно сказалось на них. Возможно, вам обеим следует уйти на ночь пораньше. Мои искренние извинения вам, лорд Луэз, и вам, мой хороший друг Антон. Брат Миккел скоро будет здесь, чтобы заняться вашей раной. Он лучший целитель в королевстве.

Стражи вывели Серену и ее сестру из комнаты, и голос Стефана затих. Серена сжимала плечи Каролины, пока они шли по крепости.

— Моя сестра расстроена. Думаю, ей следует остаться на ночь в моих покоях, — сказала Серена страже.

Ответа не было.

Когда они подошли ближе к покоям Каролины, страж вырвал девушку из рук Серены и повел в ее покои. Серена могла слышать рыдания сестры, пока ее вели в ее комнату.

Серена сделала все возможное, чтобы не заплакать. Она прикусила губу, чтобы та не дрожала. Она не позволит им увидеть себя самой слабой. Она не позволит им этого.

Когда ее довели до ее покоев, Серена услышала, как щелкнул замок в ее двери. Като был убран. Она была одна, и у нее не было союзников. Серена поспешила к своему столу и взяла пергамент, который она написала перед ужином. Она знала, что теперь она пленница. Эти стражи не отходили от ее двери. Но у нее остался козырь в рукаве.

Серена закончила записку и свернула кусочек пергамента как можно плотнее. Затем она открыла балконные двери и свистнула. Ворона спикировала почти сразу и приземлилась на перила балкона. Она погладила перья на ее спине, прежде чем аккуратно привязать письмо к ее лапе. Затем она подняла ворону, и черные крылья унесли ее в ночь.

17

КАРИНА

Маленькое тело Лотти извивалось и брыкалось во сне, не давая Карине уснуть. Ночью в лесу было холодно, хотя они поддерживали огонь в костре и жались друг к другу, чтобы согреться. Она дрожала в своем тонком платье и плотнее куталась в протертое одеяло. Она думала, что чем дальше на юг они пройдут, тем теплее будет, но среди ночи в лесу и с ветром, дующим с севера, холод пробирал ее до костей.

Солнце, казалось, взошло через мгновение после того, как глаза Карины, наконец, закрылись. Она проснулась с болью в животе и во всех конечностях. Она совсем не чувствовала себя отдохнувшей, а Ревы все не было. Ее не было всю ночь.

— Я так голодна, — сказала Лотти. — У нас осталось мясо из последней деревни?

Карина покачала головой.

— Мы съели последнее прошлой ночью.

— Ягоды? — спросила Лотти.

— Придется еще поискать, — ответила Карина. Она чувствовала пустоту внутри. Она увидела, как Рохеса скривилась, когда проснулась, от травмы от их драки с ворами. — Тебе плохо, Рохеса?

Крупная женщина покачала головой, но Карине не понравилось выражение ее лица. Ей было больно.

Когда Эмилия проснулась, Рохеса превратилась в пантеру и попыталась отыскать Реву. Остальные шли следом, волоча сумки и перешагивая кривые ветки леса. Карина еще не согрелась от холодной ночи. Ее платье было влажным от росы, а в ботинках была новая дыра, от которой мерзли пальцы ног.

Они зашли глубже в лес, отводя с дороги тонкие ветки и колючие пальцы кустов, следуя за мягкими подушечками пантеры, пока Рохеса быстро двигалась между деревьями. По мере того, как кровь Карины медленно согревалась, у нее появилась надежда, что они смогут найти Реву. Рохеса определенно шла по следу. С кем бы ни была Рева, он обязательно остановился бы ночью, в кромешной тьме леса ночью никто не мог ничего разглядеть. Они не могли быть так далеко впереди. Карина обнаружила в себе энергию, о которой не подозревала, и она почти перепрыгивала открытые корни деревьев.

Но когда они вышли на поляну, пошел дождь. Он начался как легкий дождь, перерос в сильный ливень и через несколько минут полил еще мощнее. Рохеса снова превратилась в человека и облачилась в свои бриджи и жилетку.

— Запах исчез, — сказала она. — Я не могу уловить его, когда идет дождь. Следов больше нет. Смотрите. Они останавливались здесь. А потом будто растворились в воздухе. Я не понимаю.

Карина быстро осмотрела тропу, пока ее не смыло дождем.

— Возможно, мы пропустили остальные их следы из-за дождя, — сказала Эмилия. — Они, должно быть, продолжили путь на север. Мы все еще движемся на север? — она поворачивала голову, хмуро глядя по сторонам.

— Трудно сказать в этих лесах, — громко сказала Карина. Дождь лил так сильно, что ей пришлось повысить голос. — Я думаю, мы можем заблудиться.

— Нужно двигаться, — крикнула Лотти. — Земля превращается в грязь, — она указала на лесную подстилку, которая двигалась вместе с потоком воды.

Пока женщины шли через лес, Карина взяла за руку Лотти, чтобы не упасть. Ее платье промокло, облепило тело. Дождь лил так сильно и быстро, что она едва могла держать глаза открытыми. Вода струилась по ее лицу, смачивая ресницы, брызгая с носа и капая в рот. Все они взялись за руки, когда добрались до склона, их ноги боролись с движущейся грязью. Карина была напряжена, опасалась, что земля будет двигаться слишком быстро и смоет их. Но Лотти смогла отвести часть воды от них, чтобы создать более безопасный путь.

Проливной дождь усилил запахи леса. Земля, плесень, соль и пот покрывали ее платье, ее кожу. Ее ноги спотыкались при ходьбе, и недавно обретенная энергия медленно угасала. Когда они, наконец, подошли к опушке леса, все они рухнули в грязь, переводили дыхание. Карине надоело чувствовать холод и сырость. Впервые ей почти захотелось вернуться в сарай в Садах. Почти. Но потом она подумала о ночах, которые провела в мокрых туниках из грубой ткани, дрожа рядом с десятками тел. Нет, она не будет думать об этом месте. Вместо этого она будет думать о своей деревне, своей матери и кровати, на которой когда-то спала. Ее старый соломенный матрас вряд ли можно было назвать роскошью, но он был роскошен по сравнению с тем местом, где они недавно спали.

— Мы недалеко от Торговой дороги, — сказала Рохеса, щурясь от дождя. — Мы голодны и мокры. Лучшее, что мы можем сделать, это отправиться в ближайшую деревню. По крайней мере, тогда мы потратим часть сэкономленных монет на еду и горячую ванну. И тому, кто похитил Реву, тоже может понадобиться укрытие.

Карина покачала головой.

— Нет, они никогда не рискнули бы забрать ее в деревню. Но Рохеса права, нам нужно поесть и высушить одежду.

Карине было плохо, пока они шли по Торговой дороге. Если бы они сейчас натолкнулись на бандитов, то стали бы легкой добычей. Мало того, они давали тому, кто забрал Реву, еще больше времени, чтобы оторваться. Им нужно было найти убежище, им отчаянно нужна была горячая пища, но она не могла избавиться от ощущения, что подводит Реву.

«Что, если мы никогда не найдем ее?».

И тут она вспомнила, что Рева — дракон. Рева могла делать все, что хотела. Она была сильной, могущественной, была из знати. У ее ног был весь мир, а у Карины ничего не было.

Следующее поселение, которое они нашли, было даже не деревней, но там была таверна, и это было главным. Они шли уже несколько часов под дождем и оставили лужи на полу таверны, пока шли к хозяину. Жена хозяина цокала, вытирая воду, и на ходу задевала их шваброй за лодыжки.

Рохеса опустила на барную стойку несколько серебряных софий.

— Комната. Столько горячей еды, сколько сможете приготовить. Столько горячей воды, сколько сможете принести нам.

Хозяин пересчитал монеты и кивнул. Он показал им путь в маленькую комнату, не говоря ни слова. Но Карину это не волновало, и она подозревала, что другим женщинам тоже не было до этого дела. Они укрылись от дождя, и у них была еда. Хозяин даже развел для них огонь и зажег жаровню. Женщины едва дождались, пока он уйдет, и начали раздеваться.

Немного погодя жена принесла чистые одеяла и поднос с похлёбкой и хлебом. Похлебка не была густой, а хлеб был черствым, но Карина решила, что это самое вкусное блюдо, которое она когда-либо пробовала. Каждую каплю вытирали хлебом, а когда кончился хлеб, пустили в ход пальцы.

Несмотря на отсутствие Ревы, Карина не могла отрицать, что день, проведенный в комнате таверны, пока они грелись, был одним из лучших в ее жизни. Одеяло было из такой грубой шерсти, что у нее зудела кожа, но сидеть у огня в тепле было чудесно. Затем, одна за другой, они купались в горячей воде. Но день клонился к концу, и они не могли игнорировать неотложный вопрос об исчезновении Ревы.

— Кто-то забрал ее, когда мы дрались с ворами, — сказала Карина, размышляя вслух. — Но почему? Если бы это был кто-то из воров, он наверняка забрал бы и ее сумку.

— Возможно, он думал, что остальные обворуют нас, а Реву он хотел за ее тело, — ответила Рохеса.

Карина почувствовала ком в горле, но попыталась сосредоточиться и продолжить тщательно обдумывать, что могло произойти.

— Может, кто-то воспользовался шансом? Сестры? Мы знаем, что они ищут нас.

— Разве они не захотят схватить нас всех? — отметила Эмилия.

— Рева убила сестру Валерию. Рева — их приоритет, а не мы, — ответила Лотти.

— Она права, — сказала Карин. — Они хотят ее больше, чем нас. Особенно, если мы

защищались от группы бандитов. Без сомнения, они думали, что воры все равно убьют нас. Это явно Сестры. Подумайте о записке в сумке Ревы. Это должны быть Сестры. Они выжидали, пока мы обошли каждую деревню, исполняя песни, как дуры.

— Нам нужны были деньги, — напомнила ей Рохеса. — Мы должны были есть.

— Нам нужно одеться и идти, — сказала Карина. — Нам придется использовать оставшиеся деньги, которые мы сэкономили для Зантоса, и купить припасы. Пойдем на север по Торговой дороге. Возможно, сможем обогнать сестер. Я бы поставила на то, что они вернут Реву в Сады.

Огонь потрескивал, женщины собирали свои вещи и одевались. Был полдень, когда они вышли из таверны. Рохеса подошла к хозяину таверны, чтобы спросить его, где они могли купить припасы для пути, а Карина вышла в маленькое поселение, чтобы наполнить легкие свежим воздухом. Дождь прекратился, и вышло теплое солнце, чтобы высушить грязь. Ее ботинки все еще застревали в мягкой почве, но они не скользили, как это было в лесу. Она уже собиралась заговорить с женщиной, несущей двух мертвых кроликов через поляну между фермой и таверной, когда звук остановил ее.

Пение.

Она знала эти голоса. Она знала, что такое звук звенящего света.

Она повернулась и поспешила в таверну. Лотти была ближе всего к ней, поэтому она схватила ее и прошептала ей на ухо:

— Сестры близко.

Лотти схватила Рохесу за руку, пока Рохеса набивала свою сумку солониной.

— Нужно уходить.

Карина схватила Эмилию за локоть и повела вперед, спеша через поселок на звук певцов. Было похоже, что они уходят из деревни, но Карина только догадывалась — трудно было уловить звуки, доносившиеся до них ветром. Возможно, Сестра остановилась в этой маленькой деревне за припасами, как это сделали Карина и другие. Она могла только надеяться, что Рева с ними и что они смогут вырвать ее из когтей Сестер. Но было почти невозможно увидеть, что происходит, не подойдя слишком близко к Сестрам и не рискуя собственным разоблачением.

— Постой, — сказала Лотти. — Мы будем следовать за ними, но нельзя попадаться на глаза.

— Нам нужно посмотреть, у них ли Рева, — настаивала Карин.

— Послушай, — сказала Лотти. — Нам слышно, как они поют. Там полдюжины, а то и больше. Слышишь звук цепей? Их слишком много, чтобы мы могли подобраться слишком близко. Нам нужно быть вдали от них. Нам нужно оставаться скрытыми.

Хотя она знала, что Лотти была права, Карина не могла не скрипеть зубами от разочарования. Ей нужно было точно знать, с ними ли Рева. Но даже если бы ей удалось хотя бы мельком увидеть Сестер и их пленников, не было гарантии, что она увидела бы Реву среди остальных. Это не стоило риска.

Она пошла более неторопливым шагом. Она позволила песне Сестер стать ее ориентиром.

18

РЕВА

Хлопанье крыльев наполняло ее уши, как шум разбивающихся волн. Она видела море с высоты и знала, куда летела. Тепло Зантоса взывало к ней, как маяк, но существовал барьер. Она боролась с ветром, который толкал ее к Эстале.

Рева резко проснулась и села прямо. У нее болела спина. Ее ноги онемели, а тело было таким холодным, что она дрожала.

И она была голой.

Она укуталась в шкуры, озираясь. Она сидела на небольшой куче шкур на твердой каменистой земле. Над ее головой был высокий потолок, тоже каменный, а рядом с ней стояла небольшая тарелка с хлебом и сыром, а также чашка с водой. Рева выпила воду, поела и медленно поднялась на ноги. Она вздрогнула, перенеся вес на правую лодыжку. Она проверила ее во второй раз. Она не была сломана, но было больно. Должно быть, она подвернула ногу, когда… когда… Что случилось? Она упала с неба. Точно. Она была в форме дракона и упала с неба, потому что была слаба.

Но что еще хуже — с ней был второй дракон. Рева рванулась вперед, отчаянно пытаясь понять, что происходит. В конце концов, она была не последним драконом — был еще один, и его звали Сэм. Куда он делся?

Рева подошла к дальней стене, где она видела солнечный свет. В скале была щель, пропускающая свет в полутемную комнату. Ей пришлось встать на носочки, чтобы посмотреть в щель, но когда она это сделала, то сразу поняла, где находится. Она была высоко на скале в пещере. За пределами пещеры лил дождь, заглушая звуки окружающего мира и закрывая большую часть обзора тучами, но она видела верхушки деревьев, виднеющиеся среди мрачного неба.

Он привел ее в пещеру, но зачем? Она доковыляла до центра убежища и нашла груду чистой одежды, аккуратно сложенной рядом с ее «кроватью». Она сбросила шкуры и быстро оделась, ей не нравилось ощущение холодного воздуха на коже. Платье было простым, теплым и закрывало ее до пола. Рукава были длинные, до запястий, обнимали ее и согревали. Сидело на удивление хорошо, хотя и было свободно в груди и талии.

Рева прошла по пещере, хромая, исследуя каждую стену. Она была удивлена, обнаружив дверь, встроенную в камень в задней части пещеры. Она проверила ручку, и дверь широко открылась, легко двигаясь на петлях. Но открылась во тьму. Она попыталась, прихрамывая, пройти вперед наощупь, но когда споткнулась и упала на больную лодыжку, то решила вернуться в пещеру, где неуклюже встала у окна и смотрела, как дождь льет на лес внизу.

Где она была? Сэм мог унести ее далеко, если прилетел сюда драконом в темноте. Снега и льда не было, так что она не была в самых северных частях Баниты и Ирринтии. Было трудно сказать, были ли они на юге, где было тепло, ведь дождь охлаждал воздух.

Когда дверь открылась, Рева быстро повернулась и поморщилась от ушибленной лодыжки. Она встала спиной к сырой стене пещеры, ее грудь вздымалась и опадала, она тяжело дышала. Ее сердце билось так быстро, что ей показалось, будто она слышит его сквозь шум дождя за пещерой.

— Ты все еще голодна? — спросил Сэм. — Я принес немного фруктов. Я не был уверен, хватит ли хлеба и сыра, ты была такой легкой, когда… — он покраснел и отвел взгляд.

Реву не интересовало его смущение.

— Где я? Зачем ты привел меня сюда?

— Нет причин бояться, — сказал он. — Обещаю, я не причиню тебе вреда.

— Я не боюсь, — сказала Рева. — Но я хотела бы получить некоторые ответы. Припоминаю, прошлой ночью ты плохо отвечал на мои вопросы.

Сэм подошел к ней, сел на землю, поставил миску и жестом пригласил Реву присоединиться к нему. Сначала она сопротивлялась, но была полна решимости выяснить, почему она здесь. И она села.

— Ты видел, кто я, вчера вечером, — сказал он. — Я — дракон, как и ты. Я уже давно знал, что ты дракон, и хотел поговорить с тобой, но это было трудно. Были осложнения, и я не был уверен, что ты захочешь говорить со мной. Я решил… Мы решили… что мне нужно привести тебя сюда, чтобы ты поняла, что происходит. Я сожалею, что мне пришлось схватить тебя таким образом. Это было…

— Глупо? — подсказала Рева.

— Возможно, — сказал Сэм с улыбкой. — Идем со мной. Я хочу показать тебе кое-что, — Сэм встал и помог Реве встать. — Ты неудачно приземлилась прошлой ночью на лодыжку. Я пытался смягчить твое падение, как мог.

— Как ты так хорошо летаешь? — спросила Рева, хотя и пожалела, что спросила об этом, потому что глаза Сэма загорелись, и он, похоже, воспринял ее вопрос как своего рода подтверждение. Она не хотела, чтобы он думал, что она рада быть здесь. Как бы он ни был мил с ней сейчас, он все равно похитил ее у ее подруг. Рева подумала о Карине, и у нее сжалось сердце.

— Требуется много практики. А еще не стоит быть голодной и истощенной. Вот, обопрись на меня, чтобы убрать вес со своей лодыжки.

Рева скрестила руки на груди и отвернулась от него. Она не собиралась прислоняться телом к парню, который украл ее у подруг. Мысль о том, как близко она подошла к Зантосу, ранила ее больше, чем растяжение лодыжки.

— Ладно. Это твоя лодыжка, — Сэм пожал плечами и прошел через дверь в темный коридор. Он взял у двери зажженную свечу и повел Реву в коридор. — Я знаю, что жить в пещере немного странно, но как только я все покажу, думаю, ты поймешь.

Рева хромала за Сэмом, размышляя, не принять ли ей его предложение помощи в пути по извилистым и темным туннелям пещер. В какой скале была построена эта пещерная система? Они были далеко на севере, в горах Тасме? Наверняка, тут были бы снег и лед, если бы они были так далеко на севере. Или, может, они были глубже в стране от побережья Фиурин. Она знала, что между башнями Авалон и замком Унна есть возвышенность. По крайней мере, это было бы лучше, чем горы Баниты.

Пламя свечи мерцало, они пересекали туннели, которые, должно быть, вели к новым пещерам. Сэм преодолевал повороты, как мог только тот, кто провел много лет в одном месте. Рева видела, как легко заблудится в этом каменном лабиринте.

Наконец, они подошли к большой пещере с зажженной жаровней у входа. Реву окутало тепло, она прошла, хромая, в то, что, как она думала, было гостиной. Здесь были люди, похожие на Сэма. Женщина сидела, прислонившись спиной к каменной стене, и смотрела на открытый вход в пещеру, где хлестал дождь, безжалостный плеск воды заглушал обычные

звуки тихой комнаты. У нее были длинные темные волосы того же оттенка, что и у Сэма. Посреди комнаты, где горел огонь, стоял еще один мужчина. Он мешал в горшочке что-то, что пахло сладко и восхитительно. Он был выше и шире, но у него были такие же глубокие карие глаза и бронзовая кожа, как у Сэма. Его лицо было не таким круглым, как у Сэма, а точеным и изможденным от времени. А еще тут была высокая стройная девушка, полулежала на шкурах и читала большую книгу в жестком кожаном переплете. Ее длинные темные волосы закрывали лицо, пока она не подняла глаза, и Рева увидела глаза Сэма.

Мужчина и девушка посмотрели на Реву, когда она вошла, но женщина продолжала смотреть на дождь.

— Рева, это моя семья. Это мой отец Арон, моя мать Диана и моя сестра Карлия.

— Добро пожаловать в наш дом, Рева. Ты голодна? Есть теплая медовая каша, — сказал Арон, продолжая помешивать еду. Рева отметила, как необычно было видеть мужчину, готовящего в доме с двумя женщинами.

— Да, — ответила Рева. — Я замерзла, устала, ранена и голодна из-за вашего сына.

— Ты уже была голодна, — отметил Сэм.

Рева бросила на него мрачный взгляд.

— Но, по крайней мере, я была свободна. Теперь я будто пленница семьи драконов, обитающей в пещере. Я понятия не имею, почему я здесь, но, по крайней мере, если я поем, я стану достаточно сильной, чтобы сбежать.

— Молодая женщина с духом и умом, — сказал Арон, передавая Реве тарелку овсянки. — Я думаю, мы прекрасно поладим.

Рева зачерпнула кашу грубой деревянной ложкой из миски. Только после третьей ложки она заговорила:

— Я обычно не дружу с похитителями, и вы должны знать, что я сбегаю из каждой ловушки, в которую попадаю.

— Тебя не оставят здесь навсегда, — сказал Арон. — Но нам было необходимо привести тебя сюда. Пожалуйста, садись, Рева, — Арон указал на маленькую деревянную табуретку.

Рева присела, чтобы дать отдохнуть травмированной лодыжке.

Арон опустил черпак и пододвинул к Реве такой же табурет, чтобы они оказались лицом к лицу. Часть его тела загораживала немного свет, проникающий во вход пещеры, но огонь делал его лицо оранжевым. Его коричневая кожа свидетельствовала о южном происхождении. Он был еще более загорелым, чем она.

— Есть причина, по которой мы живем в изоляции, Рева. Но это не значит, что мы не ходим в населенные пункты. Когда мы это делаем, мы слушаем, что говорят люди. Знаешь, что люди говорят уже несколько недель?

Рева покачала головой. От его медленного низкого голоса у нее на руках появились мурашки.

— Говорят, дракон убил Сестру. Говорят, дракон поднялся на дыбы, ударил по Сестре огнем, а потом проглотил ее целиком. Затем дракон выпустил огонь в людей в Монте. Говорят, что в Зантосе были сожжены корабли и доносились крики матросов. Говорят, этот дракон бродит по Ланте в поисках Сестер, чтобы убить их. Так говорят.

— Я не сжигала корабли и не убивала невинных людей, — сказала Рева. Несмотря на прохладу от сырого воздуха, Рева вспотела.

— Мы думали, что мы последние драконы, Рева, — сказал Арон. — Раньше мы знали

драконов по всей Эстале, не то чтобы их было много. Теперь их нет, кроме людей, которых ты видишь в этой комнате, и… тебя.

— Это не значит, что можно украсть меня и держать в плену.

— Мы должны были остановить тебя. Мы должны были привести тебя сюда и показать, что нельзя раскрывать свою форму дракона всем. Есть причина, по которой мы остаемся в этих пещерах. За нами охотятся убийцы драконов, и нас мало осталось в живых, чтобы дать отпор. Ты подвергаешь опасности нас так же, как и себя. Мы пошли на многое, чтобы нас считали мертвыми. Убийцы думают, что в Эстале не осталось драконов. Вот так мы и выживаем.

Рева мгновение молчала. Она не учла тот факт, что драконов может быть больше, или что есть люди, которые охотятся на драконов.

— Ваш сын украл меня, когда я защищала своих подруг. Он обвил меня руками и потащил через лес, мои руки исцарапаны до крови. Он похитил меня вместо того, чтобы поговорить со мной. Почему я должна верить всему, что вы видели, или доверять кому-либо из вас?

— Ты бы пошла со мной добровольно? — спросил Сэм. — Я следил за тобой и видел, как ты поешь. Я видел, как вы держались за руки группой, и я видел пыл на ваших лицах. Я знал, что ты меня не послушаешь. Я должен был что-то сделать, отец.

— Сэм, ты не дал этой молодой женщине выбора, как должен был, — сказал Арон.

— Отец!

Реве пришлось прикусить губу, чтобы сдержать улыбку. Наблюдать за тем, как отец делает выговор Сэму, было приятно после ужасной ночи.

— Но ты поступил правильно для семьи. Рева, ты должна понять, как это тяжело для нас. За нами охотились те убийцы, и они… — он сделал паузу, на мгновение закрыл глаза. — Они убили моего ребенка. Мы все еще в печали. Вот почему Диана… Вот почему Диане трудно сосредоточиться на многих вещах одновременно. Пойми, мы были в отчаянии. Мы не можем допустить, чтобы ты путешествовала по Эстале, раскрывая себя посреди дня и перед людьми. Если охотники на драконов обнаружат тебя, они снова начнут охоту, и если они это сделают, они могут найти нас.

Рева повернулась и посмотрела на Диану, сидящую у входа в пещеру и наблюдающую за дождем. Именно тогда она поняла, что они не позволят ей уйти.

19

ЛУКА

Свет мерцал на поверхности золотой крепости, отражаясь от доспехов и щитов мужчин, стоящих перед Лукой. Он сглотнул, глядя на сотни солдат, стоящих перед ним с опущенными забралами, с мечами и щитами в руках. Глаза Луки скользнули по второй группе мужчин. Они были одеты в ту же свободную черную одежду, что и охранники, которые забрали Луку, Джеральдо и остальных у особняка благодетеля Джеральдо. Лука смотрел на них с комом в горле.

— Пять тысяч готовы слушаться вас, — сказал лорд Тиниан. — Это должно соответствовать любой армии короля Стефана, которая есть в его распоряжении. К тому же у вас есть повстанцы-менти с их способностями. Думаю, этого достаточно, чтобы свергнуть вашего брата и установить нового короля.

«Или королеву, — подумал Лука, — в зависимости от того, в каком вы настроении», — он ходил вдоль первого ряда солдат, надеясь, что, если он вытянется и заложит руки за спину, он сможет выглядеть в некотором роде величаво. Он хотел, чтобы с ним был брат Аксил. Он чувствовал себя одиноко, имея дело с Золотым Советом и их сделками. Что он должен был делать? Что он должен был сказать? Он чувствовал себя кораблем на суше. Эта

жизнь не была предназначена для него, он каким-то образом попал в нее, и теперь он должен был мужественно принять вызов. Ему очень хотелось, но в то же время он сжал одну руку в другой, чтобы ладони не дрожали.

— Вы довольны, Ваше Величество? — спросил лорд Тиниан.

— У вас здесь большая армия хороших бойцов, — ответил Лука, надеясь, что его ответ будет уместным и «королевским». Он оглянулся на мужчин, нахмурился и увел лорда Тиниана от них. — Для меня большая честь, что вы хотите, чтобы я командовал этой самой свирепой армией, милорд.

— Я рад, что это есть для вас, — лорд Тиниан слегка поклонился. Когда он выпрямился, он сказал. — Но я боюсь, что осталось больше недосказанного, чем сказанного. Я ценю честность, Ваше Величество. Расскажите мне о своих опасениях.

— Мой отец проводил много времени с моим старшим братом Матиасом, обучая его тактике боя. Боюсь, я не мой брат. Все верили, что я болел большую часть своей жизни. Никто не верил, что я доживу до совершеннолетия. Меня никогда не считали королем, — Лука вздохнул. — Я не командир. Если я поведу ваших людей в бой, я совершу ошибки, и многие погибнут, возможно, потерпят неудачу. Я не хочу, чтобы на моих руках была кровь невинных молодых людей.

Лорд Тиниан молчал, как показалось Луке целую вечность. Наконец, он сказал:

— Только хороший лидер и мудрый человек может признавать свои слабости. Принц Лука, вы оказываете себе медвежью услугу, еще и оскорбляете меня. Я знаю, что вы не командир, каким был ваш брат Матиас. Я знаю, что вы неопытны в военном искусстве. Но вы уже храбро сражались и победили своего брата. Я не ожидал, что вы будете командовать битвой. У меня много людей, которые могут дать вам хороший совет. Вы являетесь номинальным главой этой войны. Вы — человек, который сплотит их, даст им повод для борьбы. Вы — король, который объединит свою разделенную страну, когда победит своего брата и заявит права на трон, который по праву принадлежит вам.

— Мои люди думают, что я совершил братоубийство, — сказал Лука.

— Ваши люди умирают от чумы. Они забудут о Матиасе, если вы сможете им помочь. Мы можем помочь, но король Стефан этим не пользуется. Вы принесете им помощь в самый темный час. Вы тот, ради кого они сплотятся.

Возвращаясь к золотой крепости, Лука не мог не прокручивать в уме слова лорда Тиниана. Мог ли он быть человеком, способным объединить свой народ? Несмотря на то, что Лука был сыном короля, он никогда не считал себя особенным. Он никогда не был наследником престола, и он никогда не был здоров, пока в тот момент, когда он обрел свои силы менти, все не изменилось. По крайней мере, Стефану удалось найти хотя бы небольшое количество последователей. Был Миккел и другие странные Братья Ордена, которые считали Стефана кем-то особенным и заслуживающим внимания. Даже повстанцы-менти слушались Джеральдо, а не его.

Он волочил ноги, пока шел в крепость, его ботинки шаркали по изысканным мраморным плитам. Крепость всегда была полна слуг и придворных. Золотой Совет управлял замком как местом работы, чем замком. У его отца было много советников и послов в Крепости Несры, которые писали документы и законы, но не на том же уровне, что и Золотой Совет. Многие мужчины носили свитки и спешили по просторным залам. Он поймал себя на том, что уклонялся и петлял, чтобы не наткнуться на них.

Наблюдая за тем, как работает замок, он внезапно почувствовал себя уставшим, и ему

стало интересно, о чем они пишут. Это была еще одна тайна, в которую он не был посвящен. Еще одна часть управления королевством, которую он не понимал.

Он бесцельно бродил по замку, теряясь в коридорах, обеденных залах, бальных залах и комнатах отдыха. Наконец, он остановился, когда услышал звон стали в коридорах, подозрительно напоминающий бой на мечах. Он поспешил на шум, опасаясь, что его обещание безопасности всем повстанцам-менти было проигнорировано, и что одного из его друзей убивали, пока он бродил по замку. Но когда он ворвался в комнату, там был только один человек. Таня. Она стояла и смотрела на него, ее грудь быстро вздымалась и опадала от усилий. В ее руках были кинжалы, и она стояла с напряженным телом, готовая к бою. Ее кожа блестела от пота. Увидев Луку, она опустила оружие и кивнула.

— Ваше величество, — сказала она с насмешливым поклоном.

Лука проигнорировал это пренебрежение.

— Что ты делаешь? — он оглядел комнату. Сам того не осознавая, он забрел в комнату для слуг. Кровати здесь были поменьше, с тонкими одеялами и небольшим тазом вместо большой ванны. — Тебя послали сюда? Но я ясно дал понять лордам, что они должны относиться к тебе так же.

Таня закатила глаза.

— Не говори глупостей, принц. Разве это не очевидно? Я попросила быть здесь. Я не хочу спать в тех нелепых кроватях. Здесь мое место, внизу, с крысами.

— Плохо так говорить о трудолюбивых слугах Золотого замка.

— Нет, настоящие крысы. Я помогла повару выгнать одну из кухонь ранее. Не ешь суп.

Лука сморщил нос.

— Спасибо за предупреждение, — он подошел к кровати и сел. — Так чем ты занимаешься?

— На что это похоже? Я тренируюсь. Если будет война, я не собираюсь убивать себя. Я хочу быть готовой.

Лука кивнул, но мысли его уже блуждали. Его друзья собирались принять участие в этой войне. Что, если он потеряет Таню или Нико? Или брата Аксила?

— Что с лицом? — спросила Таня.

Лука пожал плечами.

— Золотой совет показал мне людей, которыми они хотят, чтобы я командовал. Их более пяти тысяч. Те, кого я видел сегодня, были молодыми. Ненамного старше тебя или меня. Многие из них умрут.

— Многие люди все равно умрут, если истории о твоем брате правдивы. Некоторые говорят, что он убил твоего отца.

— Меня бы это не удивило, — признался Лука. — Но меня ничто в Стефане не удивляет.

Таня вернулась к борьбе со своими невидимыми врагами, рубила кинжалами с угрожающей скоростью.

— Война будет, независимо от того, командуешь ты или нет. Так что лучше соберись, принц. Если ты потерпишь неудачу, ты подведешь нас всех.

— Вот этого я и боюсь.

— Какой смысл бояться? Это ничего не изменит, — она прекратила тренировку, вздохнула, положила кинжалы на столик и пошла к Луке. — Я о том, что все боятся, но они все равно это делают. Страх — это хорошо, в каком-то смысле. Это означает, что ты

достаточно переживаешь из-за того, чтобы сделать хорошую работу. Но нет смысла позволять страху управлять тобой, иначе ты ничего не сделаешь правильно. Используй свой страх, чтобы стать лучше, узнать больше, достичь большего. Ты не будешь первым трусливым принцем в битве. Ты будешь не первым командиром, который боится того, что будет, и кто погибнет, и даже боится за свою жизнь, и не поранишься ли ты. Ты не такой уж особенный, принц Лука, — она одарила его кривой ухмылкой.

Несмотря на то, что она указала на каждую его слабость, он почувствовал себя лучше. Она была права, он не был особенным, но это значило только то, что у него была работа. Внезапно то, что когда-то казалось ему туманным и недосягаемым, теперь стало совершенно ясным. Он точно знал, что делать.

— Таня, — спросил он, ободренный вновь обретенной ясностью. — Могу я задать вопрос?

— Да, — сказала она, но с предупреждением в голосе, намекавшим Луке, что она может не отвечать ему.

— Думаешь, ты когда-нибудь простишь меня за то, что я солгал тебе о том, кто я такой?

Таня уперла руки в бока и хмуро посмотрела на него.

— Глупый принц. Уже простила.

20

КАРИНА

После дождя наступили дни серого тумана, и он становился только хуже, пока они следовали за Сестрами все дальше на север, подальше от южных портов, до которых Рева долго добиралась. Карина попыталась забраться на деревья в лесу, чтобы увидеть группу, которую Сестры вели по Торговой Дороге. Она напрягала глаза, чтобы мельком увидеть подругу, идущую позади сестер. Женщины звенели, пересекая суровую местность с кандалами на лодыжках и наручниками на запястьях. Как бы высоко ни взбиралась Карина, она не могла разглядеть среди них Реву, только смесь каштановых и белокурых голов, которые могли принадлежать кому угодно.

Но они продолжали следовать за Сестрами, за которыми было легко следить благодаря их постоянному пению. Сестры не беспокоились о бандитах. У них не было денег, и они полагались на доброту жителей деревень, которые обеспечивали их едой и питьем в пути. Из-за чумы люди были более щедры, чем когда-либо, к Сестрам, несмотря на то, что у них было мало припасов. Они отдавали свою пищу в надежде на доброту Просвещенного Бога. Почему всегда самые бедные отдавали больше всего? Карина не понимала.

Когда Сестры остановились, чтобы разбить лагерь, Карина и другие сделали это, но они не могли разжечь костер, поэтому они сгрудились, чтобы согреться, пока серый туман превращался во тьму ночи, питаясь остатками еды из последней деревни. Еду делили на крошечные порции, но к тому времени Карина привыкла есть понемногу и почти привыкла к голоду в желудке. Она использовала это как мотивацию для продолжения.

После ночи сна по очереди под беззвездным небом, беспокоясь о волках, ищущих добычу, Карина и остальные продолжили следовать за Сестрами. Но в этот день они устали и потеряли надежду. Они шли молча. Эмилия споткнулась о юбку, упала в грязь и несколько секунд не шевелилась. Карина шагнула вперед, чтобы помочь ей, но Эмилия, казалось, пришла в себя и поднялась на ноги.

Она вытерла грязь с подбородка.

— Это не может продолжаться.

— Дай еще немного времени, — умоляла Карина. — Нам нужно знать.

— Рева спасла нас всех, — согласилась Лотти.

Но именно в этот день их удача, наконец, начала меняться. Сестры свернули с Торговой дороги и направились по тропинке между полями с высокой зеленой травой. Вдоль тропы не было никакого укрытия, только поля, так что Карина и остальные держались далеко позади, наблюдая, как Сестры спускаются по пологому склону к тому, что оказалось еще одним обнесенным стеной поселением.

— Это тюрьма, — сказал Рохеса.

— Еще один сад, — сказала Лотти.

— Как в тюрьме, из которой вы сбежали? — спросила Эмилия.

Карина кивнула.

— Да, но я думаю, что этот меньше. Полей для обработки не так много. Хозяйственных построек не так много.

— Это значит, что Сестер может быть не так много, — сказала Лотти. — Или рабов.

— Нам нужно туда, — сказала Карина. — Нам нужно найти Реву и вытащить ее.

— Это если она вообще в тюрьме, — заметила Рохеса. — Мы не знаем наверняка. Мы не видели ее среди заключенных, пока следили за ними.

— Она должна быть, — Карина глядела на тюрьму, пока ее глаза не защипало от ветра. Когда маленькая ладонь согрела ее плечо, она моргнула, и покатилось несколько слез.

— Карина, — мягко сказала Лотти, сжимая плечо Карины. — Тебе нужно приготовиться к худшему. Мы все надеемся, что Рева там, и если она там, мы сможем ее вытащить. Но мы не знаем наверняка. Записка в рюкзаке Ревы могла быть от кого угодно. Мы не знаем, кто следил за ней и почему, ведь она скрыла это от нас. Ты должна признать тот факт, что у Ревы были секреты. Она может даже не хотеть, чтобы ее нашли.

Карина убрала руку Лотти со своего плеча.

— Нет. Она не оставила бы нас в таком состоянии. Не когда бандиты сражались с нами. Она хороший человек и хорошая подруга, — Карина сжала кулаки. Она не могла представить себе, что Рева бросит их вот так. Рева была ее единственной настоящей подругой. Она бы не…

— Если хотите, я могу войти в тюрьму, — сказала Эмилия, немного сняв напряжение после вспышки Карина. — Я могу превратиться в ворону и пролететь над тюрьмой. Оттуда я смогу увидеть все, что происходит.

— Это блестящая идея, — согласилась Рохеса. Ты сможешь сообщить нам, есть ли здесь Рева, и обо всех возможных выходах.

— Мы вызволим рабов, даже если Ревы там нет, — сказала Карина. — Я не оставлю ни одну из этих женщин гнить в этой тюрьме.

Наступило долгое молчание. Карине было все равно, что думают другие. Она не могла вынести мысли о тех женщинах, запертых в сарае. Она не могла просто отвернуться и уйти от них всех.

— Есть ли у нас силы для этого? — сказала Лотти. — Я… я не уверена, Карина. Мы устали от пути. Никто из нас уже несколько дней не ел прилично.

— Я могу превратиться в одну из Сестер, — сказала Карина. — Тогда все, что мне нужно сделать, это дать заключенным ключ, отвлечь Сестер и выпустить пленников. Мы можем сделать это точно так же, как сделали это в Садах.

— На это ушли недели планирования, — предупредила Лотти. — Не будем спешить. Эмилия, ты примешь форму ворона и осмотришь тюрьму?

Карина еще не видела, чтобы девочка превращалась в птицу. Это произошло в мгновение ока, в один момент Эмилия стояла там, слегка сутулясь, как всегда. А потом она превратилась в кричащую черную птицу, парящую перед глазами Карины, широко раскрыла крылья и захлопала по ветру. Карина наклонилась, подняла одежду Эмилии с грязной тропы и сложила ее в сумку.

— Будь нашими глазами, Эмилия, — кивнула Карина.

Птица каркнула, взмахнула большими крыльями и улетела вдаль. Рука Лотти скользнула в ладонь Карины, заставив Карину вспомнить ту ночь, когда они вырвались из Садов Аниоса. До этого момента Карина никогда в жизни так не боялась. Сможет ли она снова пройти через все это? Да. Она отдаст жизнь за Реву, сестру, которой у нее никогда не было. Она сделает то же самое для всех них и будет надеяться, что они отнесутся к ней так же. Это то, что делают семьи, они борются друг за друга.

Но Карине было страшно, и ей нужно было смягчить ужас, растекающийся по венам, как ледяная вода.

— Я когда-нибудь рассказывала вам о королях-драконах? — спросила Карин.

Лотти и Рохеса собрались вокруг нее, и она рассказала им о четырех королях-драконах Эсталы и ведьме, которая привела их всех к гибели. Она тихо шептала это, они сгрудились за камнем на случай, если на тропе появятся новые Сестры, слушали предупреждающую историю о том, как важно слышать правильный совет, доверять тому человеку. Все это время Карина чувствовала прохладу северного ветра на своих руках.

Что, если Рева не хочет, чтобы ее нашли?

Она не позволяла себе сказать это, но чувствовала, что все остальные думают об этом. Что, если записка в сумке Ревы была перепиской между Ревой и кем-то еще? Что, если вместо того, чтобы быть схваченной кем-то, Рева пошла с ним? Нет. Она не верила. Она так не думала. Но, тем не менее, после того, как Карина перестала рассказывать историю, она обнаружила, что сидит в тишине, глядя в серое небо над головой, задаваясь вопросом, правильно ли они поступают.

Ее мысли прервало карканье вороны. Эмилия спикировала за камень и приняла человеческий облик, съежившись, чтобы согреться от холодного воздуха на коже. Карина передала Эмилии одежду и подождала, пока она заговорит.

— Здесь, по крайней мере, две дюжины рабов, — сказала Эмилия. — Десять охранников, некоторые караулят у ворот. Другие — вдоль стен. У всех длинные мечи, у некоторых луки. Восемь Сестер.

— А Рева? — сказала Карина.

— Я ее не видела. Но я не видела всех новых рабов. Их поселили во флигеле. Я ждала и смотрела так долго, как только могла, но один из стражей следил за мной, у него был лук.

— Ты хорошо рассмотрела план? — спросила Лотти.

Эмилия кивнула.

— Да. Я могу нарисовать его для вас.

— Мы делаем это? — спросила Рохеса. — Мы вломимся во владения, чтобы освободить рабов?

— Мы должны проголосовать, — сказала Лотти. — Я знаю, что говорила об осторожности, но я считаю, что мы должны помочь этим женщинам, если сможем. Я голосую «за».

— Я голосую «за», — сказала Эмилия. — Я видела, как они живут. Это не жизнь.

Рохеса кивнула.

— И я голосую «за». Мы не можем оставить их на произвол Сестер.

— Я голосую «за», — сказала Карина. Она кивнула и улыбнулась остальным, но внутри ее мутило.

21

РЕВА

Когда Рева набралась сил и ее лодыжка зажила, ее перевели в другую пещеру без выхода в лес. Возможно, Арон боялся, что она сможет протиснуться через окошко и превратиться в дракона. Она не могла отрицать, что мечтала о моменте, когда сможет расправить крылья и взлететь над лесом. Но вместо этого она оказалась в ловушке в грязной дыре. Рева ненавидела темную комнату без окон. Единственным источником света была жаровня, которую Сэм держал зажженной днем и ночью, и тусклый свет из туннелей пещер на склоне холма.

Если не считать узкой комнаты с недостаточным освещением, Рева обнаружила, что ее похитители были нежными. Они позволили ей ходить под присмотром через туннели. Ей приносили еду и воду. Сэм сидел и болтал с ней, чтобы провести время, о своих многочисленных путешествиях по городам. Рева внимательно слушала, надеясь уловить название, которое указало бы, где они находятся в Эстале. Но Сэм был слишком осторожен. Вместо этого он говорил о деревенских мальчиках, похабных женщинах с красными лицами, которые работали в тавернах, и о том, как он их всех перехитрил.

— Ты здорово помогла, — сказал Сэм. — Я видел, как ты и твои подруги выступали в городах. Нет ничего лучше, чем отвлеченная толпа.

Рева цокнула языком.

— Ты украл у них. Ты воровал у людей, у которых и без того мало.

— Я делаю то, что необходимо для выживания моей семьи. Ты не понимаешь, что значит ходить среди теней. Никто не может знать, что мы существуем. Мы не можем торговать. Мы не можем быть частью этого мира.

— Кто преследует вас? — спросила Рева. Они были в ее комнате, жаровня горела между ними. Она наклонилась к Сэму. — Кто они? Мои родители были драконами? Их тоже убили охотники на драконов? — ее тело горело от вопросов, требующих ответов. — Кем ты был до того, как переехал в эти пещеры? Я вижу твои бриджи и камзол. Их много раз штопали, но раньше они были прекрасной одеждой. Когда-то вы были богатой семьей. Кем?

Сэм вздохнул.

— Тебе нравится задавать вопросы, да? — он вытащил из кармана яблоко и разрезал его маленьким острым ножом. — Улези, — он бросил Реве кусочек яблока.

— Что такое улези?

— Ответ на твой вопрос, — он отрезал немного кожуры от своего яблока и сунул кусок в рот. — Они — охотники на драконов, хотя это лишь в какой-то степени описывает, кто они такие. Улези — не драконы и не люди; они нечто среднее. Они живут только для того, чтобы выслеживать и убивать драконьих оборотней. Это у них в крови и костях. Они ненавидят нас каждой частью себя, телом и душой.

— Но какие они? Между драконами и людьми? Я не понимаю.

— Вместо кожи у них чешуя, а вместо пальцев когти. Давным-давно, когда Эсталой правили короли-драконы, по всему королевству жило множество оборотней-драконов. Некоторые спаривались с людьми, и вместо того, чтобы создавать больше драконов, они создали улези.

Рева наклонилась еще сильнее.

— Это всегда происходит, когда драконы спариваются с людьми?

Сэм покачал головой.

— Это редкость. Большую часть времени младенец будет приобретать характеристики того или другого. Будет либо драконом, либо человеком. Но бывают случаи, когда происходит какое-то вмешательство — то ли от железа, то ли от крови, я не знаю, — и рождается малыш-улези. Спустя много поколений осталась лишь горстка улези, но они — свирепые воины и ненавидят своих драконьих родственников. Они хотят нашей смерти. Они живут как культ, с одной целью — стереть нас с лица земли.

— Значит, помимо Ордена Понимания, порабощающего и убивающего менти, есть улези, охотящиеся и убивающие последних из драконов?

Сэм одарил Реву полуулыбкой, разрезая яблоко.

— Да. Теперь ты понимаешь, почему мы живем в этих пещерах?

Рева на мгновение задумалась. Ее разум был заполнен мыслями о смерти ее родителей. Все эти годы она думала, что менти виноваты в смерти ее родителей, а потом обнаружила, что сама — менти. Великий оборотень, как и старые короли-драконы. Тогда она не знала, кого или что винить. Теперь, когда она знала всю эту новую информацию, казалось маловероятным, что менти убили ее родителей. Зачем им убивать товарищей-менти? Рева выросла, не зная о силе менти своих родителей, но раскрылись ли ее родители другим союзникам? А теперь она узнала об улези. Если было известно, что ее родители были драконами, неужели улези выследили и убили их?

Но потом она подумала о своем покойном муже, генерале Унне. Он участвовал в восстании против менти. И он оказался тоже менти. Мир был настолько сложен, что у нее кружилась голова.

— Мои родители, — сказала Рева. — Они погибли во время восстания менти. А что, если их убили не менти, а эти улези? Скорее всего, они убили их. Это логичная причина их

убийства. Кто-то, должно быть, знал, что мои родители были драконами, и улези охотились на них и убили.

Сэм проткнул яблоко ножом.

— Идем. Я хочу показать тебе кое-что, — Сэм вскочил на ноги легким прыжком, который почти заставил Реву улыбнуться, несмотря на ее мрачные мысли.

Она последовала за ним через изгибы и повороты пещер, пока они не вышли к большому сводчатому отверстию в камне. Они шагнули под арку, и Рева ахнула. Пространство за аркой было таким же огромным, как большой зал королевской крепости. Потолок из натурального камня возвышался над ее головой, переходя в отверстие в скале, пропуская солнечный свет длинными лучами белого золота. Вдоль каменных стен рос зеленый мох, а из земли торчало несколько сорняков. Рева провела пальцами по мху, наслаждаясь его ощущением на своей коже. Хотя прошло всего несколько дней с тех пор, как ее похитили драконы, казалось, что прошло много времени с тех пор, как она прикасалась к чему-либо, кроме камня. Она поспешила вперед и подняла лицо к небу. Она закрыла глаза и грелась на солнце.

— Почему ты не приводил меня сюда раньше? — спросила Рева.

Но Сэм не ответил. Рева почувствовала, как в воздухе повеяло переменами, и развернулась. Там стоял Сэм в образе дракона, зеленая чешуя мерцала глубочайшим синим цветом, он двигал своим телом под теплым сиянием света, проникающего в пещеру.

— Меняйся, — скомандовал Сэм, из его ноздрей шел пар.

Дракон вырвался из нее сам. Она не понимала, как сильно ей не хватало формы дракона. Теперь, когда она стала сильнее, ее изменение было быстрым и легким. Она почувствовала, как разворачиваются ее крылья, а когти царапают камень. В животе было тепло, когда вспыхнул огонь. Она открыла пасть и издала рев.

— Хорошо, — сказал Сэм. — А теперь не отставай от меня.

Он оттолкнулся от земли, хлопая крыльями, и воздух двигался вместе с ним. Рева со смехом последовала за ним, двигая огромными крыльями и сгибая колени, чтобы подняться с земли. Сэм уже был высоко над щелью в потолке, через которую просачивалось солнце. Реве нужно было спешить, чтобы догнать его. Она взмахнула крыльями и вытянула шею, но Сэм был намного быстрее, несмотря на свои большие размеры. Он обернулся и рассмеялся, когда она изо всех сил старалась не отставать, выпуская в ее сторону немного огня. Но Рева была не из тех, кто легко сдавался, и она не любила проигрывать. Она подумала о многочисленных гонках против Луки, когда они преследовали друг друга в коридорах Крепости Несры. Она не проиграла ни разу.

Пока они летали вокруг великой пещеры, Рева знала, что ей не победить. Сэм был быстрее и сильнее и, казалось, не уставал, тогда как Реве хотелось опуститься на землю. Она почувствовала облегчение, когда Сэм замедлился и спикировал на каменный пол пещеры. Грудь Ревы вздымалась от тяжелых вдохов.

— Я никогда не встречал дракона, который так плохо летает, — усмехнулся он.

— Драконов осталось мало, — заметила Рева.

— Даже если бы их была сотня, ты все равно была бы худшей, — сказал Сэм. — А теперь выдохни в меня огнём.

Рева глубоко вздохнула, призвала огонь и выплюнула его в сторону Сэма. Он просто сделал шаг назад и позволил огню пройти мимо него. Затем он рассмеялся.

— Тебя никто не учил, как дышать огнем?

— Нет, — отрезала Рева. — Моих родителей убили прежде, чем они смогли научить меня.

Сэм опустил голову.

— Я дурак. Прости. Я… я забыл на мгновение. Я научу тебя, как это сделать. Во-первых, нужно уметь держать огонь. Нужно вдохнуть и почувствовать огонь внутри себя, согревающий тебя, твою кровь. Затем держи его в своем животе, позволяя ему расти и расти, — Сэм медленно вдохнул, затем осторожно повернул голову из стороны в сторону и закрыл глаза, наслаждаясь теплом пламени внутри себя. Глубокий рык вырвался из его груди, прежде чем из него вырвалось огромное пламя, такое яркое, что Реве почти пришлось отвернуться. Огонь опьянял ее, манил к себе. Он был прекраснее чистейших бриллиантов и горячее самой большой жаровни.

В этот момент она забыла о Карине, она забыла о Сестрах, она даже забыла о повстанцах-менти в Зантосе, к которым она так сильно хотела присоединиться. Вместо этого она сосредоточилась на огне дракона внутри себя, втягивая его, позволяя ему согреть ее кровь и закрутиться внутри ее живота. Она позволяла огню разгораться, пока не могла уже терпеть.

— Вот именно, — подбодрил Сэм. — Ты — Скальда, древний бог огня. Твоё пламя ярче солнца. Теперь пусть он вырвется из тебя.

Рева открыла пасть и взревела так громко, как только осмелилась. Огонь был жарче и ярче, чем любое пламя, которое она создавала раньше. Он почти заполнил пещеру, танцуя и пульсируя, как живое существо. После этого ее челюсти сомкнулись, и она почувствовала одышку. Она хрипела, изо всех сил пытаясь наполнить легкие кислородом. Рева почувствовала, как ее форма дракона исчезает, она превратилась в обнаженную девушку на земле. Сэм изменил облик и поспешил к ней, наклонился, чтобы помочь ей сесть. В груди Ревы была боль, в легких горело.

— Дыши, — мягко сказал он, обнимая ее за плечи. — Дыши медленно. Прости меня, Рева. Я позволяю тебе делать слишком много, — его голос звучал грустно, и на мгновение Реве захотелось заверить его, что она не винит его и быстро приходит в себя от минутного проявления слабости.

Потом она поняла, что они оба обнажены и прижались друг к другу. Рева чувствовала его грудь на своей груди. Его мускулы были крепче, чем она думала. Слегка округлое лицо Сэма контрастировало с твердыми мышцами его тела. Он был довольно худым, с сильными руками и ногами. Она отпрянула, встала и отвернулась от него, торопливо натянула свое разорванное платье. Хотя швы в основном были разорваны, она все же смогла завязать его вокруг талии, чтобы прикрыть свое тело. Когда она повернулась к Сэму, он был в тунике, закрывавшей его почти до колен.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел…

Его лицо было красным от смущения, но Рева рожала и делила зал с десятками других женщин. Она не так стеснялась своего тела, как многие другие семнадцатилетние женщины. Но она смутилась, и щеки ее покраснели. Она наслаждалась ощущением его рук вокруг нее. Сэм был мальчиком, который вырвал ее у подруг, и все же она прильнула в его объятиях и наслаждалась теплом его кожи на своей.

— Как твоя грудь? — спросил Сэм.

Рука Ревы взлетела к ее горлу, потом уперлась в верхнюю часть груди.

— Я перевела дыхание. Спасибо.

— Я забыл, что можно приложить слишком много усилий, выдыхая огонь. Это было для меня легко так долго, — он пожал плечами, провел рукой по волосам. Он подобрал штаны и натянул их. — И мне придется показать тебе, как менять облик, не порвав одежду. Как ты справлялась до сих пор?

Рива посмотрела на свое платье.

— Обычно я сначала раздеваюсь. Полагаю, я забыла, учитывая все происходящее.

— Я провожу тебя в твою комнату, — сказал Сэм, неловко отодвигаясь от нее, все еще неловкий и застенчивый с тех пор, как задел Реву своим телом.

То, что он вел ее через туннели, было лишь напоминанием о том, что она здесь не гостья, а пленница. Неважно, насколько он был добр к ней, сколько еды приносил, сколько учил ее быть драконом, он всегда будет ее похитителем. Она почувствовала, как на глазах выступили горячие слезы. Слезы стыда. Слезы разочарования. На краткий миг она забыла о своей жизни вне дракона, и это было то, что она больше не могла себе позволить.

На обратном пути в темную комнату, где с ней обращались как с заключенной, Рева услышала одинокий голос. Это был голос, наполненный горем, от которого ее сердце хотело разорваться. Сэм издал долгий вздох.

— Это снова поет мама. Она сидит у входа в пещеру и поет.

Рева вошла в свою темную комнату, когда услышала последнюю строчку песни… *Мы виноваты в крови на наших руках.*

22

СЕРЕНА

Ее плен начался с апатии, она смотрела из окна на город внизу. Ее глаза почти не отрывались от окна, и она ни разу его не закрыла. Она ждала. Ждала и ждала. Но птицы не было, и она чувствовала себя одинокой.

И бедная Каролина, которую у нее отняли. Что стало с Каролиной? Серена знала, что ее сестра не плохо справляется с пленом. Серена не знала, чтобы Каролина оставалась на одном месте дольше нескольких минут. Девочка всегда была вихрем в замке, перемещаясь из одного угла в другой, в то время как Серена, которая всегда отвечала за присмотр за младшей сестрой, сидела с книгой на коленях и чайником рядом с ней, увлеченная произведениями великой библиотеки.

Но теперь Серена ходила по комнате, как животное в клетке. Она чувствовала дикое отчаяние, кровь кипела, кожа зудела. Прошло три дня с тех пор, как она послала свою птицу с такой важной вестью, и ей нужно было узнать ответ.

Когда дверь Серены открылась, она так быстро развернулась, что споткнулась о свою длинную юбку и потеряла равновесие. Ее поймал ее страж Като.

Глаза Серены расширились. Она не видела Като со времени злополучного ужина с лордом Сильвором и лордом Луэзом. С этого момента ее охраняли Братья Стефана, а не кто-либо из ее обычных стражей, а ее служанки были заменены Сестрами.

— Как ты…?

— Король Стефан слег в постель, Ваше Высочество. Многие Братья были отправлены ухаживать за ним, поэтому стражей попросили следить за вашей комнатой. В основном это были люди короля Стефана, но я дружу с несколькими, так что мне удалось прийти, — Като тяжело дышал, и его щеки порозовели, будто он бросился в ее покои так быстро, как только мог.

Никогда еще Серена не была так рада видеть дружелюбное лицо и так тронута его попытками увидеть ее.

— За мной сейчас следят?

Като сглотнул.

— Да, многие из людей короля Стефана. Но они не такие, как Братья.

— Они позволят мне уйти? — спросила Серена.

— Не думаю, что они это сделают, ваше высочество, — сказал Като. — Это люди Стефана. Но я должен был прийти и проверить вас. И я должен был рассказать вам о вашем брате.

— А о моем брате… Он умирает? — Серена наклонилась к своему страже. Она не верила, что будет желать смерти своему младшему брату, но так вышло, она надеялась, что его жестокому правлению скоро придет конец.

— Так говорят, — признал Като.

— А что насчет лорда Зимина и генерала Аренцы? Где они?

— Их не видели в Крепости Несры с похорон королевы Марии, ваше высочество. Некоторые говорят, что они бежали из Реялона, потому что предали корону.

Серена выпрямила спину и сжала в кулаках юбку платья. Значит, они бросили ее в час нужды. Они должны были стать ее союзниками, но оказались трусами. Серена покачала

головой. Королевством руководили трусы, все до одного. Но она не будет трусихой.

— Отведи меня к королю, — приказала Серена.

Като открыл рот.

— Но, ваше высочество, я не думаю…

— Я должна пойти к моему умирающему брату, — Серена прошла через комнату к открытой двери. — Вы все должны отвести меня к моему брату. Я хочу выразить свое почтение.

Два солдата с мощными челюстями уставились на нее пустыми глазами.

— Наш приказ — держать вас здесь, ваше высочество.

— Мой брат, *король*, умирает. Вы не думаете, что он хотел бы увидеть свою сестру в последний раз?

Двое солдат посмотрели друг на друга, а затем снова на Серену. Тот, что справа, с самой толстой челюстью, сказал:

— Но это не то, что приказал король…

— Король на смертном одре, — сказала Серена, вскинув голову. — Вы знаете, кто следующий в очереди на трон?

— Эм, вы, ваше высочество? — сказал тот, что слева, чей шлем казался слишком маленьким для его толстой головы.

— О, ты умный. Верно. Я. И если вы вежливо сопроводите меня к покоям моего брата, я буду очень-очень благодарна, — Серена широко улыбнулась, добавляя намек на зубы, на всякий случай.

— Сюда, ваше высочество.

Два солдата поспешили по коридору, их броня гремела. Серена услышала тихий смех Като за ней. Он не знали, как ее сердце колотилось об ребра, и как ее мутило от страха. Они не видели пот над ее верхней губой, на ее ладонях. Она продолжала идти по Крепости Несры с высоко поднятой головой, а потом… потом она почувствовала, как кто-то потянул ее за руку. Сердце Серены дрогнуло, когда она потянулась к Като, который мягко сжал ее руку. Она почувствовала гладкую прохладу металла, помещенного в ее руку. Это был нож, точно; Като дал ей нож.

Серена быстро подняла маленький кинжал вдоль предплечья и спрятала его в рукаве платья. На ней было одно из ее самых пышных платьев, которое выбрала ее новая служанка. Она была благодарна за это.

Двое стражников остановились у входа в покои короля, которые охраняли четыре Брата с кинжалами и железными дубинками на поясе.

— Принцесса Серена просит встречи с королем Стефаном, — сказал страж с большой головой и маленьким шлемом.

— Король не принимает гостей, — ответил Брат.

Страж повернулся к Серене, и она прошла вперед, чтобы встретить Брата.

— Я слышала, что мой дорогой король Стефан тяжело болен, и я хочу выразить ему свое почтение, — сказала она самым сладким голосом и широко открыла глаза. Ей не нравилось использовать такие инструменты, но она видела, как ее мать использовала красоту, чтобы добиться своего, и она видела, как мужчины реагировали на эту уловку. Это было эффективно. — Я уверена, что вы понимаете, будучи Братом Ордена. У вас много братьев, все вам дороги. Что ж, к сожалению, если Просвещенный Бог не вмешается, у меня останется только один брат. Я отчаянно хочу увидеть короля Стефана в постели. Я не смогу

жить, если у меня не будет возможности попрощаться.

Братья колебались, но Серена терпеливо стояла, аккуратно сложив руки перед юбкой. Пока они совещались, она скрыла нож в рукаве. Что она собиралась с ним делать? Она понятия не имела. Она плохо соображала, когда брала у Като кинжал, а теперь шла в покои короля с оружием в рукаве. Была ли она дурой? Или она была смелой?

Двери открылись, и Серена вошла. Запах комнаты ударил по ней сразу же. Она почувствовала запах инфекции своего брата. Два Брата стояли с закрытыми глазами, склонив головы, рядом со столом Стефана. Они даже не заметили ее, когда она прошла мимо них к кровати Стефана. С Като позади нее она прошла под аркой, которая отделяла спальню Стефана от его приемной. Именно там она увидела его и тихо ахнула.

Ее младший брат был бледной, худой, сморщенной оболочкой человека, окруженной множеством вещей и людей. Братья склонились над ним, шепча в молитве. Кровать была завалена окровавленными тряпками и мисками с желто-зеленой жидкостью, вонявшей так, что Серену тошнило. Простыни были в медицинских инструментах — длинных тонких кусках металла с острыми концами и окровавленными иглами. На мгновение Серене захотелось развернуться и выбежать из комнаты, но тут ее увидел брат Миккел и указал на нее.

— Схватить принцессу! — приказал брат Миккел. Брат потел в мантии. Его уставшие глаза налились кровью и вылезли из орбит. Мужчина выглядел диким, почти невменяемым. Серена сделала шаг назад.

— Нет, — прохрипел Стефан. — Я хочу знать, почему моя сестра навестила меня, — дыхание Стефана было затруднено. Он был обнажен до пояса, и Серена могла видеть множество шрамов на его коже. Они истекли кровью.

— Я пришла посмотреть, как ты, — сказала Серена. — Я беспокоилась о вас, ваше величество.

Стефан издал хриплый, глухой смешок.

— Ты имеешь в виду, что хочешь увидеть, что я болен, чтобы начать согревать мой трон. Вот почему ты здесь, не так ли, дорогая сестра?

Серена задрала подбородок и покачала головой.

— Почему ты не даешь себя любить? — может, в ней было немного пыла Каролины, потому что Серена не хотела больше следить за словами. Она заметила, что Като придвинулся к ней ближе. — Вы удерживали меня в покоях три дня, Ваше Величество. Я здесь, чтобы сказать, что я больше не буду в плену. Ты больше не годишься для правления. Ты умираешь, Стефан. У тебя чума, и ты умираешь. Всему этому пора положить конец. Позволь мне править временно. Сделай одно доброе дело как король. Отмени эти нелепые браки и позволь мне править. Я лучший выбор для королевства, и в глубине души, знаю, ты это понимаешь.

— Ты не достойна править Эсталой! — Брат Миккел взорвался. — Твой отец никогда бы не позволил женщине править.

— Мой отец прислушивался к совету, и он прислушивался к своим женам и дочерям. Он понимал нашу ценность, — это было не совсем так, но Серене надоело, что с ней разговаривают свысока. Ей надоели мужчины, говорящие ей, что она может и чего не может делать. Ей надоело, что ее домом управляли мужчины, которые хотели причинить дому вред. — Стефан, прислушайся к моим словам. Я не желаю тебе зла, но я люблю королевство и не буду смотреть, как оно рушится у меня на глазах из-за того, что ты не смог или не

захотел исполнить свой королевский долг, — она подошла к кровати и опустилась на колени рядом с братом, не обращая внимания на звон металла позади нее, мужчины обнажали свои мечи и кинжалы. — Ты не хочешь этого делать. Отмени браки. Сделай меня управляющей здесь и сейчас.

— Не делайте этого, Ваше Величество, — сказал брат Миккел. — Ваша сестра не та кем кажется. Она соблазнила свою охрану и половину двора. Она шлюха, и ей нельзя доверять.

Серена посмотрела на брата.

— Это ложь! Я не брала в свою спальню ни одного мужчину. Откажись от своих слов!

— Не стану, — сказал брат Миккел. — Я говорю правду, и меня не заставят замолчать.

— Хватит! — вмешался Стефан. Сила его слов вызвала у него приступ кашля. Он склонился и откашлял гадко пахнущую жижу из горла, вытер рот ладонью, пока Брат быстро убрал за ним. — Братья, проводите мою сестру в ее спальню. Она останется там до свадьбы с лордом Луэзом. Я не на смертном одре, сестра. Как бы неудобно это ни было для тебя, я останусь. А теперь схватите ее!

Серена поднялась на ноги и отшатнулась от кровати.

— Нет! Ты не можешь… Стефан, пожалуйста! — прежде чем она сообразила, что делает, она выхватила кинжал из рукава и провела лезвием по щеке Брата. Она ударила еще раз, попав другому по плечу, из раны брызнула кровь, и она упала на каменный пол Крепости Несры.

А потом все стало как в тумане. Като обнажил свой длинный меч и сразил Брата с кровью на щеке. Ее страж повернулся, поднял меч и вонзил его в грудь другого Брата. Серена закричала, когда Братья бросились на ее стража, мужчину, который был чуть старше мальчика, который рисковал своей жизнью, чтобы прийти в ее покои только для того, чтобы убедиться, что она в порядке. Она закричала, и крик эхом разнесся по залу, прорезав наполненный зловонием воздух, когда меч Като пронзил грудь его врага. Ее храбрый страж сражался хорошо и храбро, но он был один против многих.

Серена попыталась подбежать к нему, но ее схватили за руки и оттащили подальше от драки. Кинжал выпал из ее пальцев, и она упала на колени. Ее волосы выбились из косы и упали ей на глаза, но когда она подняла голову, прядь волос сдвинулась, позволяя ей увидеть конец боя. Брат вонзил свой кинжал Като в грудь. Она все еще кричала, его били железными дубинками, пока он не упал лицом вперед на холодный твердый камень.

Кровь медленно заполняла щели между каменными плитами, просачиваясь по земле к ее коленям, и Като умер.

23

ЛУКА

Лука провел пальцами по тонкой коже, гладкой на ощупь и сильно пахнущей землей. Он поднял бриджи со стола и проверил их руками. Они были податливыми, но крепкими, хорошо смазанными и не сковывали движений.

— Эта броня… — он не мог подобрать слов.

— Это не доспехи, — сказала Таня. — Но это можно надеть поверх кольчуги. Я сама следила за пошивом. Кто бы мог подумать, что в Золотом дворце есть такой хороший кожевник? Я думала, все они носят в бою чистое золото, но ошибалась, — она усмехнулась.

— Это прекрасный подарок, — Луку переполняли эмоции, поэтому он поднял кожаный жилет и пальцами изучил пряжки.

— За это заплатила не я, а лорд Тиниан, но я позаботилась о том, чтобы они все сделали правильно. Смотри, рукавицы закрывают тыльную сторону твоих рук, но оставляют ладони открытыми. Таким образом, можно легко владеть огнем. Я знаю, что дар менти легче применять без помех в виде ткани.

— Я не знаю, что сказать, — Лука покачал головой и, наконец, оторвал взгляд от прекрасной кожаной брони, чтобы встретиться взглядом с Таней.

Она тут же отвернулась, пожав плечами.

— Это всего лишь кожа. Мне жаль, что нельзя больше, хотя сверху можно надеть куски вареной кожи, а лорд Тиниан предоставил прекрасную кольчугу под нее.

— Швы прекрасны, — рассуждал Лука. — Кто эта фигура на груди?

— А-а, это Скальда, Бог Огня. Он носит корону пламени. Некоторые говорят, что силы менти исходят от Древних Богов, Стихийных Богов.

— Если это правда, от какого Бога ты получила свои силы? — спросил Лука.

— Райния, богиня воды. Она правит морями, наполовину женщина и наполовину змея, и заманивает мужчин на смерть своей песней. Моряки до сих пор поклоняются Райнии. Вот почему так много женщин-змей на носу лодок в Золотом порту.

— Их не позволяли в Эстале, — сказал Лука. — Мой отец никогда не позволял жителям Эсталы поклоняться богам менти. Был только один Бог, Просвещенный Бог, и его младший брат, принц Аниос. Когда-то Просвещенная вера помогала нам прогрессировать в исцелении и мышлении, но теперь я слышу, что мой брат Стефан останавливает этот прогресс. Мое царство превратилось в место страха. Люди боятся всех и всего вокруг себя.

Таня положила руку ему на плечо.

— Ты покажешь им, как быть храбрыми. Ты настоящий король, и твой народ признает это.

— Они будут бояться меня так же, как Стефана, чумы и менти. Я не уверен, что смогу это изменить, когда сниму своего брата с трона, — Лука положил броню на стол в оружейной.

— Ну же, давай перестанем говорить о таких тяжелых вещах. Пришло время проверить доспехи, король Лука, — когда Таня улыбнулась ему, на ее правой щеке появилась ямочка. Раньше он этого не замечал, но это было весьма очаровательно.

Ему пришлось отвлечься от ямочки на достаточно долгое время, чтобы отнести новые доспехи в свои покои и переодеться с помощью оруженосца, предоставленного лордом Тинианом. Во дворе Лука выбрал тренировочный меч и побежал к Тане и Нико, которые уже тренировались с деревянным мечами и щитами. Нико парировал удар Тани и уклонился от другого, после чего сделал ложный маневр и попал Тане по ребрам, прежде чем она смогла поднять свой щит.

— Ты намного лучше, когда твой отец не смотрит, — заметил Лука.

— Ты так думаешь? — Нико остановился, запыхавшись и покраснев. Таня ударила его мечом по голове, и он нахмурился, а она расхохоталась. — Это не было почетным ударом.

— Я — не благородная леди, — возразила Таня.

— Моя очередь, — сказал Лука, поворачивая меч в руке.

Таня вытянула руки и покрутила головой из стороны в сторону.

— Как пожелаете, ваше величество, — она саркастически сделала реверанс, и Нико усмехнулся.

Лука знал, что не тренировался с тех пор, как они прибыли в Золотой Дворец, и боялся, что все забыл, но новая броня помогала ему, подстраиваясь под его тело. Он с легкостью парировал первый удар Тани, прежде чем опуститься на колено и сделать выпад вверх. Его меч встретился с ее, отталкивая его. Лука откатился, восстановил равновесие и вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы поднять щит. Таня не сдерживалась, что ему очень нравилось.

Она отскочила от него, когда он рассек воздух своим мечом, подходя справа, чтобы нанести удар, но Таня была быстрой, как кошка, отпрянула от него, поддерживая его движение и используя всю его энергию. Он знал, что она сражается, используя свое легкое тело, утомляя врага, поэтому изменил тактику, пытаясь понять, куда она двинется дальше. Он смотрел на ее ноги и на то, как она двигала телом, пытаясь предугадать место ее следующего удара и как ему противостоять. Он отгонял ее к стене замка.

Наконец, Таня начала нападать, нанесла удар по щиту Луки. Он обнаружил, что отступал, пока парировал ее удары, но на его стороне была сила, и он сопротивлялся. Но когда он как раз наносил удар слева, она пригнулась и перекатилась между его ног. Лука, спотыкаясь, шагнул вперед, выпрямился и развернулся.

— Слишком медленно, — сказала она с ухмылкой.

Ее меч двигался почти как хлыст, заставляя Луку поднять щит. Но на этот раз он не стал рисковать. Он встретил ее удар, но поднял щит и надавил на ее меч. Внезапный толчок выбил Таню из равновесия, и она упала на задницу, ругаясь на ходу.

Лука поднял меч, чтобы направить на ее шею, когда ее нога вылетела из-под него. Все, что он мог сделать, это отбросить меч, чтобы не ударить ее им по горлу. Его глаза расширились, он упал на нее со щитом и всем остальным. Какое-то время он лежал там, ошеломленный, лицом в нескольких дюймах от ее, вдыхая ее медовый запах. Но потом он оторвался от земли.

— Я мог убить тебя! — Лука в гневе швырнул свой щит на пыльную землю.

— Это был тренировочный меч, — Таня встала и отряхнулась.

— Я целился мечом тебе в горло. Если бы я не бросил его вовремя…

— Я бы ушла с дороги, — сказала она, пожав плечами.

— Вы друг друга стоите, — сказал Нико. — Вы оба вели себя как на поле боя. Мой отец испепелил бы вас, — он прислонился к деревянному манекену-мишени и улыбался от уха до уха.

— Что ж, хорошо, что его здесь нет, — сказал Лука. Он сердито отряхнул свою новую броню и поймал улыбающуюся ему Таню. Лука знал, что он тоже улыбнется, если взглянет на нее, поэтому сосредоточился на том, чтобы стряхнуть с доспехов каждую пылинку.

— Ваше Величество.

Лука не мог привыкнуть слышать эти слова в свой адрес. Он поднял голову и увидел лорда Тиниана, спешащего через двор с куском пергамента, трепещущим между пальцами.

— Ваше величество, вы должны скорее подойти. У нас известие из Реялона.

Все мысли о Тане и ее бесчестных боевых приемах исчезли из его головы. Он поспешил вслед за лордом Тинианом в крепость. Хотя лорд был старше и крупнее, он шел быстрыми широкими шагами, а его длинная мантия шуршала по мраморному полу. Лорд Тиниан двигался с такой настойчивостью, что его сердце затрепетало. Что может быть так актуально? Война началась? Он собирался драться? До сих пор он встречался только с двумя командирами Тиниана, и ему все еще нужно было работать с ними над тактикой. Он не чувствовал себя подготовленным.

Он оглянулся, гадая, шли ли за ним Таня и Нико. Они шли, но держались в стороне, позволяя Луке идти с лордом Тинианом. Лука почувствовал себя странно, будучи впереди своих друзей с членом Золотого Совета. Хотя он знал, что у него была ответственность перед Эсталой, он все еще чувствовал себя парнем, которому следовало бы проводить дни, возясь с тренировочными мечами и щитами. Матиас так не думал. Он должен был больше походить

на своего старшего брата. Он должен был подняться и заявить о своей судьбе. Когда они вошли в Кабинет, остальные члены Золотого Совета уже ждали.

Лорд Тиниан бросил пергамент на стол перед остальными лордами.

— Это срочная записка от принцессы Серены. Король Стефан выдает ее замуж за лорда против ее воли. Он также нашел пару для Каролины, младшей сестры. Она считает, что Стефан боится, что Серена заберет у него корону. Он все еще болен и у него паранойя.

— Могу я прочитать письмо?

Лорд Тиниан кивнул.

В письме содержалась вся информация, которую передал лорд Тиниан. Серена казалась испуганной; ее ладонь смазала буквы, хотя он узнал ее почерк. Письмо было создано наспех, что не предвещало ничего хорошего. Если Серена торопилась, это означало, что она опасалась за свою жизнь, или за жизнь Каролины, или за то и другое. Возможно, за ней следили шпионы Стефана.

— Она кажется испуганной. Моя сестра редко боится. Но она возраста брака. Почему ее так пугает мысль о замужестве? — спросил Лука.

— Мы все должны быть обеспокоены, — ответил лорд Тиниан. — Муж усложняет ее претензии на престол. Это ослабляет ее позиции и приближает Орден Понимания на шаг к тому, чтобы захватить власть в случае смерти вашего брата. Мне кажется, что король Стефан начинает принимать меры, чтобы его сестра не смогла претендовать на трон в случае его смерти, и он действует быстро, потому что считает, что время может быть на исходе. Все это время вы находитесь в Зантосе, изгнанный из Эсталы. Нам нужно изменить это. Если вы тут, когда умрет ваш брат, и ваша сестра в это время выйдет замуж, то это дает Ордену возможность захватить власть.

— Вы хотите действовать? Сейчас?

— Да, — сказал лорд Тиниан.

Остальная часть совета кивала. Лука чуть не выронил пергамент, но вместо этого опустил его. Лорды были правы. Он должен был помочь своей сестре. Серена всегда хорошо к нему относилась, а Каролина была совсем ребенком. Было бы неправильно, если бы их заставляли выйти замуж против их воли. В его голове вспыхнул образ генерала Унны, забирающего Реву из Крепости Несры, и Лука почувствовал, как кровь прилила к его щекам. Он не допустит, чтобы это повторилось.

— Как скоро мы сможем отплыть в Зантос? — спросил Лука.

Лорд Тиниан улыбнулся.

— Завтра.

24

КАРИНА

Память Карины о Сестрах из Садов Аниоса была ясна, как никогда. Она не думала, что когда-нибудь забудет лица сестры Валерии, сестры Лори или сестры Мелли. Она выбрала сестру Лори, поскольку, по крайней мере, Лори иногда ходила по Эстале, помогая красть девушек-менти для порабощения.

У них было два комплекта одежды. Один они украли у Сестры после того, как освободили двух девушек-менти на Торговой дороге, когда они путешествовали с Ревой. Рохеса и Лотти связали Сестру и оставили ее там, потому что не могли убить женщину. Карина могла использовать ее личность, но она так и не узнала имя Сестры и боялась, что раскроет свою истинную личность. По крайней мере, здесь она могла придумать какую-нибудь правдоподобную историю.

Другой комплект одежды они украли, одежда сушилась в саду фермы к югу от реки Ланти. Они покрасили его растительным красителем, чтобы получить правильный синий цвет.

Был разговор о том, как заставить Сестер открыть ворота. Карину беспокоила мысль о том, что все они войдут одновременно, и она придумала притвориться раненой, чтобы они открыли ворота ей одной. Но это было правдоподобно только в том случае, если Карине действительно было больно, и ей понадобится вся ее энергия, чтобы помочь женщинам в лагере. В конце концов, они решили, что Карина будет играть сестру Лори, а Рохеса будет как еще одна сестра, которую они могли выдать под другим именем. Лотти и Эмилия были двумя женщинами-менти, которых они схватили. Их история будет заключаться в том, что сестра Лори должна была отвести двух женщин в сады под горами Тасме, но на них напали бандиты, которые украли их оружие и припасы. Рохеса все еще была в синяках после драки с ворами, что, по крайней мере, добавляло правдоподобия их истории.

Они связали руки Лотти и Эмилии веревкой — железа у них не было, так что приходилось надеяться, что сестры не будут в этом сомневаться, — и медленно пошли к воротам, пробираясь по размякшей тропинке. Карина еще никогда так не волновалась, даже когда они сбежали из Садов Аниоса. Но когда они были узниками, им было нечего терять, а теперь они могли лишиться свободы. Или жизни. Но она не могла повернуться спиной к рабам в этих стенах. Рева не стала бы, и именно так Карина знала, что поступает правильно.

Она начала песню Аниоса, пела высоко и ясно под облачным небом. Рохеса присоединилась к ней, ее голос дрожал от страха. Карина старалась не смотреть на стражей на башнях, глядящих на них. Что они думали? Будут ли они пускать стрелы?

Исцели меня, Аниос.

Песня продолжалась по мере того, как они приближались, пока страж не закричал.

— Стойте!

Они остановились.

— Сегодня мы не ждем сестер, — крикнул охранник. — Кто вы и что вы здесь делаете?

— Я сестра Лори, — сказала Карин. — Я шла в Сады Аниоса в горах Тасме с сестрой Аной и этими двумя нарушителями закона, когда на Торговой дороге на нас напали бандиты. Они забрали нашу еду и имущество. У нас есть только одежда на нас. Не могли бы

вы предоставить убежище во имя Аниоса?

Было слишком далеко, чтобы разглядеть выражение лица стража, но Карина почувствовала его колебания. Ее сердце билось так быстро, что она чувствовала это в пальцах, и она знала, что вся дрожит от страха.

— Подождите, — крикнул страж, прежде чем исчезнуть с башни.

Взгляд Карины блуждал по высокой стене. Хотя один страж ушел, еще несколько человек стояли со стрелами в длинных луках. Они не доверяли ей ни капельки, да и не должны были. Она переминалась с ноги на ногу, ожидая стража, Рохеса мягко опустила ладонь на сгиб ее локтя, чтобы успокоить. Карина глубоко вдохнула и надеялась, что пот на ее лбу сойдет за туман, спускающийся с облачного неба.

Когда ворота открылись, скрип замков заставил Карину вздрогнуть. Но она подняла голову и разжала кулаки, сжатые в ожидании стража. Она заставила себя расслабить плечи и хотя бы попытаться подражать непринужденным манерам сестры Лори.

Сестра, которую Карина никогда раньше не видела, вышла из ворот, сопровождаемая двумя стражниками, держащими руки на рукоятях мечей. Карина улыбнулась Сестре, надеясь, что она передала то же выражение лица, которое всегда было у Лори, когда она гуляла по Садам Аниоса.

— Сестра, как я рада, — сказала женщина, поднимая свою одежду из грязи. — Сколько времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз?

— О, конечно, слишком долго, — сказала Карина, надеясь, что у нее в глазах тот же огонек, что был у Лори, когда она шутила.

Сестра захихикала. Она была слишком стара, чтобы хихикать как девочка, ее глаза были налитыми кровью, а румяные щеки были в морщинах.

— Ты всегда смешила меня. Итак, в какие неприятности вы попали, и кто такая сестра Ана? Мы не встречались.

— Сестра Ана присоединилась к нам две недели назад из Реялона. Ее лично выбрал добрый король Стефан, — сказала Карина, почти встревоженная тем, как легко ложь слетала с ее языка. Может, ее мать была права насчет нее все это время. Может, она действительно была демоном в девичьей шкуре. — Сестра, я рада тебя видеть. Бедная сестра Ана пострадала от рук грозных бандитов, которые украли у нас на Торговой дороге. Мы голодны и в синяках. Мы в твоей власти.

— Я это вижу, — сказала Сестра, внимательно рассматривая их. Карине хотелось, чтобы она знала имя Сестры, чтобы называть ее по нему. — Пусть Аниос сразит их. Воровство у святых сестер — поистине ужасное преступление. А что у вас здесь? — Сестра указала на Лотти и Эмилию.

Карина грубо толкнула Эмилию вперед.

— Это две карманные воровки, которых мы поймали возле Башен Авалона. Они не менти, но без сомнения лишились бы рук, если бы остались в королевстве. По крайней мере, в Садах они пригодятся.

— Без железа? — спросила Сестра.

Карина покачала головой.

— Мы берегли железо для настоящих менти. Когда бандиты напали, они забрали все. Несомненно, они продадут цепи кузнецу за копейки.

Сестра кивнула.

— Вы должны войти и отдохнуть. Я прикажу сестре Алине зарезать курицу в вашу

честь.

— Вы так добры, — сказала Карина. И все же ей хотелось бы знать имя этой женщины. Как долго она сможет не называть Сестру по имени? Без сомнения, вскоре это станет подозрительным, тем более что она не познакомила женщину с Рохесой. Карина чувствовала, как пот бежит по ее спине, но пыталась не обращать внимания на сковывающий страх и вместо этого осмотрела тюрьму как можно сильнее.

Ворота закрылись за ними, оставив их в маленьком дворе, похожем на двор в Садах Аниоса. Планировка была немного другой, но там была небольшая крепость, предположительно, где спали Сестры, сторожевая башня и несколько хозяйственных построек. Карина видела мертвые глаза девушек, стирающих белье, выметающих грязную солому из загонов для животных и несущих корзины с яйцами, все время звеня цепями. Когда они направились к крепости, Карина увидела край зеленого загона за зданиями. Ей казалось, что за стеной были посевы. Не было внешней стены, подобной Садам, из которых она сбежала. По крайней мере, это сделало бы побег более простой задачей, хотя у них было меньше времени на организацию. Она не могла вечно притворяться сестрой Лори.

Прежде чем они добрались до крепости, сестра остановилась и махнула рукой одному из стражников.

— Сопроводите заключенных в сарай и убедитесь, что они закованы в кандалы.

Желудок Карины сжался. Она ожидала, что это произойдет, но реальность заставила ее бояться. Что, если они потерпят неудачу? Лотти и Эмилия будут в цепях. Она поймала взгляд Лотти и постаралась не удерживать его слишком долго, но в глазах Лотти мелькнул страх.

— Девочек нужно накормить, чтобы они были сильными для завтрашней работы.

Глаза Сестры загорелись.

— Да, сестра Лори, вы правы. Нет смысла терять способных работников даже на минуту. Мы заставим их работать здесь, пока вы не поправитесь достаточно, чтобы вернуться в Сады в горах Тасме. А теперь давайте поедим, и вы расскажете мне все о своем путешествии. И я надеюсь узнать вас поближе, сестра Ана, — женщина повернулась к Рохесе.

Карина обнаружила, что дрожит, когда Лотти и Эмилию увели, а остальные направились в маленькую крепость. Карина никогда раньше не видела, как жили Сестры, но замок оказался уютным, со шкурами на сиденьях, в общей комнате ревел огонь, а со стен свисали гобелены с изображением Аниоса. У главной двери стоял страж, а также стражи ходили по коридорам. Ей было интересно, сколько король заплатил за всю эту охрану. Стоило ли? Сколько денег заработали рабы короны? Сколько еды они приготовили здесь? Сколько нормальных людей Эсталы прожили свои дни, не зная, что хлеб, который они ели, был из рук раба? Сколько лордов и дам носили сшитую ими одежду?

— Сядьте у огня, Сестра Лори, — сказала женщина. — Я велю принести хлеба и молока.

Она кивнула и вышла из комнаты. Карина выдохнула с облегчением.

— Что мы будем делать? — прошептала Рохеса. — Повсюду охрана. Даже если мы добудем ключ, стражи нападут, как только увидят, что девушки убегают.

— Мы должны сделать это ночью, — сказала Карин. — И мы должны вывести из строя стражей на нашем пути.

Рохеса жевала ноготь большого пальца, глядя на поленья в огне.

— А как же Сестра? Ты сможешь продержаться остаток дня, даже не зная ее имени? Она поймет, что что-то не так.

— Мы должны быть глазами и ушами, — ответила Карина. — Узнай, как ее зовут. Слушай Сестер вокруг нас.

Но все, что Карина могла слышать, это потрескивание огня и шуршание мантий, когда Сестры проходили мимо. Вокруг них не собирались женщины, раскрывающие секреты тюрьмы. Стражи не сплетничали, проходя мимо. Место было тихое. Слишком тихое.

«Что, если они уже подозревают нас?» — задумалась Карина.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Сестра вернулась с двумя горячими тарелками похлебки. К тому времени Карина насчитала в замке еще пять Сестер, ни одна из которых не остановилась, чтобы поговорить с ними, но смотрела на них, с подозрением щурясь.

— Скажите, сестра Лори, вы видели девушку с загорелой кожей и темными волосами? У нее карие глаза. Она путешествует со стройной блондинкой с кожей цвета меда.

Карина чуть не подавилась похлебкой, когда вопрос возник из ниоткуда.

— Мы не видели этих девушек.

— Мы тоже, — ответила Сестра.

Похлебка в руках Карины больше не пахла соблазнительно. Это вполне могла быть чаша с червями. Если они искали Реву, значит, они ее не схватили. Ее глаза обжигали слезы, но Карина знала, что Сестра наблюдает за ней, и знала, что она не могла показывать никаких эмоций.

— Вы описываете убийц сестры Валерии, — сказала Карина. — Вы забываете, что я была близка с сестрой Валерией. Мы вместе работали в Садах в горах Тасме. Эти убийцы забрали у нас прекрасную женщину и оставили Сады в клочьях. Вот почему я с сестрой Аной ищу новых работников.

Сестра медленно кивнула.

— Вы, должно быть, проголодались, Сестра. Не дайте похлебке остыть.

Это была проверка? Ей было трудно сосредоточиться. Ревы здесь не было. Они прошли весь этот путь зря. Карина неохотно зарылась в похлебку ложкой и взяла немного в рот.

— Вкусно, — она улыбнулась, думая о Реве, где-то там, в мире, а не в этой тюрьме. Что они сделали? Она должна была думать о девушках, которых они собирались освободить. Если они могли. Карина проглотила похлебку. Они совершили ошибку, придя сюда. Настоящего плана не было. У них не было Ревы, чтобы напугать Сестер и заставить их освободить заключенных. Она была дурой, полной дурой, если думала, что сможет сделать это без Ревы.

— Говорят, девушка, убившая сестру Валерию, — мерзкая тварь с чешуей на коже и пламенем вместо языка. Говорят, она — какой-то дракон и что она сожгла половину порта Монте.

— Пусть Аниос заберет ее, — пробормотала Карина. Она уставилась на свою тарелку, пытаясь заставить себя не позволить рукам дрожать. — Да рассудит их всех Аниос.

— Верно, — сказала Сестра. К облегчению Карины, она сменила тему и начала расспрашивать Рохесу о ее происхождении. — Я слышала, вы были избраны королем Стефаном. Какая честь.

— Да, Сестра. Я работала в храме за пределами Реялона, когда меня выбрали для двора Крепости Несры. Пока я была там, было решено, что я присоединюсь к Садам Аниоса распространяя слово Просвещенных и захватывая тех, кто их оскверняет.

— Я сама работала в Реялоне, — сказала Сестра. Она расслабилась в кресле у огня, вытянув ноги к теплу. Но Карине казалось, что она все еще испытывает их каждым словом. — Как назывался храм?

— О, это был очень маленький храм в деревушке, я уверена, что вы никогда о нем не слышали, — ответил Рохеса. — Храм Салзиса — я говорю «храм», на самом деле это была скорее глиняная хижина. Но мы были набожны в нашем поклонении, — яркая улыбка Рохесы была напряжена в уголках

— Вы правы, я никогда не слышала о храме Салзис, — сказала Сестра. — Как странно, что такую молодую женщину, как вы, выбрали из маленького деревенского храма.

Карина услышала, как Рохеса сглотнула. Но вскоре Рохеса взяла себя в руки и продолжила:

— Король Стефан всегда ищет набожных последователей Аниоса. Он широко ищет подходящего кандидата.

— Король Стефан достоин хвалы, — сказала Сестра.

Карина заставила себя соскоблить остатки мяса из миски. Она улыбнулась и сказала:

— Это было восхитительно, сестра. Я благодарю за гостеприимство, но у нас был очень длинный день. Думаю, нам пора уходить на покой, если у вас есть кровати для нас.

Сестра встала и потянулась.

— Конечно. Пойдемте за мной. Вы можете оставить свои тарелки на столе, мы их уберем позже.

Карина сделала, как ей сказали, задвинула стул под стол и расправила юбки. Все время она чувствовала на себе взгляд Сестры, наблюдающей за каждым движением.

— Я могу себе представить, как вы устали, — сказала Сестра, шагая по замку. У женщины были длинные ноги и широкие шаги. — Вы прошли трудный путь. Но все кончено, и теперь ты можешь отдохнуть.

— Еще раз благодарим вас за гостеприимство, — сказала Карина.

Сестра свернула за угол и продолжила путь через крепость.

— Вы знали, что у грязной девицы, убившей сестру Валерию, была подруга, которая, по-видимому, может принимать любую форму? Говорят, она может подражать кому угодно.

Холод пробежал по коже Карины.

— Я этого не знала, — ее горло пересохло, она едва выдавила слова.

— Вы знали это, сестра Ана? — спросила Сестра.

— Нет, — сказала Рохеса, ее верхняя губа дрожала. — Не знала.

Сестра остановилась и повернулась в узком коридоре к ним обеим.

— К нам поступали сообщения о том, что грязная менти выдавала себя за Сестру. Эта ложная сестра пытается освободить заключенных до того, как огромный зверь обрушит огонь на наших святых Сестер.

— Это… я н-н-не з-знала… об этом, — Карина сделала шаг назад, потянувшись к каменной стене дрожащими пальцами.

Но Сестра сделала еще шаг, чтобы закрыть брешь.

— Жаль, сестра Лори, потому что это увлекательная история. И вот мы в ваших покоях. Мы рады видеть вас здесь, сестра Лори, но, боюсь, у меня есть условие, чтобы предоставить вам кровати. Мы встречались много раз, сестра Лори, так что вам не составит труда ответить на этот вопрос.

Карина облизнула пересохшие губы.

— Какой вопрос?

Сестра наклонилась вперед.

— Как меня зовут?

Это произошло в мгновение ока. Руки Сестры схватили Карину, а Рохеса превратилась в пантеру. Рохеса бросилась к Сестре, но раздался ужасный вой и свист стрелы, за которыми последовал визг и удар. Карина звала Рохесу, когда ей на запястья надели кандалы. Стрела попала подруге в плечо, сбив ее с ног, но Карина не могла сказать, была ли рана смертельной. Она боролась со стражами, они оттаскивали ее от Рохесы, которая неподвижно лежала на полу в коридоре. Карина закричала, и ее маска пропала. Она больше не была сестрой Лори, она была Кариной, и она снова была рабыней.

25

РЕВА

В последующие дни Рева нашла утешение в похожем на пещеру зале, где Сэм учил ее дышать огнем. Это было единственное место, где она могла чувствовать солнце на своем лице и ощущать ветер в волосах. Это было единственное место, где она могла расправить крылья и полететь, но, несмотря на свободу, которую она чувствовала как дракон, она все равно чувствовала себя птицей в клетке. По крайней мере, она узнала больше о полетах в клетке с похитителями, чем вне ее.

Рева хотела бы знать Сэма при других обстоятельствах. Ей бы очень хотелось узнать, других драконов. Драконов, с которыми она могла учиться, расти и разделять жизнь. Но Сэм и его семья разрушили возможность для дружбы, похитив ее и заперев в крошечных пещерах.

Когда начались дожди, Рева все же пошла в большую пещеру и посмотрела на естественное окно в каменной крыше. Оно было слишком мало для нее, чтобы пролезть как дракон, но она задавалась вопросом, сможет ли она пролезть сквозь него как человек. Дождь омывал ее кожу, промочил одежду.

— Опять думаешь о побеге?

Голос резко вырвал ее из размышлений, дав Реве мало времени, чтобы прийти в себя, когда она столкнулась лицом к лицу с одним из своих похитителей. Карлия стояла у входа в пещеру, прислонившись к стене. Она хмурилась, что делала часто.

— Я удивлена, что ты еще не сбежала, — сказала Карлия, приподняв брови. — Я начинаю верить, что ты хочешь остаться здесь.

Рева открыла было рот, чтобы возразить, но что-то ее остановило. Была ли Карлия права? Рева взглянула на отверстие в скале над своей головой и подумала, не могла ли она уже сбежать, если бы попыталась. Она не пыталась. Когда она была пленницей в Садах Аниоса, она обдумывала все возможные способы побега, прежде чем остановилась на том, который сработает. Почему она не делала этого здесь? Почему она тратила все свое время на то, чтобы учиться летать с Сэмом?

«Потому что мне это нравится», — поняла она. Эта мысль потрясла ее.

— Почему ты не убежала? — наконец, сказала Рева. — Кажется, ты не хочешь быть здесь.

Девушка ухмыльнулась.

— Я не хочу быть здесь, но это лучше, чем бросить семью.

— Ты имеешь в виду семью трусов. Прячетесь здесь, в этих пещерах. Что это за жизнь? — спросила Рева.

— Ты ничего о нас не знаешь, — сказала Карлия. — Ты лишь глупая маленькая девочка, которая думает, что знает кое-что о мире, но ошибается, сильно ошибается. Ты дура. Ты ничего не знаешь об улези и о том, на что они способны.

Рева бросилась к девушке, разбрызгивая дождевую воду по всей земле.

— Они убили моих родителей? Расскажи мне. Они убили их, пока я пряталась от злоумышленников? Они это сделали?

— Я ничего не знаю о твоих драгоценных родителях, — выплюнула Карлия, прежде чем отвернуться.

Рева колебалась. Что-то в глазах девушки заставило ее задуматься. Была ли это вспышка гнева? Вспышка страха? Она видела, как блестели глаза Карлии, как она отвернулась от нее. Могла ли Карлия скрывать информацию о смерти родителей Ревы? Возможно, Карлия знала об улези больше, чем показывала. Возможно, вся семья знала больше.

Карлия начала выходить из пещеры, Рева протянула руку и схватила ее за плечо, но затем она увидела крупную фигуру Арона, идущего к ним, и ее рука опустилась. Карлия отступила, давая Арону возможность пройти в пещеру.

— Девочки, о чем болтаете? — спросил Арон, скрестив руки на груди и широко улыбаясь. У Ревы сложилось впечатление, что в мыслях Арона все молодые женщины говорили только о прическах и куклах, даже девушки в неволе.

— Я считаю, что Карлия знает о смерти моих родителей больше, чем она признает. А это значит, что вы знаете больше. И ты, Сэм, — краем глаза Рева заметила мальчика в коридоре за пределами большой пещеры. — Вы все знаете больше, чем говорите мне. Если улези убили моих родителей, почему просто не сказать мне? Наверняка, вы хотите, чтобы я поняла, почему вы так боитесь улези. Вы хотите, чтобы я была достаточно осторожна и напугана, чтобы держаться от них подальше и оставаться вне поля зрения. Если они убили моих родителей, не думаете, что знание этого меня вразумит?

Арон смотрел на нее с легкой ухмылкой на губах. Несмотря на то, что большая пещера была как банкетный зал крепости, Арон, казалось, сделал комнату меньше. Мышцы его рук

напряглись, он шагнул к Реве, заставив ее отступить на шаг. Реве приходилось сталкиваться с мужчинами более грозными, чем Арон, но она все еще опасалась его размера и осознавала тот факт, что он в любой момент может превратиться в дракона.

— Рева Авалон, ты — та самая девушка, которая стояла передо мной и говорила со стальной решимостью в глазах, что однажды сбежишь из этих пещер? Ты — та самая девушка, которая смотрела на меня с вызовом, прежде чем поняла, что мы не причиним тебе вреда?

Рева кивнула.

— Да. Это была я.

— Тогда ты — та девушка, которая решит преследовать убийц твоей семьи до края известного мира. Ты не думаешь, что я понимаю это больше, чем кто-либо? Улези убили моего ребенка. Я хочу отомстить, но мне нужно защищать остальных членов моей семьи. У тебя не осталось семьи и тебе нечего терять. Это делает тебя опасной, — Арон наклонился до ее роста, его лицо было всего в нескольких дюймах от ее.

Пока Рева обдумывала слова Арона, Сэм провел руками по волосам и покачал головой. Похоже, он был не согласен с отцом. Или, по крайней мере, он был чем-то рассержен.

— Я ошибаюсь, Рева? — сказал Арон.

Рева молчала. Конечно, она хотела бы отомстить за свою семью, но она не могла вернуть их. Больше всего на свете она хотела правды.

— Вы забрали меня у моих подруг и держали в заточении в этой сырой дыре, которую вы называете домом. Вы должны мне правду, и вы должны мне право сделать выбор в отношении моего пути. Я слышала ваши опасения и слышала вашу историю, теперь пришло время рассказать мне, что вы знаете о моей истории.

Арон громко выдохнул.

— Думаешь, ты слышала нашу историю? Нет, — он наклонился к ней, его горячее дыхание было в нескольких дюймах от ее лица. — У меня был еще один сын, и его звали Ливо. Ему было шесть лет, когда улези украли его у нас. Мы уже покинули свои дома и бежали от них, но улези были неумолимы. Они шли за нами по пятам, как охотничьи собаки. Я чувствовал их зубы. Тебя когда-нибудь преследовали, Рева?

Она подумала о людях короля в таверне на рынках Илкты и о том, как эти люди дрались с ее собственной гвардией. Она подумала о Сестрах, преследующих ее по Эстале, желающие заставить ее заплатить за свои преступления.

— Да.

— Нас безжалостно преследовали в течение года или больше, и они все время шли по пятам. А потом, однажды ночью, когда мы разбили лагерь в Южной Ирринтии, они пришли за нами. Шел снег. Ночь была холодная, и на полузамерзших лесных тропах лежала белая пыль. Мы сгрудились у костра, чтобы согреться, когда на нас напали люди-ящеры. Мы превратились в драконов, но в пылу атаки забыли, что Ливо слишком юн, чтобы перевоплощаться. Они схватили его и убежали. Я преследовал их как дракон и как человек, но улези заметали следы. Они двигаются быстрее людей и сливаются с тенями благодаря многоцветной чешуе. Они растаяли в лесу, хотя мы искали несколько дней. Неделями.

— Что случилось с Ливо? — спросила Рева.

— Они прислали нам его сердце, завернутое в одеяло, которое было на нем в ту ночь, когда его похитили, — в голосе Арона почти не было эмоций, но Рева видела огонь в его глазах.

Она чувствовала себя так, будто ее окатили холодной водой. Пальцы дрожали, слезы обжигали глаза, но она не позволяла им пролиться, хотя ей и хотелось.

«Я собираю слезы, — подумала Рева. — Я храню их как имущество».

— Значит, моих родителей убили улези, — прошептала Рева. — Если они поступили так с ребенком, то…

— Улези способны на все, — ответил Арон все тем же монотонным голосом. — Они хотят, чтобы мы умерли. У них в крови мстить тем, кто обрек их на существование. Теперь ты понимаешь, почему мы прячемся. Теперь ты видишь, что ты не можешь жить как дракон там. Пойми, Рева. Либо ты остаешься с нами и живешь так, как Боги предназначили тебе жить, как дракон, либо ты живешь там и забываешь, что когда-то была драконом. Это не так уж плохо. После первого года ты забудешь, как превратиться в дракона. Мне сказали, что это исчезает и никогда не возвращается.

Несмотря на все ее усилия, горячая слеза покатилась из глаза и устремилась по ее носу. Она никогда не испытывала такой свободы, как тогда, когда расправила крылья и оторвала ноги от земли. Это было частью нее, как шрамы на животе и сердце, бьющееся в груди. Могла ли она подавить эту часть себя? Она подняла голову и посмотрела на Сэма. Несмотря ни на что, она сблизилась с ним и не могла думать, что с ним может случиться что-то плохое.

— Мне нужно время, — сказал Рева. — Я останусь здесь, пока не приму решение.

Арон кивнул.

— Думаю, это лучше всего.

— Это улези убили моих родителей, не так ли? — спросила Рева.

— Да, — сказал Арон. — Это они.

Сэм первым вышел из пещеры. По его напряженным плечам Рева поняла, что он чем-то расстроен, вероятно, из-за слов о младшем брате. Рева всегда горевала из-за того, что ей не хватило силы или смелости спасти родителей от убийц, но Рева была ребенком, а не взрослой. У нее не было младшего брата или сестры, но она воображала, что если бы они были, она чувствовала бы ответственность за него или нее.

«Должно быть, Сэм несет тяжелую ношу на своих напряженных плечах», — подумала она.

Когда остальные драконы покинули пещеру, Рева собиралась пойти за Сэмом, поговорить с ним, но обнаружила, что забрела в жилые помещения, используемые другими. Она все еще была мокрой от дождя, и ей хотелось посидеть у костра, который весь день согревал пещеру. И тут жена Арона, Диана, сидела и смотрела на лес внизу. Она всегда сидела близко к узкой щели в стене пещеры, раскачиваясь и напевая тихие песни.

Рива подумала об истории Арона и о том, как жестоко она закончилась. Если бы кто-то из ее детей был жив, и Рева получила одно из их сердец, завернутое в нежное одеяло, она не могла представить, какое горе она испытала бы. Она не могла себе представить, как была бы ранена морально.

Рева взяла шкуру с пола пещеры и подошла к Диане. Она обернула шкуру вокруг плеч и села рядом с женщиной. Диана сидела, подогнув ноги и сутулясь, и очень тихо пела свою песню. Она напомнила Реве ребенка, пытающегося уйти от мира.

— Я сожалею о том, что случилось с Ливо, — сказал Рева. — Я знаю, что эти слова могут звучать пусто, когда вам больно. Бог свидетель, я слышала это достаточно раз после смерти моих родителей.

Рева не узнала тихую песню Дианы, женщина продолжала петь. Невозможно было сказать, слышала ли ее Диана, но Рева надеялась, что некоторые из ее слов дошли до женщины. Рева наблюдала, как Диана продолжала раскачиваться, и заметила, что женщина теребила маленький предмет в руках. Рева увидела, что она гладила предмет, но не могла понять, что это за предмет.

— Я тоже теряла детей, — сказала Рева. — Все они имели имена в моем сердце, даже если не прожили достаточно долго, чтобы получить имена перед Богом. Они погребены под щебнем и грязью, — Рева сжала в кулаке ткань своего мокрого платья. — Возможно, однажды я смогу вернуться и заняться их могилами. Дать им покой, которого они заслуживают.

Рева еще раз взглянула на Диану, чтобы увидеть, есть ли в ее глазах узнавание, позволяющее предположить, что женщина слушает ее. Не было. Рева вздохнула и встала, чтобы уйти.

— Мы не должны были убивать их, — голос Дианы был низким и тихим, как и ее пение. Звучал издалека, будто она ни с кем не разговаривала. Рева снова села рядом с ней. — Это было не правильно. Я не хотела, но Арон сказал, что мы должны. Так лучше, сказал он. Они отказались идти с нами. Не спрятались бы. Они были эгоистичны. Мы потеряли нашего мальчика. Они должны были уйти, — она повернулась к Реве и схватила ее обеими руками. — Мы потеряли нашего мальчика, и они знали это, но все равно не уходили. Убийцы Ливо никогда не остановятся. Улези не останавливаются. Они ставили все это под угрозу. Нас бы поймали. Они знали слишком много. Они должны были… должны были поверить, что мы все погибли. Все, — она отпустила руки Ревы и отвернулась. — Все пропали.

Наконец, Рева разжала ладонь и уставилась на предмет, который Диана вложила в ее руку. Она бросила его на пол и в ужасе попятилась. Предмет со звоном упал, а затем медленно покатился к входу в пещеру. Рева низко наклонилась и снова подняла его. Она поднесла его близко к лицу, изучая каждую деталь, каждую грань. Ее рука так крепко сжала его, что она почувствовала, как острые края впиваются ей в кожу.

Не было ошибки. Предметом, с которым играла Диана, была брошь ее матери.

26

ЛУКА

Флот лорда Тиниана заполнил весь Золотой порт. Люди хлынули на галеры, как рои мух, и Лука представил, как этот же рой наводнил его родной город. Его ладони зудели, он в волнении ходил взад-вперед. На подведение итогов не было времени. Командующий армией лорда Тиниана сообщил ему, что они собираются сделать, а именно сломать ворота тараном, обстрелять его город и взять штурмом Крепость Несры. Роль Луки во всем этом заключалась в том, чтобы отступить и дать мужчинам повод сражаться. Но зачем им драться за него? Это была не их битва, и он не был их королем. Он был из Эсталы, его Золотой Совет хотел видеть на троне. Им было бы все равно, если бы он умер, пока Серена не вышла замуж.

— Ваше Величество.

Знакомый голос вырвал его из раздумий. Лука развернулся и посмотрел на своего старого друга, его грудь наполнилась воздухом. Послали за братом Аксилом, и Лука испытал большое облегчение, увидев его.

— Рад тебя видеть, — сказал брат Аксил, его ярко-голубые глаза сияли.

— Я тоже рад вас видеть, — ответил Лука. — Остальные повстанцы?

— Они на кораблях перед тобой, — сказал брат Аксил. — Кто-то работает гребцами, кто-то будет сражаться. Другие ищут убежища.

От этой мысли у Луки вскипела кровь.

— Они слишком слабы, чтобы идти.

Брат Аксил пожал плечами.

— Им был предоставлен выбор. Они могут остаться здесь и получить провизию или наблюдать, как тебя коронуют. Никто из них не хотел упустить шанс увидеть одного из своих королем.

Лука покачал головой.

— Я не чувствую себя королем, — часть его хотела передать работу Серене, но было ли это столь же эгоистично, как взять корону? Он знал свою сестру и сомневался, что она хотела этого бремени больше, чем он.

— Хорошо, — сказал брат Аксил. — Вам пора подниматься на борт, Ваше Величество, — Брат Аксил указал на ожидающий его военный корабль. Лорд Тиниан и командир Ингран уже были на борту.

— Ты будешь рядом со мной? — спросил Лука. У него пересохло в горле, когда он прохрипел эти слова, и он был рад, что никто вокруг не услышал, как он говорит так слабо. Хотя он все еще чувствовал себя мальчиком, он знал, что на самом деле он мужчина и должен вести себя как мужчина. Но все, о чем он мог думать, это как Матиас поднял его с земли, когда его сбросило с лошади. Он хотел видеть Матиаса сейчас, но брат Аксил был следующим лучшим вариантом.

— Я всегда буду рядом, Ваше Величество, — сказал Брат Аксил. — И не потому, что ты мой король, а потому, что ты сын, которого у меня никогда не было.

Это было то, что Луке нужно было услышать. У него все еще была семья, что бы ни

случилось в Реялоне после того, как корабли отплывут. Наконец, он смог сделать первый шаг и взобраться на борт галеры, получившей соответствующее название «Королева звезд». Он думал о Серене, когда садился на борт, и о гобеленах из звезд на стенах ее комнаты.

«Ты все еще любишь смотреть на звезды, Серена? Она была в безопасности? Была ли она жива?».

Но Лука повернулся, когда сделал первый шаг к «Королеве звезд».

— Но вы не можете быть рядом со мной.

Аксил нахмурился.

— Что вы имеете в виду, ваше величество?

— Не тогда, когда начнется битва. Аксил, вы не боец. Вы…

— Старый, — сказал Аксил с улыбкой.

Лука пожал плечами.

— Я не так собирался это сформулировать.

— Как ты собирался это сформулировать? — спросил Аксил.

— Не такой закаленный?

Мужчина рассмеялся.

— Возможно, ты прав.

— Вам следует отправиться в путешествие на одном из кораблей, оставшихся в тылу флота, — сказал Лука. — Когда начнется бой, вы останетесь на корабле до тех пор, пока он не перестанет быть безопасным. Затем я прикажу стражам отвести вас в безопасное место, пока мы не захватим Крепость Несры. Если покажется, что битва закончится не в нашу пользу, вы должны вернуться в Зантос на самом быстром корабле. Я прикажу командиру Инграну устроить это.

Аксил медленно кивнул.

— Битва не подведет. Я верю в тебя, Лука.

Лука пожал руку Аксилу, прежде чем старик вернулся в порт. С его плеч упал груз при мысли о безопасности своего советника. Он снова понадобится ему, но он не мог командовать битвой, беспокоясь об Аксиле.

— Тебе идет, — Таня приветствовала его кривой усмешкой, слева от ее рта образовалась привлекательная ямочка.

Лука уставился на гибкую кожаную броню, которую он носил.

— И ощущается приятно.

— Ты готов стать королем? — спросила Таня, уперев руку в бедро.

Нет.

Таня рассмеялась и покачала головой.

Когда галера отплыла из гавани, Луку мутило, и не только от движения моря. Хорошие люди сразятся за него, как только высадятся в Эстале. Он знал, что солдаты записывались в армию за стабильную зарплату, чтобы прокормить свои семьи. Почти всегда это были отчаянные люди, нуждавшиеся в деньгах, а не герои, ищущие боевой славы. Они были обычными людьми, не темами песен. Многие из них будут отброшены в сторону в битве, умрут там, где их ранят. Но он знал, что если он не согласится сместить своего брата с трона, то от его руки погибнет еще больше, а когда он умрет сам, то злобное существо Миккел присвоит трон себе. Ему приходилось драться. Он должен был это сделать, чтобы избавить свой дом от жестоких существ, захвативших его.

Его отвели под палубу в кабинет капитана для дополнительной военной подготовки.

Слова командира Инграна доносились как через туман. Городские ворота могут быть взломаны, сказал мужчина, потому что Стефан не будет ожидать атаки Зантоса. Они были слишком невежественны, чтобы подумать о гневе Зантоса после того, как Стефан не выполнил соглашение, и неспособности Стефана справиться с чумой. Он был слишком высокомерным и глупым. Так что, по словам командира Инграна, они с легкостью прорвутся через городские ворота.

Лука заставил себя сосредоточиться.

— А жители Реялона?

— Мои люди — честные солдаты, — ответил командир Ингран. — Разграбления города не будет. Им приказано сражаться только с городской стражей на пути к Крепости Несры.

Лука не был уверен, что солдаты будут придерживаться этих правил, но мало что мог сделать, чтобы остановить их.

— Если мы услышим о безосновательных ранениях мирных жителей, мы накажем этих солдат.

— Конечно, Ваше Величество, — сказал командир Ингран, хотя и не встречался взглядом с Лукой.

«Королева Звезд» с легкостью рассекала спокойные воды в сопровождении флота. Желудок Луки по-прежнему сжимался, заставляя его отказываться от еды. Он не мог есть, зная, что завтра они прибудут в Королевский порт. Узнал ли Стефан о флоте? Конечно, у него были шпионы в Зантосе, но решение действовать было настолько быстрым, что они, возможно, умудрились начать путешествие незаметно для Эсталы. Даже если бы Стефан знал в этот самый момент, ему потребовалось бы время, чтобы собрать достаточно людей, чтобы устроить настоящий бой. Там были городская стража и Братья из Ордена Понимания, но остальная армия была рассеяна по всей Эстале, без сомнения, казнила менти без всякой причины.

Когда небо потемнело, Лука отправился в свои покои, чтобы отдохнуть. Его руки дрожали, когда он стягивал ботинки, но он надеялся, что его разум достаточно устал, чтобы позволить ему уснуть. Но когда он уже собирался раздеться, в дверь его каюты тихо постучали. Держа руку на кинжале, Лука открыл дверь.

Мимо него проскользнула Таня. Она блестела в лунном свете, на ее темной коже сиял пот. Ее глаза были широко раскрыты и полны энергии.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Лука.

Она покачала головой.

— Я вряд ли смогу спать сегодня ночью. Я… я хотела тебя увидеть.

Лука сел на свою кровать, а Таня неловко стояла перед ним. Он думал попросить ее сесть рядом с ним, но эта мысль вызвала у него волнение. Она выглядела хорошенькой, стоя вот так. Он отвел взгляд, смущенный своими мыслями.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Лука.

Таня пересекла пространство между ними и села на кровать рядом с ним. Ее колено задело его колено, и Лука сухо сглотнул. Зачем она пришла сюда? Он ей нравился? Он должен думать о завтрашней битве, а не о Тане, девушке, с которой он, скорее всего, никогда не сможет быть так. Не как муж и жена. Если Лука по-настоящему возьмет на себя роль короля, ему придется заключить союз, а не жениться на мятежнице-менти, потому что она ему нравилась.

Но она ему нравилась.

— Я думала… — Таня притихла и потянула за нить на тунике. — Я… Должна сказать тебе, что я простила тебя за ложь, которую ты наговорил повстанцам, когда впервые пришел в лагерь. Теперь я понимаю, что ты сделал это из-за обстоятельств, в которых оказался. Но когда я впервые узнала, я разозлилась на тебя. Сильно.

Лука вспомнил молчание вокруг и резкие взгляды, которыми его встречали, когда он поднимал голову во время еды.

— Я знаю.

— Это все потому, что ты мне нравишься, Лука, — она цокнула языком. — Принц Лука. Скоро станет королем Лукой.

Лука коротко вдохнул. Ему казалось, что его грудь сжал железный кулак, но в то же время кровь горячо и быстро текла по его телу. В последний раз он чувствовал себя таким живым, когда сражался со своим братом.

— Ты мне тоже нравишься. Очень нравишься, Таня, — железный кулак отпустил его грудь, и он, наконец, почувствовал облегчение, произнеся слова, которые неделями крутились у него в голове.

— Вот почему я должна тебе сказать, — Таня наклонилась и уткнулась лицом в ладони. — Я совершила глупую ошибку. Очень глупую ошибку.

— Что случилось? — Лука положил руку ей на плечо, хмурясь от беспокойства. Он никогда не видел Таню такой несчастной.

Когда он услышал ее всхлип, он испугался. Что могло быть настолько плохим, что заставило Таню, одну из самых сильных людей, которых он знал, расплакаться?

— Это была я. Я была шпионом.

Лука был в замешательстве.

— О чем ты говоришь? Какой шпион?

— Я сообщила Золотому Совету, к какому лорду мы шли в Золотом Порте. Из-за меня мы попали в плен к лорду Тиниану, — она села прямо и вытерла глаза пальцами.

— О чем ты говоришь? Как ты вообще могла сообщить Золотому Совету? — Лука убрал руку и сжал ладони на своих коленях.

— Я дочь лорда, Лука, — призналась она. — Я сбежала из дома, когда они обнаружили, что я — менти, потому что я не могла контролировать свои силы. Но у меня всегда была возможность вернуться к ним. Я солгала. Прости.

Лука встал, внезапно наполнившись гневной энергией. Он начал ходить по крошечному пространству своей каюты.

— Я знала, к какому лорду пройдет Джеральдо, потому что слышала, как он говорил об этом лорде с Нико еще до того, как ты пришел в лагерь. Я знала, где живет этот лорд, и я знала, что могу сообщить об этом Золотому Совету, пробравшись в Золотой Порт и заплатив посыльному. Я подождала, пока лагерь затихнет, и улизнула. Я просто хотела, чтобы ты ушел, Лука. Прости, мне было больно, и я винила тебя во всем, в нападении, во всем. Это было до того, как я узнала, насколько злой твой брат. Я никогда… я никогда не думала, что ты можешь заменить его на троне. Я никогда не думала об этом. Я была просто злой и глупой, и мне очень жаль.

— Уходи, — сказал Лука. Он отвернул от нее голову, чтобы не видеть слез в ее глазах. Он не хотел смотреть на нее. Он не пожалеет ее.

Она выбежала из комнаты с опущенной головой, и Лука захлопнул за ней дверь. Его руки дрожали, пока он отрывал доспехи от своего тела часть за частью.

27

СЕРЕНА

Под ее окном звучало пение с улиц Реялона. Серена сидела на своем подоконнике и смотрела, как по улицам движется еще одна процессия, ударяя по своей уже разодранной плоти. Серене всегда нравился тот факт, что окна ее покоев выходили окнами на город, но теперь она жаждала другого вида. Все, кроме боли и страдания, которые она видела.

Глаза горели от непролитых слез. Каждый раз, когда ночью она опускала голову на подушку, она видела, как кровь Като стекает на каменный пол Крепости Несры. Като был мертв, а ее брат все еще цеплялся за жизнь в своих мокрых от пота простынях, и она ничего не могла с этим поделать. Она ничего не слышала от своего связного в Зантосе, и все ее новые стражи были людьми Миккела, которым она не могла доверять и которые ничего не говорили ей о дворе. Где лорд Зимин и генерал Аренца? Насколько ей было известно, мужчины сбежали из Реялона, оставив ее одну, запертую в ее покоях. Серена видела только стражей, назначенных братом Миккелом, и новую служанку, которая была еще одним

членом Ордена Понимания, Сестрой в синей мантии с постоянно хмурым лицом.

Но все же Серена не плакала и не понимала, почему слезы не льются. Возможно, она слишком устала, чтобы продолжать бороться, и плач был похож на борьбу. Вместо этого она была оболочкой, ожидающей, когда ее раздавит сапогом ее брата.

Ее дверь открылась, и в комнату ворвалась кричащая Каролина, а за ней — брат Миккел. Серена вскочила на ноги и мгновенно оказалась рядом с сестрой, прижимая ребенка ближе к бедру. Она смотрела на Миккела, поглаживая локоны Каролины, пытаясь безуспешно успокоить ее. Сестра Леда — новая служанка — принесла два бледно-розовых платья, и все внутри Серены сжалось.

— Пора, — прошептала Серена.

— Я не хочу, — голос Каролины был мягче, чем когда-либо, и это разбило сердце Серены. Она прижала сестру к груди, обхватив руками ее голову.

— Невесты будут прекрасны, — сказал брат Миккел с распростертыми руками, изображая святого человека посреди проповеди. — Самые красивые невесты в Эстале. Король Стефан будет очень доволен.

— Король Стефан будет присутствовать на церемонии? — Серена дрожала от гнева, держа в руках рыдающую сестру. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не налететь на мужчину и не исцарапать его лицо. Она ненавидела его даже больше, чем своего брата, потому что Миккел был настоящей злобой Эсталы. Именно Миккел влиял на Стефана. Ее брат не был невиновен во всем этом, но именно Миккел манипулировал. Миккел был человеком с мозгами, в то время как Стефан был озлобленным маленьким мальчиком с амбициями выше его интеллекта.

И она позволила этому мужчине одолеть себя.

Брат Миккел повернулся к сестре Леде.

— Убедись, что самая младшая девочка вымоет лицо перед церемонией. Когда закончишь с ними, они должны выглядеть как принцессы. Я вернусь, чтобы отнести их в часовню, — он снова перевел взгляд на Серену. — Просвещенный Бог ждет, чтобы засвидетельствовать их клятвы.

— Просвещенный Бог осудит вас за то, что вы сделали, — сказала Серена. — Вы безбожники!

Но Миккел уже вышел из комнаты так же небрежно, как и вошел. Каролина, наконец, подняла голову, оставив большое мокрое пятно на платье Серены. Дверь закрылась, и двое стражей ждали у выхода, глядя прямо перед собой. Серена стояла в центре своей комнаты, сжав кулаки по бокам, не зная, что делать дальше. Каролина подошла к кровати, где сестра Леда раскладывала два платья, не переставая напевать. Ее младшая сестра уставилась на гобелен на противоположной стене.

«Что бы сделал Матиас? — Серена зажмурилась и попыталась отгородиться от всех людей вокруг нее. — Стражи у дверей. Стефан, прикованный к кровати. Миккел вернется за нами, без сомнения, с еще большей охраной. Каролина рыдает. Если бы я была мужчиной, я могла бы пробить путь из замка, но я не могу. Сообразительность — это одно, но когда тебя перехитрили, что делать дальше?».

Ее сообщение Зантосу было ее последней надеждой, теперь она это знала, и не было никакого способа узнать, дошло ли сообщение до Золотого Совета. Единственное, что она могла сейчас сделать, это попытаться отсрочить свадьбу как можно сильнее в надежде, что помощь уже едет из Зантоса.

— Сестра Леда, неужели в наш особенный день мы не будем пить вино? — спросила Серена. — Немного вина может улучшить наше настроение перед церемонией. Может, кто-нибудь из круглоголовых у двери пошлет за слугой.

— Не вижу повода отказать, — ответила Сестра. Она, без сомнения, ощутила облегчение, увидев, что Серена не собиралась спорить с ней во время переодевания.

— И я бы хотела, чтобы мои волосы были заплетены, — сказала Серена. — Я видела особый стиль на покойной королеве несколько месяцев назад. Очень замысловатый, с косами, идущими вдоль макушки, как корона, — Серена показала пальцами. — Думаю, нам с Каролиной подошел бы такой стиль. Лорд Луэз был бы рад.

— Очень хорошо, Ваше Высочество, — сказала Сестра.

— И, может, мне стоит принять ванну? Круглоголовый охранник слева, пошлите за горячей водой, вином, инжиром в меду, фисташковым пирогом и оливками.

— Да, Ваше Высочество, — ответил страж.

— Ваше Высочество, разумно ли заказывать так много…

— Вы откажете нам в день нашей свадьбы? — спросила Серена сестру Леду.

Женщина тонко улыбнулась.

— Конечно нет, ваше высочество.

— Хорошо.

Серена улыбнулась про себя. Может и не сильно, но хоть немного это помогло. Брат Миккел не потащит ее голую и мокрую в часовню, ему придется хотя бы подождать, пока она высохнет и оденется.

Тем не менее, ее расстроило то, как быстро слуги вернулись с медной ванной и горячей водой. Серена разделась за занавесками, разделяющими ее комнату, и шумела из-за температуры воды. Когда она решила, что больше не может шуметь, то погрузилась в воду и запрокинула голову, все время стараясь не встречаться с Каролиной взглядом. Она знала, что ее младшая сестра не понимала, почему она принимала ванну в такое напряженное время, и она не могла объяснить, что так тянула время так сильно, как могла, не вызывая подозрений. Каролина села и продолжала безучастно смотреть, пока Сестра заплетала ей волосы.

Серена руководила попыткой Сестры заплести волосы Каролины, пока намеренно оставалась в ванне, пока не стало холодно. Сестра Леда вздохнула и возмутилась, когда Серена заставила ее распустить волосы Каролины и начать все заново в третий раз. На четвертой попытке в дверь постучали. Серена услышала, как страж открыл дверь, после чего раздались громкие возражения брата Миккела.

Серена спокойно вышла из ванны, завернулась в халат и обошла ширму, а там стояли покрасневшие стражи с братом Миккелом.

— Церемония вот-вот начнется, — сказал Миккел. — Почему вы не одеты?

Серена намеренно невнятно говорила, когда отвечала:

— Мы делаем себя самыми красивыми невестами, которых когда-либо видел Реялон, — она споткнулась и поскользнулась на мокром полу, хихикая при падении.

— Ты напилась. Сестра Леда!

Серене пришлось сдержать улыбку, когда взволнованная Сестра прошла к ним, пот блестел на ее лбу.

— Принцесса, она хотела…

— Сорвать церемонию, дура! Плесни на нее холодной водой, чтобы она протрезвела, и одень ее. Меня не волнует, как она выглядит, пока она может ходить и произносить клятвы.

Серена позволила своему телу обмякнуть, когда Сестра попыталась поднять ее с пола. В конце концов, стражам пришлось поднять ее и отнести за ширму. Когда она намеренно притворилась, что засыпает на кровати, ее ударили по лицу, это заставило ее открыть глаза, и она увидела холодное выражение лица брата Миккела, глядящего на нее свысока.

— Я знаю, что ты делаешь, маленькая шлюха, — он говорил, стиснув зубы, так что его голос прозвучал как шипение, на Серену вылетала слюна. — Одевайся. Живо.

Брат отошел и поправил свою мантию, а у Серены пересохло от страха в горле. Ее сердце колотилось, но она не могла показать это. Ей нужно было постараться, чтобы фарс продолжался как можно дольше. Каролина подошла ближе и сжала ее ладонь.

— Сейчас я оденусь, — сказала Каролина. — Я могу сделать это, чтобы тебя не ранили, сестра.

Серена улыбнулась младшей сестре, и, наконец, слезы выступили у нее на глазах, но она подавила их, прежде чем они успели политься так быстро, как им хотелось.

И тут она услышала, как открылась дверь в ее покои. Серена поспешила к ширме и выглянула. С Миккелом разговаривал еще один Брат. Двое мужчин стояли близко друг к другу, и лицо Миккела, казалось, побледнело. Он получил плохие новости. Волосы встали дыбом на затылке. Может, это было подкрепление из Зантоса? Они пришли, чтобы помочь лишить принца Стефана короны? Она могла только надеяться, что была права. Она знала, что Золотой Совет был недоволен тем, что Эстала нарушила торговое соглашение, которое было заключено до того, как Совет разрешил Стефану безопасный проход в лагерь повстанцев, и она знала, что Стефан еще больше оскорбил их, отказавшись от помощи во время эпидемии чумы.

Сработал ли ее план?

Когда она увидела, что брат Миккел идет к ширме, она откинулась на спинку кровати и сделала вид, что расчесывает волосы. Она знала, что ее щеки раскраснелись от горячей ванны и вина, поэтому еще изображала пьяную. Теперь еще важнее было задержать церемонию.

Брат Миккел грубо стащил ее с кровати, вырвал у нее из рук щетку и швырнул на пол. Халат упал с ее тела, но его это, похоже, не волновало.

— Сестра Леда, одень ее сейчас же, — приказал он.

Сестра надевала на нее платье, занавеска открылась, и Каролина, и сестра Леда завизжали. Смущенный страж опустил глаза, увидев полуодетую Серену. Но Серена не беспокоилась. У нее были более серьезные заботы.

— Милорд… мой, кхм… Брат Миккел, вы срочно нужны, — сказал мужчины.

— Разве ты не видишь, что я занят?

— Это… это важно. Они…

Брат Миккел отпустил ее запястье и повернулся достаточно быстро, чтобы дать пощечину охраннику, не дав ему сказать больше.

— Очень хорошо, — Серена смотрела, как Брат уходит за ширму. — Убедитесь, что они доберутся до часовни, — приказал он стражникам у двери.

Серена не сводила глаз с Каролины, а сестра Леда продолжала затягивать ее платье. Ей отчаянно хотелось передать ей невысказанные слова, но она не знала, как сделать это, не вызвав подозрений.

— План с красивой прической рухнул, — сказала Леда. — Теперь я могу только расчесать вам волосы, — она цокнула языком. — Если бы вы были моей дочерью, я бы вас

отшлепала за плохое поведение. Вы должны быть благодарны королю Стефану за то, что он нашел вам такую прекрасную пару. Немногим девушкам твоего возраста так повезло.

— Я знаю, — тихо сказала Серена. Была причина, по которой брат Миккел так резко покинул комнату. Серена знала, что Миккел был властным человеком, который не оставил бы ее в руках стражей без веской причины.

«Они… Кто они?».

Может, это был Золотой Совет? Могли ли это быть корабли из Зантоса? Ей очень хотелось выглянуть в окно и узнать, но ее окно не выходило на Порт.

Когда Серена была одета, Леда и стражи вывели Серену и Каролину из ее покоев. Серена ставила одну ногу перед другой, ее сердце быстро колотилось. Она протянула руку и сжала ладонь Каролины.

«Мне нужно больше времени», — подумала она. Она замедлила шаги, пытаясь ясно мыслить. Пока они шли, в противоположном направлении спешили два Брата с бледной кожей и суровыми лицами. Серене хотелось знать наверняка, что Зантос откликнулся на ее крик о помощи.

Она глубоко вдохнула и сделала выбор.

Она побежала, потянув Каролину за собой. Каролина ответила быстро, поравнялась с сестрой.

— Что ты делаешь? — прошептала Каролина, они убегали от стражей.

Серена оглянулась. Двое круглоголовых охранников бежали за ними, надув щеки от напряжения.

— Оттягиваю, — она потянула их за угол и спустилась по крутым ступеням к подземельям.

— Мы не можем сбежать, — сказала Каролина. — Не этим путем.

— Я не собираюсь сбежать, — они спешили вниз по ступенькам так быстро, как только могли. — Я послала ворону в Зантос и сказала им, что нас запер король. Думаю, Зантос прислал корабли. Скорее. Не позволяй им поймать нас так быстро.

Добравшись до подземелья, девушки помчались дальше. Потрясенный страж наблюдал, как они пробежали мимо него к тюремным камерам. Серена не думала далеко вперед, она просто выбрала наиболее доступный маршрут. После того, как они добрались до камер, им больше некуда было идти. Этого хватит? Она задумалась. Они поспешили сделать еще два поворота и, наконец, зашли в тупик.

Она обернулась и увидела заключенного, наблюдающего за ней через решетку своей тюремной камеры.

— Ты. Причаливали ли корабли в порту?

От мужчины исходил резкий запах, и Серена не желала даже представить, что это могло быть. Месяцы без мытья, несомненно.

— Они болтают внизу, — беспомощно ответил он. — Эти стражи много болтают. Ты хорошенькая. Ты выпустишь отсюда невинного человека?

— Я уверена, что ты невиновен. И я уверена, что ты хороший человек. Вот почему ты скажешь мне правду, да, сэр? — осторожно сказала Серена. — Кто-нибудь из стражей упоминал корабли? Кто-нибудь упоминал Зантос? Сегодня, сэр.

— Может быть, — ответил он.

— Тогда скажи принцессе, добрый молодец, и, может, ты когда-нибудь будешь вознагражден, — сказала она.

Мужчина облизнул губы, прежде чем улыбнулся, обнажая пожелтевшие зубы. Серена слышала топот сапог по камню.

— Скорее, — попросила она.

— Говорят, корабли пришли из-за Моря Царей, и они недовольны какой-то свадьбой. Говорят, король умирает, и никто не знает, кто придет к власти. Маленький принц — мальчик, едва оторвавшийся от груди, а другой убил настоящего наследника — Матиаса, не так ли?

— Да, Матиаса, — ответила Серена. — Что-нибудь еще? — Каролина прижалась всем телом к Серене, когда услышала приближающиеся голоса стражей.

— Они идут за вами, да? — мужчина прижался лицом к решетке. — Кто из них идет за вами? Стражи? Или те корабли?

Кровь Серены похолодела. Корабли были здесь, и Золотой Совет пришел на ее зов, но что будет после этого? Произойдет битва, возможно, осада, и Стефан будет свергнут с трона. Но что потом? Могла ли она доверять… кому-нибудь?

Круглоголовые охранники завернули за угол. Тот, что справа, выругался, когда приблизился к ней, схватил ее за запястье и грубо оттащил от стены подземелья.

— Пойдемте, ваше высочество. Пора выходить замуж.

28

РЕВА

Ветер и дождь выли вне пещеры, Рева глядела на брошь в своей ладони. Она потрясенно посмотрела на Диану.

— Откуда у тебя это? Почему ты дала мне мамину брошь?

Но Диана только смотрела на нее.

Рева нагнулась и схватила женщину за воротник туники.

— Где ты это взяла? Скажи мне!

Диана снова запела свою песню, по-видимому, не обращая внимания на проявление агрессии Ревы. То, как женщина переходила от ясности к безумию, злило Реву. Все, чего она хотела после долгих лет неуверенности, — это правда. Она так и не узнала, кто убил ее родителей — это были безликие бойцы-менти во время восстания менти. Она не видела их и не знала их имен. А потом ей рассказали об улези и заставили поверить, что ей, наконец, рассказали правду о смерти ее родителей.

Пока Диана не сжала руки и не вложила в ее ладонь маленький металлический предмет.

Диана, давшая ей брошь, означала только одно: Арон, Диана, Карлия и… и Сэм… Они — один из них, а, может, и все они — были там, когда умерли ее родители. Один из них, все они, некоторые из них — это не имело значения. Кто-то в этой пещере убил ее семью.

Она ударила женщину по лицу, ослепленная яростью.

— Ты убила их! Ты убила их!

Диана взвыла, когда Рева ударила ее, и пещера наполнилась отчаянными криками ярости и боли обеих женщин. И только когда Рева услышала топот Арона и остальных, спешащих в пещеру, она остановилась. Она подняла Диану на ноги и прижала булавку броши к ее шее.

— Я не могу убить ее этим, — сказал Рева. — Но я могу причинить ей боль.

Арон перестал двигаться и остался у костра в центре комнаты, а Сэм и Карлия держались сзади.

— Рева, опусти брошь, чтобы я мог объяснить.

— Вы убили моих родителей, — сказал Рева. — А потом соврали, что это сделали улези.

— Я не лгал, — сказал Арон. — Я рассказал, что сделали с нами улези. Я ничего не говорил тебе о твоих родителях.

Рива вонзила булавку в шею Дианы, пустив кровь. Ее кожа была горячей от гнева. Она была дурой, начав доверять Сэму после того, как он похитил ее у подруг. Все это время она жила с убийцами. Убийцами ее родителей.

— Расскажите, что случилось. Объясните, почему, — ее голос дрожал от волнения, а глаза обжигали непролитые слезы. Она была так счастлива, когда были живы ее родители, а эти люди отняли у нее это счастье.

— Мы потеряли ребенка, Рева, — сказал Арон. Он сделал небольшой шаг вперед, подняв руки. — Улези все еще охотились на нас. Единственное, что мы могли сделать, это заставить улези поверить, что в мире больше нет драконов. Во время хаоса восстания менти было проще, чем когда-либо, инсценировать собственную смерть. Все, что нам было нужно, это чтобы свидетель поверил, что я погиб на поле боя, и чтобы наш замок был разграблен. Мы подожгли замок, одев тела жертв войны в свою одежду. Я был ранен на поле боя, и кто-нибудь мог заподозрить, что я умер в канаве где-то между этим местом и Реялоном. Но оставались твои родители. Мы пошли к ним, а это означало, что мы рисковали всем, но мы пошли к ним, потому что знали, что они были последними драконами, кроме нас. Мы умоляли их сделать то же самое, инсценировать свою смерть и скрыться с нами. Но твой отец был слишком горд, Рева. Он отказался идти с нами. Он все еще верил, что однажды менти будут жить в мире с остальной частью Эсталы. Он был идиотом, Рева, и собирался разрушить наш план побега. Улези пытали бы твоих родителей, пока они не раскрыли бы, что мы живы, потому что они так делают. Твои родители никогда бы не выжили. Я убил их из доброты, — глаза Арона были дикими от пыла, пока он цедил слова, и Рева поняла, что он действительно верил всему, что говорил.

— Вы убили моих родителей из доброты? — Рева недоверчиво смотрела на него. — Я помню кровь на стенах. Я помню, как их рвали в клочья. Чудовище убило их, чудовище, которому это нравилось. Ты думал об убийстве снова, Арон? Поэтому я здесь? Ты собираешься разорвать мне горло и покрыть кровью стены пещеры?

Грудь Арона вздымалась и опадала, его лицо покраснело. Темные тучи снаружи отбрасывали тень на пещеру, глаза Арона превратились в темные, пустые глазницы.

— Единственное, о чем я жалею, так это что не убил тебя.

Рева издала вопль от ярости, вонзив булавку от броши в шею Дианы, оставив на ее плоти глубокую рану. Этот крик ярости был встречен воплем Арона, он бросился на Реву, схватил ее за горло обеими руками. Рева уронила брошь, когда большие руки Арона лишили ее воздуха, сжимая все сильнее. Она царапала его пальцы ногтями, пуская кровь, извиваясь в его хватке. Ее чувства притупились, мир, казалось, замедлился, но она могла слышать крики позади Арона, которые не давали ей потерять сознание. Карлия и Сэм кричали на отца. Руки Сэма были на руке Арона, отчаянно пытаясь оттащить его, но руки Арона давили, казалось, голова Ревы вот-вот оторвется.

Арон начал поднимать Реву с пола, ее ноги болтались в воздухе. Она продолжала безрезультатно царапать его руки — мужчина был силен и решителен; он не собирался ее отпускать. Сэм бил отца сначала по ребрам, а затем по лицу. Он навалился всем своим весом на мужчину, но Арон даже не моргнул. Он продолжал смотреть в глаза Реве, и Рева увидела

ненависть, пронзившую ее до мозга костей. Она увидела, как Сэм смотрел на нее с изможденным выражением ужаса, и почти улыбнулась ему, теперь зная, что вот-вот умрет. Но выражение лица Сэма изменилось на решительный хмурый взгляд, он вынул из-за пояса кинжал и вонзил его в бок Арона.

Рот Ревы открылся от шока, когда Арон уронил ее на землю. Она обмякла, как груда выброшенного белья, Арон повернулся к своему сыну. Кинжал все еще торчал из его бока. Он вытащил его, и из раны потекла красная кровь.

— Я не могу позволить тебе убить ее, отец, — сказал Сэм. Его голос звучал смиренно и грустно. — Она не заслуживает смерти за преступление, совершенное тобой.

Рева поднялась на ноги, все еще хватая ртом воздух, коснулась синяков на горле. Она оглядела комнату и увидела, что Карлия обрабатывала рану Дианы, пока Сэм боролся со своим отцом. Сэм встал между Ароном и Ревой. За широкими плечами Сэма она увидела опущенный взгляд Арона и знала, что Арон не позволит сыну встать на пути к ее убийству. Рева оттолкнула Сэма от отца, когда Арон бросился на нее с кулаками. Она упала на Сэма, откатилась и вскочила на ноги, убегая от мужчины.

Но Сэм бросился на отца, что вынудило Арона ударить сына по носу. Диана закричала, а Карлия выкрикнула имя Сэма, но лицо мужчины было красным и решительным, вена пульсировала на виске. Он был убийцей, и ничто не могло его остановить.

Рива попятилась от него к туннелям в задней части пещеры. Ее взгляд искал в комнате оружие, но она не увидела ничего, кроме тарелок и горшков, шкур и льняных простыней. Тем временем Арон все еще держал в руке окровавленный нож, которым его ранили, и она видела, что он намеревается его использовать.

— Отец, остановись! — воскликнула Карлия.

Диана вскочила на ноги, вытянув руку, словно собиралась дотянуться до мужа и оттащить его. Карлия перевязала шею Дианы, но кровь уже просачивалась сквозь повязку.

— Арон, нет. Остановись. Пожалуйста, прекрати, — умоляла Диана.

Он не слушал. Его костяшки пальцев побелели, он крепче сжал нож и зашагал к Реве, его глаза все еще были темными в тени пещеры. Рева почувствовала пульс в зубах и кончиках пальцев, страх овладел ее телом. Ей нужно было уйти от него, но куда ей идти в извилистом лабиринте туннелей? Но другого выхода не было — ей пришлось бежать от него. Она выбежала из пещеры, спеша в темноту узких каменных коридоров, извивавшихся в скале. Она подняла длинную юбку выше колен и побежала так быстро, как только могла, чтобы не споткнуться. Позади нее раздавались вопли и крики, достаточно громкие, чтобы заглушить шаги Арона, но она знала, что он преследует ее. Она знала, что он хотел разорвать ее этим ножом в руке. Арон был не из тех, кто легко сдастся, если поставит перед собой задачу, и покончить с ее жизнью было его задачей, его целью.

Она бежала.

Туннели извивались, минуя маленькие и большие пещеры. Хотя Реву продержали в пещерах недолго, она знала некоторые из поворотов и чувствовала, что понимала, в каком направлении она движется. По крайней мере, она надеялась каждой частью своего тела, что была права, потому что был только один способ избежать судьбы, которую Арон хотел навязать ей.

Не обращая внимания на боль в уставших мышцах, Рева подошла к открытому входу в большую пещеру, где Сэм учил ее летать. Она нетерпеливо побежала в центр большой пещеры, готовая расправить крылья и полететь, но, сосредоточившись на окошке наверху,

она не услышала шагов Арона позади себя. Он поймал ее за волосы и болезненно дернул, вырвав при этом прядь волос с ее головы. Внезапная боль заставила ее громко закричать, когда ее потащили, она потеряла равновесие и чуть не упала.

Горячее дыхание Арона коснулось ее уха, он сжал сильнее ее волосы, вырвав еще больше прядей с ее головы. Рева заставила себя удержать равновесие и наступила мужчине на ногу, но вскоре почувствовала остроту кончика лезвия, вонзившегося ей в бок. Лезвие вошло наполовину, прежде чем Сэм схватил Арона за руку и оттащил его от Ревы.

— Отстань от меня! — Арон отстранился от Сэма. — Если ты думаешь, что я не зарублю тебя, чтобы добраться до нее, ты ошибаешься.

Сэм в ужасе уставился на отца.

— Что ты делаешь? Зачем?

Диана и Карлия ворвались в пещеру, бледные и потные. Теплая кровь стекала по голове Ревы, и из раны на боку текло еще больше крови, но ей повезло, что рана не была глубокой. Она игнорировала жгучую боль и прижала ладонь к ране на теле, чтобы остановить кровотечение.

— С ней нужно разобраться, — сказал Арон. — Она представляет угрозу для нашей семьи. Она…

— Ты представляешь угрозу для нашей семьи! — закричала Карлия. — Ты чудовище! Не Рева. Не улези. Ты!

Но Арон, казалось, игнорировал дочь, снова обратил внимание на Реву. Он снова пошел к ней с ножом, и Рева с сокрушительной уверенностью поняла, что скоро умрет. Она была прижата к стене, и ей некуда было идти, а Арон был слишком силен, полон решимости, она не могла с ним бороться. Она подумала о Карине, Эмми, и Луке, о своих бедных родителях, убитых этим мужчиной.

А потом она подумала о драконе внутри себя, и ее крылья раскрылись перед Ароном и его семьей. Арон быстро изменился, выронил нож из руки и превратился в большого красного дракона на ее глазах. Она взмахнула крыльями, чтобы подняться с земли. Арон собирался сделать то же самое, когда Диана бросилась, все еще в человеческом обличии, на когти Арона. Арон попытался вывернуться, но каждое движение врезалось в его жену, разрывая ей кожу. Карлия в ужасе закричала. Сэм превратился в дракона и ударил отца когтями. Арон в панике выдохнул пламя, прежде чем снова превратиться в мужчину и опуститься на колени рядом с женой.

Рева замерла, наблюдая за происходящим сверху. Диана бросилась в острые когти Арона, и когти ее мужа пронзили ее грудь. Она остановила его своей жертвой, и теперь Арон плакал над телом своей мертвой жены.

«Он так старался спасти свою семью, что разбил ее», — подумала Рева. Точно так же, как он разрушил ее семью.

Карлия молча отошла от родителей, подняла нож с земли и вонзила его в грудь отца. Рева смотрела, как Арон упал на каменный пол, его руки лихорадочно искали нож в сердце, а из ран сочилась кровь. Безумные движения его рук замедлились, остановились, и жизнь угасла в его глазах.

Это было слишком. Рева достаточно увидела и услышала. Ей нужно было выбраться отсюда и никогда больше сюда не приходить. Она взлетела на самый верх пещеры, не обращая внимания на крики Сэма, чтобы она остановилась. Ухватившись когтем за край естественного окна, она снова превратилась в женщину, выбралась в узкую щель в камне, ее

бедра задели грубую скалу, но она протиснулась в дыру. Когда она, наконец, освободилась, она рухнула на вершину скалы, задыхаясь.

Она сбежала.

Луке хотелось бы представить, что запах Королевского порта напомнит о доме, но на самом деле он пах как любой другой порт: солью, рыбой и специями. Перед ним были сцены хаоса, простые люди бежали между пришвартованными кораблями, а вдоль гавани стояли рыбные прилавки. Городская стража бросилась занимать свои места, их красные плащи развевались на ветру. Лука щурился от яркого солнца, чтобы сосчитать, со сколькими они столкнутся в порту. Он видел примерно треть городской стражи на пристани, лучников вдоль городских стен Реялона и синие мантии Братьев Понимания, смешанные с красными плащами стражников.

— Их мало, — заметил Лука. — Должно быть, они защищают Крепость Несры.

— Трус, — сказал командир Ингран. — Он позволит городу пасть, пока он в безопасности в своем замке.

— Сомневаюсь, что мой брат сейчас принимает решения, — ответил Лука. — Говорят, он умирает. Это все брат Миккел.

Командующий Ингран хмыкнул в знак согласия.

Лука теребил рукоять своего меча, глядя на лица людей, выстроившихся вдоль порта. Когда-то эти люди были его защитниками. Теперь они были его врагами, и он мог быть вынужден уничтожить их в бою.

«Я делал это раньше, — подумал он. — Я могу сделать это снова», — тогда он защищал своих друзей, повстанцев-менти от своего брата. Теперь он защищал королевство Эстала — свой дом — не только от своего брата, но и от коварного Ордена Понимания. Он должен был сосредоточиться.

Он все думал о Тане, которая выдала его Золотому Совету. Почему она рассказала ему в ночь перед битвой? Сможет ли он снова доверять ей? Он выбросил эти мысли из головы и вместо этого сосредоточился на ритмичном шелесте волн. Когда корабль подошел к гавани, у него пересохло в горле, напряглись мышцы. Ему стало жарко, и сердцебиение участилось.

Он привык к шуму Королевского порта, когда торговцы привозили свои товары для продажи в городе. Но этот энергичный шум сегодня пропал, и вместо него появилась молчаливая городская стража, ожидающая их с оружием. Простые люди ушли, чему Лука обрадовался. Он не мог вынести мысли о том, что в бою пострадают невинные люди, но он знал, что обычно они больше всего страдают во время войны.

— Лучники, — крикнул командующий Ингран. — Берите стрелы. Готовьтесь.

Лучники на корабле вложили стрелы в луки и подняли оружие выше.

— Стойте, — предупредил Ингран.

Лука слышал натяжение тетивы и скрип дерева. Он почувствовал, как воздух изменился, люди приготовили луки, чтобы обрушить на врагов дождь стрел. Но его армия была не единственной, вооруженной луками и стрелами. Он взглянул на городскую стену и увидел фигурки стражи своего брата, поднимающие свои луки.

— Ждите, — сказал Ингран.

Они еще не были в пределах досягаемости. Они потеряли бы половину своих стрел в море, если бы не были осторожны.

— Принц Лука, — предупредил Ингран.

Лука сосредоточился на лучниках и думал о стражниках, но почти забыл. Он поднял руку и создал на ладони небольшой огненный шар. Несмотря на гневные слова, которыми он обменялся с Таней прошлой ночью, он все же предпочел надеть специально изготовленный кожаный доспех с открытыми ладонями, не мешающий ему создавать огонь. Броня

подходила ему, но удобство доспехов исчезло. В них он ощущал горький привкус во рту, но другим вариантом был громоздкий стальной нагрудник, слишком большой для него.

Ингран кивнул Луке, и тот кивнул в ответ, прежде чем поджечь первую стрелу. Он прошел вдоль корабля, зажигая стрелы огнем на ладони. Закончив, он повернулся и увидел, как остальные корабли, направляющиеся в порт, зажигают стрелы от жаровен.

— Пли! — крикнул Ингран.

Жар стрел застал Луку врасплох, они со свистом пронеслись над гаванью. У него перехватило дыхание, они столкнулись с людьми в гавани, и он дрожал от криков раненых. Но ему не пришлось долго оплакивать их беды. Ингран толкнул его на палубу, когда стрелы лучников на городской стене попали в дерево, сталь и плоть, столкнувшись с кораблем, цепочкой воинов со щитом и телами его людей. Лука беспомощно наблюдал, как трое его людей упали в море.

— Стрелы, — крикнул Ингран.

Лука зажег их, пригибаясь за щитами.

— Пли!

Когда стрелы полетели, жар согрел его затылок. Он пригнулся вместе с командиром Инграном, когда враги ответили. Лука видел, как еще четверо его людей упали в море, но в гавани были десятки пожаров, и в этих огнях он увидел очертания врагов. Он видел, как горят храбрецы. Лука обнаружил, что ему не хочется поднимать голову над щитами для третьей атаки на порт, и не потому, что он боялся быть пораженным городскими лучниками, а потому, что он не хотел видеть стражей в огне, прыгающих в воду. Но он знал, что он принц, и если у него была хоть какая-то надежда править этой землей, он должен был увидеть последствия своих действий и понять реалии войны.

«Не войны. Битвы, — подумал Лука. Если они могли свергнуть короля одним боем, был шанс, что он спасет свой народ от кровопролития. — Но если дело дойдет до войны… А так почти всегда и бывает…».

Он отогнал эту мысль. Не было смысла беспокоиться об этом сейчас. Он должен был сосредоточиться на битве за Реялон и Крепость Несры. Он заставил себя смотреть. Король Давэд часто произносил перед своими людьми речи о славе войны, но Лука не видел славы, только боль и страдания.

Летело больше огненных стрел.

Корабль приближался к берегу.

Сердце Луки колотилось о ребра, стрелы стучали по «Королеве Звезд». Он видел, как двое из флота Инграна достигли порта, и видел, как люди спрыгнули с корабля и обнажили мечи. Они бросились в бой, встретив людей Стефана сталью. Огромные столбы дыма поднимались в утреннем воздухе, превращая сражающиеся тела в тени на фоне мрачного неба, но Лука чувствовал каждый удар. Он чувствовал каждый крик боли, будто это была его боль, и, пока он смотрел, был ужасный момент, когда он подумал, что может намочить свои штаны от страха вступить в битву, но он напомнил себе, что должен помочь командовать этими людьми. Они хотели видеть его лидером.

Они вот-вот прибыли бы в порт. Лука обнажил меч правой рукой и создал огонь в левой. Он поднял меч и издал боевой клич. Люди последовали примеру, корабль загрохотал от рева и солдат, бьющих сталью по щитам. Крики усилились, когда корабль достиг гавани, и солдаты слезли с «Королевы Звезд». Лука пошел за ними, но Ингран схватил его за плечо и оттянул.

— Не в этот раз, Ваше Величество. Вы слишком ценны для нас, чтобы бежать в бой.

Лука в ужасе повернулся к Инграну.

— Как я могу вдохновить людей?

— Вы уже это делаете, — сказал Ингран. — Вы здесь, и вы в доспехах. Этого достаточно. Вы останетесь со мной. Здесь нет реальной опасности. Реялон явно не готов к нападению, ваш брат слаб, и город будет сдан в ближайшие часы. Мы взломаем городские ворота в течение часа. Смотрите.

Ингран указал на людей, кативших таран по гавани, прикрытых перевернутой лодкой, из которой торчало с дюжину стрел. Вокруг лодки стояли солдаты, отражавшие атаки городской стражи, расчищавшие путь для прохода тарана. Лука увидел стража с топором, бегущего на одного из солдат Инграна, который был занят боем с другим стражем. Лука выпустил огненный шар, попал стражу с топором по ноге. Этого оказалось достаточно, чтобы спасти солдату жизнь. Таран продолжил путь к городским воротам, двигаясь сквозь дым, словно силуэт монстра, готовый врезаться в дерево. Лука знал, что ворота сделаны из толстого дерева, укрепленного крепким деревянным засовом. Смогут ли они пройти через ворота? В другом месте мужчины прикрепляли лестницы к городским стенам и поднимались, чтобы убрать стражей на зубчатых стенах. Лука выпустил два огненных шара, чтобы поразить стражей, ожидающих его людей на стенах.

Он сам выбирал, куда мог дотянуться огнем, и сбил многих людей с зубчатых стен, позволив солдатам Инграна перебраться через городские стены. Некоторые из стражей попытались пробиться на «Королеву Звезд», но Ингран окружил их умелыми солдатами, которые подавляли тех, кто хотел убить Луку. Самыми смертоносными были лучники, но Лука оставался за щитами, пригибаясь, когда предательское движение воздуха сигнализировало о приближающейся стреле.

И тут Лука увидел воду. Она кружилась и танцевала в сражении, красивая и потусторонняя. Она двигалась по спирали и резко взрывалась, сбивая людей с ног. Таня смыла полдюжины лучников с зубчатых стен силой воды, пока Лука наблюдал с корабля. Он сжал меч и пожалел, что не сражался рядом с ней, а потом отбросил эту мысль, вспомнив ее предательство.

«Как она могла сделать это со мной?».

Он опомнился, когда другие стражи Стефана попытались пробиться на корабль. Казалось, они отказались от попыток защитить город и вместо этого пытались убить его. Но Лука, Ингран и солдаты на корабле были готовы к натиску. Лука попал огнем в грудь одному стражу, сбив с собой в воду троих других. Ингран убил двух Братьев, пока остальные его люди расправлялись с нападавшими.

— Мы должны покинуть этот корабль, — крикнул Лука, перекрывая звуки боя.

Ингран кивнул и направил своих людей к гавани. Лука был вынужден пригнуться, чтобы избежать стрел, держась рядом с мужчиной справа, который держал свой щит высоко, чтобы защитить их. Сквозь небольшую щель между щитами перед ним Лука видел огонь, бой и дым. Он видел тела, лежащие на сходнях между причалами, и мертвых людей в воде. Он видел кровь, сгоревшее дерево и сломанные стрелы, валяющиеся на земле. У него пересохло в горле, когда он подумал о простых торговцах и рыбаках, которые всего несколько часов назад толпились в порту.

«Я должен был это сделать, — подумал он. — Нужно остановить брата», — тем не менее, он не мог видеть в этом славы, как его отец, — он только желал, чтобы это

закончилось.

Они пробрались через бой к городским воротам, которые таранили, и они раскололись, но все еще не были достаточно открыты, чтобы их люди могли пройти. Многие солдаты Инграна уже перелезли через стены и попали в город, но им все еще нужно было открыть ворота, чтобы взять город.

Когда человек, несущий щит перед Лукой, упал, Лука взял щит с земли и поднял его над головой, чтобы защитить себя от одного из Братьев, чья булава пронеслась в нескольких дюймах от его плеча. Лука отшатнулся от удара, сбив с ног еще одного человека Инграна. Он пронзил нападавшего мечом, глубоко попав ему живот. Брат упал на колени, булава откатилась. Лука продолжал держать щит, но вложил меч в ножны в пользу огня, позволив большому огненному шару собраться в правой ладони. Они подбирались все ближе к городским воротам, пробиваясь сквозь стражу. Лука обстрелял как можно больше солдат Стефана, расчищая путь для их движения.

Рывок. Хруст. Рывок. Хруст. Рывок. Хруст.

Мужчины работали у городских ворот, постепенно ломая ворота.

Рывок. Хруст.

Вместе с Ингграном он помогал удерживать стражу подальше от людей, работающих у городских ворот, стреляя в нападавших, сокрушая людей своим щитом. Ингран был зверем на поле боя, размахивал топором от одного врага к другому. Лука подозревал, что этот человек не мог оставаться в стороне от боя, что бы он ни говорил Луке о том, чтобы держаться подальше от худшего, чтобы командовать.

Сквозь дым быстро двигались тени. Одни катились по земле, рассекая врагов кинжалами, другие вскакивали на плечи стражникам, находя самое слабое место их доспехов и пользуясь этим. Это были коты-воины, принадлежавшие лорду Тиниану. Смертоносные и быстрые, они заставляли закаленных бойцов городской стражи казаться неуклюжими и медлительными. Лука пожалел своего врага.

ХРУСТ.

Когда ворота, наконец, рухнули, люди Инграна радостно завопили. Но вскоре их заткнули стражи, хлынувшие через открытые ворота и встретившие солдат Луки сталью. Поток людей отбросил их солдат, но Лука бросил огненный шар в группу стражей, отчего многие упали на землю, а другие с криками убежали в горящих плащах. Жар огня Луки усиливал запах битвы, кислый и сладкий от крови и пота.

Солдаты пробились через ворота, оттеснив стражу, чтобы Ингран и принц Лука смогли пройти в Реялон, где на вершине самого высокого холма стояла крепость Несры, ее башни возвышались над дымом горящей гавани.

«Я иду за тобой, брат», — подумал Лука.

30

СТЕФАН

На его груди была тяжесть, давила на ребра, глубже вжимая его в постель. Он знал, что она была там, но когда он попытался убрать предмет, его пальцы скользнули по воздуху, ни с чем не соприкасаясь. Вес был невидимым, но он был там, и он давил на его грудь и не давал ему дышать. Когда ему удалось вдохнуть, грудь его тревожно захрипела, как деревянная игрушка, подаренная ему матерью, с каким-то шариком внутри, издававшая ужасный звук, когда он ее тряс. Он вспомнил, как боялся этого, потому что звук напомнил ему проливной дождь, стучащий в окна крепости. Настойчивость обоих звуков всегда беспокоила юного Стефана.

Теперь он был напуган. Один за другим люди в его комнате пропадали, и среди стражей и Братьев было много шепота. Его мать уже не была у его постели, как и маленький Альберто. Теперь брат Миккел шел к его кровати с глубоким хмурым выражением лица.

— Я умираю, — выпалил Стефан. Это был первый раз, когда он признался в этом самому себе, но, увидев выражение лица брата Миккела, он посмотрел правде в глаза.

Брат не ответил, но Стефан знал, что это правда. Он чувствовал, как его тело чахнет под шкурами на кровати, которые согревали его. Он знал, что от него остались только кожа да кости, только большие нарывы.

— Отпусти моих сестер, — сказал Стефан. — Они не обязаны выходить замуж за этих мужчин. Какой смысл сейчас? Я умру до конца дня, — Стефан вцепился в шкуры и попытался остановить слезы, которые навернулись на его глаза. Почему Просвещенный Бог

позволил ему стать королем только для того, чтобы убить его так скоро во время его правления? Был ли Бог так жесток?

Но брат Миккел только отшвырнул шкуры в сторону и положил руки под мокрую от пота спину Стефана. Стефан вскрикнул от боли, когда мужчина поднял его с кровати и поднял на руки, как ребенка.

— Нам пора идти, Ваше Величество.

Стефан уставился на своего советника, отчаянно пытаясь держать глаза открытыми, игнорируя боль, которая пронзала его кости до пальцев рук и ног.

— Куда мы можем пойти? — напряжение, вызванное этими словами, заставило Стефана закашляться.

— Мы должны покинуть Крепость Несры.

Миккел понес Стефана к двери комнаты, двигаясь быстро, но сумев удержать Стефана. С ними было еще трое Братьев, которые укрыли Стефана шкурами, чтобы согреть его. Кожа Стефана была скользкой от пота, но он дрожал под шкурами. Братья открыли дверь в его комнату и выпустили Миккела со Стефаном. Лица всех Братьев были суровы, как камень, их шаги были широкими и целеустремленными, но при этом скованными, будто их тела были напряжены от беспокойства. Даже в растерянном и лихорадочном состоянии Стефан заметил, что Братья несли грубые железные булавы и кинжалы на поясе. Он открыл рот, чтобы спросить их, что происходит, но слова застряли в горле.

Звуки Крепости Несры зазвенели в ушах. Крики эхом разносились по коридорам, и топот шагов отдавался в голове Стефана. Он даже чувствовал вибрации движения в своей груди. Замок был жив, и в нем грохотали звуки войны.

Война.

Этого не могло быть.

Реялон был в осаде? Кто посмел напасть на город?

Он использовал остатки сил в теле, чтобы сосредоточиться на действиях вокруг себя.

— Миккел, кто атакует город?

Группа из шести юношей бежала по залам с широко раскрытыми глазами, каждый был вооружен мечом, а кольчуга свободно свисала с их маленьких тел. Стефан не знал, кто вооружил мальчиков, но от этого зрелища у него похолодела кровь. Если таким, как конюхи и кухонные работники, вручали меч и кольчугу, что это говорило о битве? Они были в меньшинстве? Стефан подумал о людях, которых он отправил в Эсталу, чтобы преследовать менти и казнить их. Почему он это сделал?

«Кто бы это ни был, он не сможет править, — подумал он. — Он не привлечет простой народ. На него нападут мои люди, как только он возьмет город», — но потом его осенило… Останутся ли его люди верными после его смерти? Кого они поддержат? Серену? Альберто? Миккела?

— Принц Лука, — ответил Миккел. — И принцесса Серена. И Золотой Совет. Кажется они все сговорились против вас, ваше величество, и пришли помешать свадьбе вашей сестры.

Весь воздух, казалось, покинул тело Стефана. Этого не могло быть. Он оставил повстанцев менти разбитыми после уничтожения их лагеря. Как они могли обрести столько силы за короткий срок? Почему Золотой Совет встал на сторону принца Луки? Их союзником был Стефан, а не Лука. Они должны драться на его стороне.

— Предатели из Зантоса, — пробормотал Стефан. — Почему?

— Договор, — ответил Миккел. — Его не соблюдали. Теперь это не имеет значения,

Ваше Величество. Это всего лишь малая часть планов Аниоса.

— Каких планов? — сказал Стефан, его голос ослаб от усилия просто говорить. Каждая косточка в его теле болела, и ему хотелось закрыть глаза и никогда больше их не открывать, но разум почему-то не позволял ему. — Аниос бросил меня, Миккел. Он взял все с собой. Он забрал мою единственную силу, мою силу, мою жизнь. Его план состоял в том, чтобы оставить меня ни с чем и позволить мне прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как мой трон захватят.

— Вас не свергнут, Ваше Величество, — убежденно сказал Брат.

Но Стефан думал только о том, как упрямо брат Миккел продолжал верить, что у Аниоса есть какой-то особый план для Стефана. Как мог этот человек быть настолько упрямым, чтобы не заметить, что юноша у него на руках близок к тому, чтобы испустить последний вздох? Как он мог быть настолько слепым?

Они спешили по коридорам, когда Стефан услышал звуки борьбы вокруг себя. Он хотел закрыть уши от лязга мечей и людских криков, но не мог. Он даже видел, как люди падали с зубчатых стен через бойницы в стенах крепости. Он видел людей в огне.

«Лука», — подумал он с ненавистью.

Когда Стефан закрыл глаза, он превратился в огромного дракона, возвышающегося над Реялоном. Его крылья простирались вдоль города, достигая почти Моря Царей. Когда его пасть открылась, пространство между его клыками стало темной пещерой, а под всем этим было брюхо, полное пламени, которым он мог убрать своих врагов, один залп, и они исчезнут. Он был сильным, могущественным зверем, с которым нужно считаться, а не умирающим ребенком на руках мужчины.

Стефан открыл глаза и увидел, что они направляются в подземелья замка. Миккел двигался еще быстрее, чем прежде, с настойчивостью, которая пугала Стефана. Словно солдаты могли вот-вот наброситься и убить их всех. В чем смысл? Стефан не понимал.

«Что за спешка? Просто позволь им победить», — но он был слишком слаб, чтобы предложить это брату Миккелу сейчас. Его зрение затуманилось, а голова раскалывалась от боли. Он чувствовал каждый шаг в самой болезненной области, особенно вокруг фурункулов.

— Еще немного, — сказал Миккел. — Держитесь, мой король.

Стефан больше не чувствовал себя королем — он чувствовал себя младенцем, закутанным в лохмотья. Он мог быть нищим на улицах Реялона, что бы это ни значило. Несмотря на все усилия, Стефану предстояло умереть такой же жалкой смертью, как и уличным мальчишкам в городе. Его голова склонилась, и он издал протяжный отчаянный стон.

— Ты принес то, что я просил?

Голос брата Миккела звучал странно в сознании Стефана. Ему казалось, что он слушал сквозь воду, голос был приглушен, но Стефан все же смог разобрать звук. Только тогда он понял, что его положили на землю. Где они были? Стефан открыл глаза и оглядел тусклую комнату. Там было темно и пахло плесенью. На ближайшей стене горел факел, освещая маленькую темную камеру. Они были под землей, решил он, потому что тут вообще не было окон.

— Да.

Брату Миккелу передали небольшой сверток.

— Что…? — начал Стефан, но не смог закончить, потому что его голос стал хриплым, а в горле пересохло.

Он хотел сказать: что происходит? Что ты собираешься сделать? Где мы?

Скорее всего, они были в подземельях Крепости Несры. Было неразумно останавливаться в подземельях, когда армия Луки стучалась в двери. Не лучше ли вообще сбежать? Стефан знал, что есть много секретных проходов, ведущих из Крепости в убежище.

«Какая разница? Я скоро умру. Возможно, я увижу отца», — что отец сделает с ним в загробной жизни? Может, король снова и снова будет выталкивать его из окна. Было бы уместно, если бы он провел вечность жертвой своего самого ужасного преступления. Теперь, наконец, Стефан почувствовал, как бремя преступления тяготит его душу. Он был так поглощен идеей стать королем… наконец, заслужить уважение королевства, своей семьи. Ему не было стыдно за совершенное им убийство, потому что в его сознании оно было оправданным. Что ж, теперь он уже не был так уверен, и ему хотелось вернуть все назад, вернуться в детство и начать заново, другим человеком, не снедаемым мелочной завистью и злобой.

Комната расплылась, его глаза потеряли фокус, но перед ним все еще было движение, которое Стефан принял за брата Миккела. Стефан попытался поднять голову, чтобы увидеть, что делает Миккел, но пульсирующая боль заставила его застонать и опустить голову на солому, положенную под ним. Он моргнул, и комната на мгновение стала четкой. Он увидел, как мерцающее пламя факела озаряло движения брата Миккела, он брал предметы из маленького свертка, который дал ему брат. Хотя движения были размытыми для Стефана, он увидел бутылочки, наполненные красной жидкостью, пучок чего-то похожего на травы, какой-то коготь хищной птицы и комок красной плоти размером с ладонь. Стефан моргнул и понял, что это было сердце.

Брат Миккел расставил причудливые предметы вокруг Стефана, и комнату наполнил звук. Это было пение. Миккел очень тихо пел на языке, которого Стефан не знал. Такое он никогда раньше не слышал, но слова успокаивали его, даже на незнакомом языке. Его сердце начало замедляться, а боль, прожигавшая его кости, начала рассеиваться, пока совсем не пропала.

Теперь он нашел в себе силы заговорить:

— Что происходит?

Но никто не ответил на его вопрос. Голова Стефана кружилась, и он почти чувствовал, что парил в нескольких дюймах от земли. Чувство эйфории нахлынуло на него, когда брат Миккел взмахнул руками над телом Стефана, странные слова эхом разнеслись по полутемной комнате.

Внезапным резким движением брат Миккел залез под шкуры и разорвал тунику, в которой был Стефан, обнажив грудь короля. Миккел схватил коготь и опустил его на плоть Стефана. Боль была настолько сильной, что Стефан начал корчиться на соломе. Коготь прорезал его тонкую кожу, как нож — пергамент, заставив Стефана задуматься в затуманенном болью, лихорадочном разуме, какое колдовство делало коготь острее ножа. Он попытался посмотреть на свою грудь, чтобы увидеть, что брат Миккел вырезал на его коже, но его голова была слишком тяжелой, чтобы поднять ее. Вместо этого он увидел, как рука Миккела изгибается, и решил, что он вырезал на его груди какой-то круглый символ.

В комнате было так жарко и душно, что Стефан едва мог дышать, и теперь воздух наполнился резким запахом крови. Каждый раз, когда он пытался наполнить легкие, он чувствовал скрежет в груди, и усилия ослабляли его.

«Сколько мне осталось вдохов?» — пока Стефан делал последние вдохи, его самый

верный друг причинял ему боль и использовал его для какого-то колдовства. Стефан подумал обо всех зельях, которые Миккел давал ему за эти годы. Предполагалось, что они сделают его сильнее, помогут ему поглотить силу менти, которых он убил, но что, если они были созданы для того, чтобы служить цели, которую Миккел воплощал в момент смерти Стефана? Что, если Миккел никогда не был его другом?

Наконец, символ был вырезан, и брат Миккел поднялся и встал над Стефаном. Мужчина был размытым для Стефана, но Стефан различил очертания его рук, поднимающихся над головой. И когда брат Миккел поднял руки, Стефан почувствовал, как болезнь наполняет его тело. Боль в костях, боль от фурункулов, пульсация в голове — все это вернулось, давило на грудь.

«Вот оно, — подумал Стефан. — Это мой последний вдох», — и с этим вдохом к Стефану пришли воспоминания. Он видел свою мать и ее усталые глаза, он видел своего отца и его суровое лицо, он видел свою сестру, читающую книгу на подоконнике, и свою младшую сестру Каролину, скачущую по лесу на белом пони. Потом он увидел Луку в постели, больного. Стефан никогда не навещал Луку и теперь пожалел об этом. Возможно, он был неправ, причинив Луке боль. Возможно, он ошибся, послушав брата Миккела.

Воспоминания начали исчезать так быстро, что Стефан запаниковал, отчаянно пытаясь вернуть их. Его грудь хрипела, когда он дышал, как это было у его жены, когда она умирала. Он почувствовал, как пот стекал с его лба на губы. Так же быстро воспоминания ускользали из его разума, вытекая из него, как вода из выжатой тряпки.

«Нет, нет, нет, нет, — подумал он. — Я хочу помнить. Я хочу думать о них, когда умираю» — но воспоминания отступали, как волна.

И когда его дыхание сотрясло его пустую грудь, Змей Стефан перестал ощущать себя. Сначала это были его воспоминания, затем его мысли и чувство языка, а затем сущность. Понимание, кто он такой.

Пока он не стал пустой оболочкой. Телом.

Но Брат Миккел стоял над телом, высоко воздев руки над головой, наблюдая, как последний вздох Стефана покидает его тело. Брат Миккел стоял. Мужчина ждал.

У тела, покоившегося на соломе, из груди капала кровь. На плоти был вырезан круг с тремя остроконечными рунами в центре. Кожа тела была желтоватого оттенка и блестела от пота, выступившего из каждой поры.

Брат Миккел ждал.

Грудь тела приподнялась, будто воздух наполнил легкие. Опустилась.

Грудь приподнялась. Опустилась.

Тело открыло глаза.

Тело дышало ровно, и фурункулы падали с его кожи, как виноградины, сорванные с лозы. Тело село лицом к Брату.

— Вы не думали, что я позволю вам умереть, Ваше Величество, — сказал брат Миккел.

— Я не Его Величество, — ответило тело. — Я Бог.

Брат Миккел улыбнулся владыке.

ЛУКА

В ушах Луки звенела сталь, но это был не звук боя, а звук тысячи мечей, ударившихся о каменный пол тронного зала в Крепости Несры. Городская стража сдалась, и Лука завладел городом. Командир Ингран стоял рядом с ним, выпрямив спину и обнажив топор. Он затмевал Луку размерами и ростом, но Лука все еще чувствовал себя великаном среди людей, наблюдая, как мужчины складывают оружие.

— Обыщите замок, — приказал Лука. — Ищите принца Стефана, — Стефан больше не был королем, и он не стал бы называть его королем.

Две дюжины мужчин поспешили из комнаты, а Лука уставился на трон на помосте под гобеленом с изображением Просвещенного Бога в синих одеждах. Это был новый гобелен, и Лука не мог не заметить Бога с его братом на этом особом изображении.

— Снимите этот кошмар, — приказал Лука. Он не мог вынести этого зрелища.

— Ваше величество, нам нужно поговорить. Ингран указал на меньшую комнату, ведущую из длинного тронного зала. Там они нашли стол, который не был перевернут в бою. Лука последовал за командиром и сел, подумав, что уже давно не сидел в доме детства. Стул должен был ощущаться удобнее.

— Что такое, Ингран? — спросил Лука.

— Мы должны обсудить, что будет с вашим братом, когда его найдут.

Лука шаркнул ботинком по камням, неловко ерзая. Он думал об этом вопросе, и ни один из вариантов не приносил ему удовлетворения.

— Мой брат умирает, но он предатель, и его нужно судить как предателя, если он проживет достаточно долго.

— Его нельзя судить за цареубийство, его нужно казнить и быстро. Судебные процессы являются публичными и обычно заканчиваются публичной казнью. По всему королевству есть больные мужчины и женщины, которые верят, что ваш брат хороший и святой. Это даст им время разозлиться, а нет ничего более смертоносного, чем молодые злые бедняки. Вы должны убить своего брата сегодня, если он еще не мертв. Вы должны положить этому конец, чтобы начать свое правление.

Лука почувствовал тошноту, глядя на каменный пол тронного зала. Ощущение силы не длилось и минуты. Теперь он должен был думать об убийстве больного человека. Не просто человека, его брата. Мог ли он вообще пройти через это? И каким королем он будет, если не сможет принять трудное решение казнить своего брата?

«Королевство на первом месте», — подумал он. Но он молился любому Богу, который слушал, чтобы они нашли его брата уже мертвым естественной смертью.

— Вам не обязательно быть тем, кто наносит удар, — сказал Ингран. — Теперь, когда вы — король, вы можете назначить палача.

— Меня еще не короновали, — сказал Лука.

Ингран пожал плечами.

— Незначительная деталь. Государству нужен король, и вы будете сидеть на троне после того, как мы разберемся с вашим братом.

На лицо командира Инграна упали тени, затемнив его глаза, и Лука задумался, как долго он будет оставаться под контролем Золотого Совета и командиров Золотого Совета. Он хотел, чтобы брат Аксил был здесь с ним. Ему нужен был совет от человека, которому он доверял, а не от людей, которых он встретил несколько дней назад. Взгляд Луки

переместился на вход в тронный зал, где он искал знакомые лица, любого, кто мог бы заставить его чувствовать себя здесь более непринужденно, более желанным. Именно тогда он увидел Таню. Она стояла рядом с Джеральдо, аккуратно убрав руки за спину, и смотрела, как людей Стефана обыскивают в поисках оружия. Ему очень хотелось подойти и поговорить с ней, но он колебался. Казалось, она почувствовала, что кто-то наблюдает за ней, и ее взгляд метнулся к нему. Лука опустил взгляд и почувствовал, как его щеки вспыхнули от смущения. Что он делал? Он должен сосредоточиться на королевстве, на своем брате, на замке. Не на ней.

— Ваше Величество.

Лука поднял голову. Он не заметил приближения солдата, так как думал о Тане. Он надеялся, что румянец на его щеках исчез.

— Мы нашли кое-что в часовне, Ваше Величество. Думаю, будет лучше, если вы сами все увидите, — солдат был молодым и коренастым, с забрызганной кровью броней. Он говорил с акцентом Зантоса, как и все его солдаты.

«Не было ни одного бойца из моего королевства», — подумал Лука. И снова он беспокоился, что его народ не примет его как своего короля.

— Это мой брат? — спросил Лука.

Солдат покачал головой.

Лука встал и последовал за молодым солдатом через замок. Многие мужчины торжественно склоняли головы, когда он проходил мимо. Другие этого не делали. Это было тревожное зрелище, тем более что они едва захватили замок, и он ожидал, что люди будут достаточно отчаянными, чтобы присягнуть на верность, спасти свою жизнь. Насколько разделенной Стефан оставил Эсталу? Он был уверен, что скоро узнает.

Тишина часовни была нарушена эхом их шагов по длинному похожему на пещеру залу. По стенам плясали тени от горящих жаровен по обеим сторонам прохода, ведущего к возвышению. Пока Лука осматривал часовню, вид у помоста заставил его двигаться по проходу быстрее. Рядом с двумя мужчинами и Братом стояли две молодые женщины в длинных розовых платьях. Женщины были красивы, с длинными каштановыми волосами, наполовину спутавшимися, наполовину заплетенными на спине.

— Серена! — воскликнул он, переходя на бег.

Через миг он понял, что второй красивой молодой женщиной была его младшая сестра Каролина. Она рыдала, протягивая к нему руки. Лука почувствовал жжение слез в своих глазах, и в его груди раздался глухой удар, который чуть не сбил его с ног, настолько он был силен. Когда он заключил младшую сестру в свои объятия, он, наконец, почувствовал притяжение от своего дома, которое он ожидал с того момента, как ступил на землю Эсталы. Он был *дома*. И его семья была здесь.

Каролина отодвинулась от него, отвела кулачок и изо всей силы ударила его по плечу. Лука почувствовал, как люди Инграна тянутся за мечами, но поднял руку, чтобы остановить их.

— Почему так долго? — спросила Каролина, ее темные глаза сияли от ярости.

Лука проигнорировал желание потереть ушибленное место на руке от ее удара, взъерошил ей волосы и ущипнул ее за ухо так, как она раньше ненавидела. Обычно, когда он щипал Каролину за ухо, она сердито смотрела на него, пока он не отступал, но на этот раз она расплылась в улыбке, прежде чем снова заплакать. Лука еще раз обнял ее, прежде чем повернуться к старшей сестре.

— Ты хорошо сделала, что сообщила Золотому Совету, — сказал Лука. — Это было умно.

— Я не такая умная, как ты думаешь, — призналась Серена. — Мои попытки заниматься придворной политикой, как видишь, не увенчались успехом, — она указала на платье. — Но я рада, что мне удалось сделать одну хорошую вещь. Какое облегчение видеть твое лицо, Лука.

— Нам нужно поговорить наедине. Кто эти люди?

— Свиньи! — Каролина оскалилась самому юному мужчине, и он стал зеленовато-белым.

Серена рассмеялась, взяла Каролину за плечо и притянула к себе.

— Они не свиньи. Это мужчины, за которых мы должны были выйти замуж. Стефан устроил это. Я считаю, что эта ситуация была так же навязана им, как и нам. Нет нужды причинять им вред.

Лука почувствовал, что один из мужчин, тот, что постарше, который только улыбнулся вспышке Каролины, собирался представиться, но Лука поднял руку, останавливая его.

— Сначала я должен поговорить с сестрой, — было время выяснить, что делать с двумя почти-мужьями позже. Он повернулся к командиру Инграну. — Я буду с принцессой Сереной в своих покоях. Пожалуйста, придите ко мне немедленно, если мой брат найдется. Пусть моя младшая сестра Каролина вернется в свои покои и возьмет этих двух джентльменов под свою опеку. Мне нужно будет поговорить с ними позже.

— Очень хорошо, — сказал командир Ингран, затем поручил трем стражам сопровождать Луку и Серену через крепость.

— Ты все еще знаешь дорогу? — спросила Серена с улыбкой на губах.

— Она не сильно изменилась, — ответил Стефан. — В коридорах как всегда холодно.

Хотя его сестра улыбалась, пока они шли к старым покоям Луки, он видел, что она страдала с тех пор, как он ушел. Стресс, связанный с придворной политикой Стефана, придал ее лицу более жесткое выражение, чем то, которое он помнил. Она похудела, стала резче, и глаза ее не могли оставаться на одном месте — взгляд беспрестанно блуждал по стенам, по лицу Луки, к ее заламывающимся рукам. Она была полна нервной энергии, от которой воздух дрожал вокруг нее.

Наконец, Лука подошел к дубовой двери, ведущей в его комнату, а там на полу был еще не стертый с камней след от огня. Его кровь превратилась в лед при виде места, где умер его брат. Он знал, что столкнется с этим местом, но не был к этому полностью готов.

Кашлянув, Лука повел Серену вокруг следа к столу у окна. Он сел и уставился на дым, все еще тянущийся от пожаров вдоль гавани.

Какое-то время они молчали, пока Лука, наконец, не сказал:

— Я не собирался убивать Матиаса. Я любил его и хотел, чтобы он был королем. Видит Бог, он был единственным из нас, кто мог бы стать хорошим королем, великим королем, и я всегда хотел, чтобы он правил. Он был лучшим из нас во всех отношениях.

— Да, — согласилась Серена.

— Я — менти, — признался Лука. Дрожь пробежала по его спине, когда он произнес это слово. — У меня есть силы, которые я не учился контролировать, и поэтому Матиас умер. Он оказался не в том месте и не в то время, — его голос был надломлен, это выдавало бурные эмоции глубоко внутри. Он взглянул на сестру, чтобы узнать, заметила ли она, но она молчала. — Если бы я мог остановить появление этих сил в то время, я бы сделал это. Я

бы сделал все, чтобы он сидел здесь с нами. Но этого уже не может быть. Это случилось, и вот мы здесь. Я — менти, и я обязан использовать и контролировать свои силы, чтобы обеспечить безопасность королевства. Я не единственный в нашей семье со способностями. Ты знала, что Стефан — дракон?

Глаза Серены расширились.

— Дракон? Но… он был так слаб. У него была чума.

— Я видел, как он превратился в дракона у меня на глазах. Я и его сжег. Это был ужасный бой. Я бы хотел, чтобы этого никогда не было, — он протяжно вздохнул. — Но это было, и вот мы здесь.

— Наш отец умер. Матиас мертв. Стефан, скорее всего, мертв или скоро умрет, — сказала Серена. — И теперь ты здесь, чтобы претендовать на трон. Я не буду биться с тобой за него. Был момент, когда я подумала, что, возможно, я смогу забрать трон, но не потому, что я этого хотела, а только потому, что я не хотела, чтобы он был у Стефана.

— Я понимаю, — сказал Лука. Я тоже не хочу трон.

— Королевство сплотится вокруг тебя быстрее, чем со мной. Я женщина, в конце концов, — Серена закатила глаза и издала глухой смешок.

— Они думаю, что я хладнокровно убил брата, — Лука невесело рассмеялся с ней.

— Это не важно, — сказала Серена. — Это показывает силу и внушает страх. Они увидят в тебе великого завоевателя, который заслуживает трон, потому что он сражался за него.

— Хотел бы я в это поверить, — сказал Лука, опуская взгляд.

— Братья Понимания будут проблемой, — сказала Серена. — Будет война.

— Я знаю, — ответил Лука. — Я чувствую это.

И он чувствовал. Ощущение трепетало, даже когда они сидели у окна и смотрели, как дым поднимается над городом. Он вообразил, что ощущение разносилось по полям и лесам Ланты, горам Ирринтии. По всему его королевству. Но он больше не был одним из мятежников, поднявшихся на зов восстания, — он был лидером, который должен найти способ собрать воедино свое королевство.

— Ты мне нужна, — сказал Лука. — Мне нужно, чтобы ты правила вместе со мной.

Серена перестала заламывать руки и уставилась на него с неподвижностью, какой он не видел в ней с тех пор, как сбежал из Эсталы.

— Ты серьезно? Правда?

Лука протянул руку и сжал ладонь сестры.

— Правда.

Дверь в его покои распахнулась, и в комнату вошел командир Ингран.

— Простите, что прерываю, Ваше Величество, но я пришел сразу же, как вы просили.

— Где он? — Лука отпустил руки Серены и поднялся. Его тело дрожало от тревожной энергии.

— Стража обыскала каждую комнату, каждый туннель, каждую камеру в подземельях и каждую башню. Принца Стефана и брата Миккела нигде нет.

Сердце Луки начало колотиться, а ноги ослабли. Стефан не мог сбежать.

— Обыщите и город. Почините городские ворота. Не выпускайте никого из Реялона, не выпускайте корабли из гавани.

— Да, Ваше Величество, — Ингран поклонился и вышел из комнаты.

— Но он не мог… Я видела его, и он умирал. Он был близок к смерти, я слышала это в

каждом его вдохе и в каждом хрипе из его горла, — Серена стояла, вцепившись руками в рукава платья. Она сутулилась, плечи напряглись, отчего Лука еще больше ощутил тревогу.

— Однажды и я был на смертном одре, — сказал Лука.

Он подошел к окну, чтобы посмотреть, как дым поднимается над его городом.

«Однажды я был на смертном одре. Вот, что произошло», — он положил руку на камень и позволил тяжелому воздуху обжечь глаза. Пока он ощущал тепло тлеющих внизу костров, Лука почувствовал, как покалывает шею. Что-то подсказало ему поднять взгляд на Морю Королей, что он и сделал. И там, вдалеке, на долю секунды ему показалось, что он увидел сквозь дым драконьи крылья.

Больше книг на сайте - Knigoed.net